

СОФИСТЪ.

СОФИСТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Написавъ и выпустивъ въ свѣтъ Софиста, Платонъ самъ показалъ тѣсную связь его съ Теэтетомъ: по словамъ Платона, изложенный въ Софистѣ разговоръ происходилъ на другой день послѣ собесѣдованія Сократа и Теэтета; это высказано въ самомъ началѣ діалога. Притомъ и собесѣдники здѣсь тѣ же самые, какіе были въ Теэтетѣ: въ числѣ разговаривающихъ въ немъ лицъ являются опять—отличнаго ума юноша, Теэтетъ, и учитель его, Теодоръ киринейскій. Участвуетъ также въ этой бесѣдѣ и Сократъ,—хотя уже не какъ главное лицо: онъ немного говоритъ только при открытіи собесѣдованія и установленіи предмета разсужденій. Причина такой тѣсной связи двухъ этихъ діалоговъ ясна: темы ихъ такъ близко касаются одна другой, что предметъ, разсматриваемый въ Софистѣ, можно считать продолженіемъ того, о которомъ шла рѣчь въ Теэтетѣ. Тамъ было доказано, что силы знанія нѣтъ ни въ чувственныхъ усмотрѣніяхъ, ни въ мнѣніяхъ, и этимъ разсужденіемъ опровергнуты положенія гераклитянъ и протагорейцевъ, которые все знаніе истины приписывали особенно чувствамъ. Здѣсь, въ Софистѣ, философъ тѣмъ же путемъ идетъ

далѣе. Въ крайность, противную Протагоровой, во времена Платона впадали мыслители элейскіе, которые знанія истины искали единственно въ умѣ,—въ томъ, что мы мыслимъ, какъ *бытіе*, созерцаемое только умомъ. Парменидъ, со всею тонкостію изслѣдывая причины и начала вещей, по слѣдамъ Ксенофана пришелъ наконецъ къ тому, что представляемое нами бытіе, находящееся во всѣхъ вещахъ, принималъ за начало ихъ, и въ немъ одномъ полагалъ возможнымъ знаніе всякой истины. Такимъ образомъ онъ выдумалъ какую-то природу мыслимую, которую греки называютъ *ousia*, и къ ней отнесъ все, почитаемое истиннымъ, а тому, что постигается чувствами, и самому чувственному усмотрѣнію уступилъ только правдоподобіе мнѣнія. Но, смотря на свое *δύ*, называющееся также *ἐν*, какъ на нѣчто однообразное, вѣчное, неизмѣняемое, чуждое всякой множественности и разнообразія, онъ впалъ въ заблужденіе, противное тому, которое допустили философы, судъ объ истинѣ предоставлявшіе чувствамъ: ибо какъ эти уничтожали всякое единство знанія, поколику постигаемое чувствами, по природѣ, течетъ и непрестанно движется; такъ тотъ уничтожилъ всякое разнообразіе знанія и почти совершенно отвергъ возможность преслѣдовать истину, поколику знаніе человѣческаго ума направлялось у него къ одному существу, о которомъ ничего нельзя сказать. То общее понятіе о сущности, хотя бы она и дѣйствительно была, никакъ не могло приписывать ей различіе предикатовъ, условливающихъ знаніе истины, если же и приписывало, то ошибочно. Это ученіе элейской школы казалось Платону заслуживающимъ точнѣйшаго изслѣдованія. Философъ долженъ былъ такъ думать тѣмъ болѣе, что и самъ видѣлъ въ немъ исходную свою точку, и другіе ученики Сократа сильно склонялись къ нему, и хотя Парменидову существу приписывали нѣкоторую множественность и различіе частей, однакожь измѣняемость и общительность считали чуждыми его природѣ. Такъ думали мегарцы,—и понятія ихъ, равно какъ взглядъ

самого Парменида, Платонъ вознамѣрился подвергнуть изслѣдованію. Первые замѣчали, что то общее бытіе, не имѣя различія частей, заключаетъ въ себѣ мало силы для знанія истины, и потому тотчасъ отступили въ этомъ отношеніи отъ Парменидова ученія и допустили идеи или безтѣлесные виды, къ которымъ исключительно должно быть относимо знаніе истины. Съ этой стороны они, безъ сомнѣнія, значительно сходились съ Платономъ; но съ другой за то очень рѣзко разногласили съ нимъ. Платонъ признавалъ свои идеи не только абсолютными, но и живыми, способными къ общенію,—въ соотвѣтствіе понятіямъ, которыя какъ бы отпечатлѣны въ человѣческомъ умѣ, но входятъ въ многоразличную связь и между собою, и съ вещами видимыми. Напротивъ, мегарцы, чтобы не совсѣмъ оставить взглядъ Парменида на постоянство сущаго, полагали, что формы его непремѣнно вѣчны, неподвижны, косны, не способны ни къ какому общенію (см. *Sophist.* p. 246 В sqq.; 248 А—Е; 249 С, D). Какъ мы сохраняемъ въ своихъ душахъ общее понятіе сущности, хотя съ природою ея соединяемъ многоразличныя свойства: такъ и они, допуская идеи, вмѣстѣ съ тѣмъ признавали единство высочайшаго существа, и даже, возвратившись къ мышленію Ксенофана, называли его Богомъ и верховнымъ Благомъ. Что дѣйствительно убѣждены они были въ томъ и другомъ, видно изъ указанныхъ мѣстъ Платонова Софиста и несомнѣнно подтверждается свидѣтельствомъ Аристотеля, который (*Metaph.* XIV, 4, p. 301, ed. Brand.) говоритъ: τὼν δὲ τὰς ἀκινήτους οὐσίας εἶναι λεγόντων οἱ μὲν φασιν αὐτὸ τὸ ἐν τὸ ἀγαθὸν αὐτὸ εἶναι οὐσίαν μέντοι τὸ ἐν αὐτοῦ φῶντο εἶναι μάλιστα. Эти слова, безспорно, должны быть относимы къ мегарцамъ; ибо несомнѣнно дознано, что положеніе: οἱ μὲν φασιν αὐτὸ τὸ ἐν τὸ ἀγαθὸν αὐτὸ εἶναι, есть подлинное мегарское. И такъ, мы принимаемъ за вѣрное, что Эвклидъ допускалъ одно сущее и εἶδη πολλὰ, какъ бы части и формы его;—но при этомъ онъ во многомъ не соглашался съ Платономъ,

потому что, строго держась Парменидова мнѣнія о постоянствѣ, неподвижности и равнобытности сущаго, такую же неподвижность, постоянство и вѣчное пребываніе приписывалъ и идеямъ; такъ что идеи у него не имѣютъ никакого единенія ни между собою, ни съ измѣняющимися вещами. Этотъ философъ сравнивалъ ихъ съ такъ называемыми отвлеченными понятіями человѣческаго ума и полагалъ, что онѣ существуютъ самостоятельно и каждая особо. У греческихъ философовъ до Аристотеля было общемо мнѣнію, что понимаемое какъ бытіе есть бытіе на самомъ дѣлѣ; такимъ образомъ помыслы ума и самую сущность они смѣшивали между собою. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой взглядъ нравился и Эвклиду; потому что онъ въ этой части своей науки слѣдовалъ Пармениду, который, какъ извѣстно, училъ, что *бытіе* и *мышленіе*—одно и то же. Такъ вотъ каково было понятіе Эвклида и его друзей объ идеяхъ! Но если идеи признаваемы были у нихъ неподвижными и неизмѣняемыми, то легко понять, что должно было отсюда слѣдовать. Изъ принятаго ими взгляда нельзя было усмотрѣть, какимъ образомъ возможно взаимное соединеніе многихъ идей, или связь одной и той же идеи съ вещами недѣлимыми; поэтому они отвергли всѣ синтетическія сужденія и оставили только тождественныя. Это самое ученіе Платонъ затрогиваетъ въ своемъ Софистѣ (р. 259 E sqq. и 251 A sqq.), гдѣ жалуется на любителей такого пустаго умствованія (сн. Parmenid. p. 142 A; 161 A. Theaet. p. 189. Euthyd. p. 284 A. Phileb. p. 14 C sqq.; 15 A sqq.).

Если объясненіе наше вѣрно, то всякій пойметъ, какая находится связь между Платоновымъ Софистомъ и Теэтетомъ. Какъ въ Теэтетѣ говорится, что истины не даетъ ни чувственное усмотрѣніе, ни мнѣніе,—такъ въ Софистѣ доказывается, что для познанія истины недостаточны ни то существо элейцевъ, ни тѣ неподвижныя идеи мегарцевъ; даже объясняется, что въ идеяхъ должны быть равно движеніе и покой, если только почерпается изъ нихъ познаніе вѣч-

ной истины. И въ этомъ-то особенно состоитъ все содержаніе діалога. По мысли Платона, дѣло истиннаго діалектика и философа—изслѣдовать многоразличныя отношенія идей, сродство и соединеніе ихъ; и этотъ долгъ казался Платону тѣмъ выше и почтеннѣе, что свои идеи признавалъ онъ не просто помыслами ума, но скорѣе приписывалъ имъ дѣйствительное существованіе; такъ что, по его словамъ, онѣ содержатъ въ себѣ истинную сущность всѣхъ вещей (Parm. p. 79 sqq.).

Но, не смотря на близкую связь и сходство Софиста съ Теэтетомъ, тотъ очень ошибается, кто заключилъ бы, что предметъ обсуждается въ Софистѣ такимъ же образомъ, какъ въ Теэтетѣ. Напротивъ, здѣсь все, кромѣ бесѣдующихъ лицъ, совершенно иное и излагается иначе; въ образѣ изложенія здѣсь встрѣчается много новаго, необыкновеннаго, неожиданнаго. Между этими діалогами видна важная разница даже и въ томъ отношеніи, что тѣ же почти лица въ обоихъ принимаютъ не то же участіе въ бесѣдѣ. Въ Софистѣ Сократъ хотя и присутствуетъ, но не какъ учитель, собравшій вокругъ себя друзей, для разсужденій о важномъ предметѣ, а большею частію какъ слушатель, который, сказавъ нѣсколько словъ въ началѣ бесѣды, потомъ во все продолженіе ея сидитъ молча. Роль Сократа здѣсь досталась иностранцу, человѣку еще неизвѣстному, котораго привели съ собою Теэтетъ и Феодоръ. Онъ почти непрерывно разсуждаетъ съ Теэтетомъ; а прочіе присутствующіе при разговорѣ едва кое-гдѣ примолвятъ нѣсколько словъ. Потомъ, читая Софиста, всякій замѣтитъ, что въ немъ господствуетъ характеръ рѣчи, далеко отступающій отъ сократической легкости, плодовитости и изящества. Здѣсь все связывается нѣкоторою утонченностію діалектики, происходящею, по видимому, изъ обычая какой-то школы. Здѣсь вы встрѣчаете необыкновенное множество дробныхъ дѣленій и подраздѣленій, которыя устанавливаются такъ, что понятіе о разсматриваемомъ предметѣ всегда дѣлится на двое, что-

бы дать ему точнѣйшее опредѣленіе; и подобный способъ разсужденія примѣняется иногда къ такимъ вещамъ, которыя не относятся къ цѣли бесѣды, а только поставляются передъ глазами, какъ бы какой примѣръ діалектическаго вопроса. Здѣсь одинъ и тотъ же предметъ нерѣдко обсуживается въ нѣсколько приемовъ, и притомъ такъ, что его значеніе и природа иной разъ опредѣляются больше случайными признаками, чѣмъ существенными его свойствами. Наконецъ, тотъ же способъ прилагается для изслѣдованія положеній Парменида и другихъ философовъ о сущности вещей, причемъ въ элейцѣ усматривается такая ревность къ истинѣ, что онъ, по видимому, забываетъ самъ себя и невольно склоняется къ сократическому образу разсужденія. Къ этому присоединяется еще нѣчто такое, что можетъ показаться особенно загадочнымъ. Тогда какъ въ Теэтетѣ все разсужденіе ограничивается рѣшеніемъ вопроса, почему знанія истины надобно искать не въ чувственныхъ усмотрѣніяхъ и мнѣніяхъ, — въ Софистѣ, на первый взглядъ, направляется дѣло совсѣмъ не къ изслѣдованію элейскихъ и мегарскихъ мнѣній о природѣ истины и знанія. Здѣсь весьма широко разсматривается вопросъ о томъ, что такое «софистъ»: этимъ, по видимому, и начинается, и оканчивается книга; и тутъ же, по мѣстамъ, дѣлается замѣчаніе, что о политикѣ и философѣ была рѣчь въ другое время. Что же это такое? Почему съ дѣйствительнымъ содержаніемъ діалога соединенъ здѣсь вопросъ о софистѣ?—Это можетъ объясниться только тогда, когда все содержаніе разсматриваемаго сочиненія мы подведемъ подъ одинъ взглядъ. Чтобы легче сдѣлать это, надобно сперва, по нашему обычаю, обозрѣть сущность всего излагаемаго здѣсь разсужденія, слѣдуя тому же порядку частей, какой установленъ самимъ Платономъ, и соблюдая имъ же придуманную связь между этими частями. Сдѣлавъ такъ, мы затѣмъ попытаемся разсмотрѣть все, что служитъ къ объясненію содержанія и внѣшняго плана настоящей книги.

На другой день послѣ бесѣды, изложенной въ Теэтетѣ, Θεодоръ и Теэтеть, по условію, опять сходятся съ Сократомъ и приводятъ съ собою элейскаго иностранца, посвятившаго свою жизнь философіи. Сократъ привѣтствуетъ его съ особенною вѣжливостію, хотя и не безъ ироніи, подозрѣвая въ немъ какаго нибудь діалектика, который тонкими разсужденіями въ состояніи все колебать и опровергать. Но Θεодоръ, напротивъ, рекомендуетъ его, какъ человѣка кроткаго и скромнаго, не похожаго на обыкновенныхъ тогдашнихъ спорщиковъ: это, говоритъ, въ философіи человѣкъ божественный, какими я почитаю всѣхъ, надлежащимъ образомъ занимающихся ею. Выслушавъ это, Сократъ дѣлитъ философовъ на политиковъ и софистовъ,—а иногда они даже получаютъ имя сумасбродовъ,—и спрашиваетъ у иностранца, какое различіе находятъ элейцы между софистомъ, политикомъ и философомъ. По поводу этого Сократова вопроса, иностранецъ приступаетъ къ разсужденію о томъ, что такое по природѣ софистъ, и къ собесѣдованію съ собою приглашаетъ Теэтета. У элейцевъ и мегарцевъ, кажется, было въ обычаѣ, для занятія діалектикою, устанавливать ученые разговоры, въ которыхъ извѣстные предметы обсужденія давали тему для состязанія. На это указываютъ многія свидѣтельства какъ о Зенонѣ элейскомъ, такъ и объ Эвклидѣ, главѣ мегарской школы. И такъ, начинается рядъ вопросовъ и отвѣтовъ о томъ, что такое софистъ,—и при этомъ выдерживается способъ разсужденія больше мегарскій, чѣмъ сократическій. Предложенную задачу трудно рѣшить съ надлежащею точностію, говоритъ иностранецъ. Чтобы познаться съ самымъ удобнымъ способомъ ея рѣшенія, надобно сперва взять въ ней сторону легчайшую: тогда мы узнаемъ на самомъ дѣлѣ, какъ, при изслѣдованіи, нужно обращаться съ этимъ предметомъ. Затѣмъ устанавливается разсужденіе о разныхъ искусствахъ и ихъ частяхъ, однакожь такъ, что предметы настоящаго разсужденія вполнѣствіи весьма ловко принаравливаются къ софисту: софистъ

называется, напрімѣръ, ловчимъ, посколькѣ, для пріобрѣтенія корысти, занимается ловлею богатыхъ юношей; называется также и купцомъ или барышникомъ, посколькѣ онъ торгуется искусствами и свободными науками; равнымъ образомъ не безъ основанія приписывается ему искусство состязаться и спорить, и такъ далѣе. Иностранецъ прежде всего начинаетъ говорить объ *удочномъ рыболовѣ*.

Рыболовъ слѣдуетъ нѣкоторому искусству. Но всѣ искусства дѣлятся на два рода: одни—*производительныя* (ποιητικαί), другія—*пріобрѣтательныя* (κτητικαί). Искусство рыболовное, относящееся къ послѣднему роду, снова разсѣкается на двое: одна часть его занимается свободнымъ обмѣномъ произведеній, а другая,—словами ли то, или дѣлами,—пріобрѣтаетъ произведенія: та называется *мѣнливою* (μεταβλητικόν), а эта—*овладѣвательною* (χειρωτικόν). Искусство овладѣвательное бываетъ опять двойное: потому что совершаетъ свое дѣло или открыто, и называется *состязательнымъ* (ἀγωνιστική), или скрытно, и получаетъ имя *охотническаго* (θηρευτική). Но охотническое тоже двойное: одно охотится за вещами *одушевленными* (ἐμφύχοις), а другое *неодушевленными* (ἀφύχοις). И первое равнымъ образомъ дѣлится на двое: то есть, охотническое искусство за животными ловить животныхъ или *сухопутныхъ* (πεζοθηρική), или *плавающихъ* (νεοστική). Но плавающія плаваютъ или въ воздухѣ, или въ водѣ: и поэтому искусство ловить ихъ называется или *птицеловствомъ* (ὄρνιθευτική), или *рыболовствомъ* (ἀλιευτική). Плавающихъ въ водѣ—тоже два вида: одни улавливаются сѣтью, другія ударомъ; относительно первыхъ охота называется *плетневою* (ἐρκοθηρική), относительно вторыхъ—*ударною* (πληκτική). Послѣдняя опять является въ двухъ видахъ, потому что совершается либо при огнѣ, ночью, и носить имя *огневою* (πυρευτική), либо днемъ, и извѣстна подъ названіемъ *крючковой* (ἀγκιστρευτική). Крючковая—снова двойка: одна дѣйствуетъ сверху внизъ, посредствомъ трезубцевъ, и называется *трезубчною* (τριδοοντία), а другая снизу вверхъ,

и извѣстна подъ именемъ *удочной* (*ἀσπάλιευτική*). И такъ, мы нашли то, чего искали, и этого именно пути должны держаться при изслѣдованіи вопроса, что такое софистъ. Теперь выходить, что софистъ есть ловець, — конечно, не птицъ, а скорѣе — принадлежащаго юношамъ богатства. Тотъ и другой различаются только тѣмъ, что рыболовъ ходитъ около морей и рѣкъ, чтобы ловить въ нихъ животныхъ, а софистъ посѣщаетъ разныя земли, какъ бы рѣки золота и серебра, и почиваетъ будто на лугахъ, изобилующихъ богатствомъ и юношествомъ (р. 219 А—222 А).

Будемъ теперь постепенно разсматривать, какимъ образомъ софистъ производитъ ловлю своихъ животныхъ. Ловля ихъ на сушѣ имѣетъ два вида: одна бываетъ за *кроткими* (*ἡμέρω*), другая за *дикими* (*ἀγρίων*) животными. Ловля за кроткими, каковыми надобно почитать, конечно, людей, является опять въ двухъ видахъ: одна бываетъ *насильственная* (*βίαία*), другая — *убѣждательная* (*πιθανοσυχητή*). Искусство софистическое относится, безъ сомнѣнія, къ послѣдней. Ловля убѣждательная бываетъ тоже двоякая: одна производится *частно* (*ἰδίᾳ*), другая *публично* (*δημοσίᾳ*); а изъ частныхъ поисковъ одинъ является *подарочнымъ* (*δωροφορικόν*), другой — *мздоимнымъ* (*μισθαρκευτικόν*); и первый, находящій свое вознагражденіе только въ подносимой ему пицѣ лести, можно назвать искусствомъ *удовольственнымъ* (*ἡδοντική*), а послѣдній, по всей вѣроятности, *софистическимъ* (*σοφιστική*) (р. 222 А—223 В).

Однакожь искомое теперь — софистъ — относится еще къ какому-то другому роду. Искусство пріобрѣтательное имѣло у насъ два вида: одинъ *охотническій*, другой *мьновой*; номъновой является тоже въ двухъ видахъ: одинъ *даровой* (*δωρητικόν*), другой *продажный* (*ἀγοραστικόν*); продажный же снова разсѣкается надвое: на продажу предметовъ *самодѣльныхъ* (*αὐτοσυργῶν*) и на продажу *чужихъ* (*ἀλλοτριῶν*). Притомъ, мьновое искусство бываетъ либо *розничное* (*κατηλική*), либо *купеческое* (*ἐμπορική*); а купеческое обмѣниваетъ на деньги какъ все то, чѣмъ питается и пользуется *тыло*, такъ и

все другое, что требуется для души. Напримѣръ, музыка всегда переходитъ изъ города въ городъ: въ одномъ покупается, въ другомъ продается; тоже и живопись, и фокусничество, и многое другое, что касается души; и кто занимается этимъ, тотъ называется купцомъ. Но одну часть этого душевнаго купечества весьма справедливо назвать *показательностію* (ἐπιδεικτική), а другой, столь же смѣшной, какъ и первая, хотя занимающейся продажею познаній, необходимо дать имя, сродное съ ея дѣятельностію: именно, въ этой торговлѣ познаніями одно, относящееся къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, надобно назвать иначе, а другое, относящееся къ познаніямъ о добродѣтели, опять иначе; относительно къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, ей прилично именоваться *искусство-продажничествомъ* (μαθηματοπωλική), а относительно къ познаніямъ о добродѣтели—*софистикою* (σοφιστική). Да ты, думаю, и въ третій разъ назовешь это занятіе не иначе, если согласишься, что кто нибудь, сидя въ своемъ городѣ, одно покупаетъ, другое мастерить самъ, и торгуетъ своими о томъ познаніями, такъ какъ этимъ предположилъ поддерживать свою жизнь. Стало быть, и мѣновщика въ области искусства приобрѣтательнаго, и продавца, торгующаго въ розницу чужимъ или своимъ товаромъ,—въ обоихъ случаяхъ, кого бы то ни было, промышляющаго въ этомъ отношеніи познаніями,—ты всегда, какъ видно, назовешь *софистомъ* (р. 223 С—224 Е).

Этотъ родъ надобно разсмотрѣть и еще съ одной стороны. Искусство состязательное было у насъ нѣкоторою частію приобрѣтательнаго: такъ не будетъ несообразности раздѣлить его надвое и одну часть назвать *препирательствомъ* (ἀμιλλητικός), а другую *драчливостію* (μαχητικός). Драчливость же, происходящая въ тѣлѣ противъ тѣла, есть *насилство* (βιαστικός), а состоящая въ словахъ противъ словъ,—*возражательность* (ἀμφισβητικός). Потомъ, возражательность опять, являющаяся въ формѣ рѣчей длинныхъ противъ длинныхъ и притомъ публично, есть *судебничество* (δικαιτικός); а когда

происходить въ частныхъ отношеніяхъ и выражается вопросами и отвѣтами,—*противорѣчивость* (ἀντιλογίχόν). Последняя, совершаясь безъ порядка и искусства, не заслуживаетъ названія; а когда она идетъ искусственно, называется *спорчивостію* (ἐριστιχόν). Спорчивость также бываетъ либо *разрушительницею корысти* (χρηματοφθориχόν), либо *искательницею ея* (χρηματιστιχόν): первая, разсуждающая для удовольствія, но, по образу выраженія, многими выслушиваемая не съ удовольствіемъ, есть *болтливость* (ἀδολεσχίχόν); а последняя, отъ частныхъ споровъ обогащающаяся, должна быть названа *софистикою* (σοφιστική) (р. 225 А—226 А).

Далѣе. Нѣкоторыя имена мы называемъ *служительскими* (οἰκητιχοῖς); таковы, на примѣръ: процѣживать, провѣвать, сортировать, также: чесать, прядь, ткать. Всѣ они имѣютъ характеръ отдѣлительный, и потому всѣ ихъ можно соединить подъ однимъ названіемъ искусства *различительнаго* (διαρετική). Но въ искусствѣ различительномъ можно замѣчать два вида: во первыхъ, различеніе лучшаго и худшаго, во вторыхъ, различеніе подобнаго и не подобнаго. Имени послѣдняго, говорить иностранецъ, я не знаю, а имя перваго есть нѣкоторое *очищеніе* (καθαρμός), которое имѣетъ тоже два вида: очищеніе животныхъ *тѣль* гимнастиккою и медициною, извнѣ—банею; сюда же относится очищеніе тѣль неодоушевленныхъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе ремесло валяльническое и всякое косметическое; потомъ—очищеніе *души*. Но такъ какъ очищеніе-то состоитъ въ оставленіи хорошаго и въ отдѣленіи всего дурнаго, то, при очищеніи души, надобно различать два зла: одно есть то же, что въ тѣлѣ *болѣзнь*, другое то же, что тѣлесное *безобразіе*. А болѣзнь вообще есть какъ бы *возмущеніе*, или разногласіе между вещами, по природѣ сродными, происходящее отъ какогонибудь ихъ поврежденія, безобразіе же—не иное что, какъ неприятно вездѣ поражающій *родъ несоразмѣрности*. Стало быть, возмущеніе, какъ болѣзнь души, мы можемъ назвать *порокомъ* (πουηρία); а поколику душа вся всего по неволѣ не

знаеть, то ей, какъ несоразмѣрной, надобно приписать *невѣжество* (*ἀμαθία*). И такъ, трусость, необузданность, несправедливость и вообще все такое слѣдуетъ почитать болѣзнию въ насъ, а состояніе великаго и многоразличнаго незнанія признавать безобразіемъ. Но какъ для тѣла, по отношенію къ этимъ двумъ его несчастіямъ, было два искусства—*гимнастика* и *медицина*: такъ и для души, относительно безстыдства, несправедливости и трусости есть *надлежащій судъ* (*προσῆκουσα δίκη*), а относительно незнанія—*учительство* (*διδασκαλίη*). Но учительство распадается на два величайшихъ рода. Въ незнаніи представляется большой какой-то и трудный для обозрѣнія отдѣльный видъ, соотвѣтствующій вѣскостію всѣмъ прочимъ его частямъ: это—приписываніе себѣ знанія въ отношеніи къ тому, чего не знаешь. Этому-то именно виду надобно усвоить имя *невѣжества*, и учительство, въ отношеніи къ нему, должно быть названо *образованіемъ*. Но и образованіе также дѣлится надвое. Одинъ способъ словеснаго учительства, по видимому, шероховать, другой легче: первый—эпическій—употребляется особенно въ отношеніи къ сыновьямъ, когда, по поводу погрѣшностей ихъ, дѣлаютъ имъ замѣчанія, и правильно называется *вразумляющимъ* (*νοῦθητικὴν*); авторой возникъ изъ той мысли, что всякое невѣжество—невольное, что тотъ никогда не захочетъ учиться, кто почитаетъ себя мудрецомъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ признаетъ свою силу, и что тутъ вразумляющій видъ образованія, даже при великомъ трудѣ, дѣлаетъ мало успѣховъ. Поэтому-то, чтобъ изгонять изъ головы такое мнѣніе, предлагается другой способъ,—посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ разузнавать, кто, говоря нѣчто, думаетъ, будто онъ говоритъ дѣльно, тогда какъ ничего не говоритъ; потомъ изслѣдывать мнѣнія заблуждающихся и, собирая ихъ словесно, приводитъ къ тожеству между собою, чтобы наконецъ видѣть, что они, говоря о томъ же, направляясь къ тому же и такъ же, явно противорѣчатъ сами себѣ. Тогда, видя это, на себя они досаждаютъ, а въ отно-

шеніи къ другимъ становятся скромнѣе, и такимъ образомъ разстаются съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ. По этому-то всему, обличеніе надобно почитать важнѣйшимъ изъ очищеній, а не обличеннаго, опять, хотя бы это былъ самъ великій царь, признавать весьма нечистымъ, не наученнымъ и безстыднымъ—въ томъ отношеніи, въ которомъ, чтобы быть истинно блаженнымъ, приличны совершенная очищенность и высочайшая красота. Что же? люди, пользующіеся этимъ искусствомъ очищенія, суть ли софисты?—Боюсь, какъ бы не приписать имъ слишкомъ много достоинства. Вѣдь и волкъ походить на собаку. При сходствахъ, нужно быть очень осторожнымъ. Впрочемъ, пусть будетъ такъ,—пусть часть образованія,—обличеніе,—получить у насъ имя благородной, по происхожденію, *софистики* (р. 226 В—231 В).

Но что ни положили бы мы относительно софиста, трудно ему уйти отъ нашей рѣчи. Посмотримъ напередъ, сколько представлялось намъ видовъ софиста. Во первыхъ, мы видѣли въ немъ наемнаго охотника за богатыми юношами; потомъ, купца, торгующаго науками и искусствами; далѣе, розничнаго торговца; затѣмъ, человѣка, продающаго самодѣльное свое ученіе, и, наконецъ, онъ явился намъ какъ состязатель и спорщикъ, и даже какъ возражатель, будто бы въ видахъ очищенія мнѣній, препятствующихъ наукамъ благотворно дѣйствовать на душу. Но знатокъ многихъ вещей, называющійся по имени одного искусства, есть явленіе сомнительное; вѣдь онъ долженъ быть непременно чѣмъ-то однимъ. И такъ, возьмемъ первое, что сказано о софистѣ. Мы называли его знаткомъ *противорѣчія* (*ἀντιλογικός*): что это за искусство, и чему учить оно другихъ (р. 231 С—232 В)?

Искусство противорѣчія, по видимому, состоитъ въ противорѣчій всему,—вещамъ божественнымъ и человѣческимъ, общественнымъ и частнымъ, и вызывается учить этому другихъ. Но быть не можетъ, чтобы одинъ зналъ все. И такъ, софисты не въ самомъ дѣлѣ знатоки всего, а только такъ о себѣ думаютъ, будто знаютъ все. Поэтому они имѣютъ

мнимую мудрость во всемъ, а не дѣйствительное познаніе. Происхожденіе этой мнимой мудрости усматривается въ подражаніи. Какъ тотъ, кто вызывается однимъ искусствомъ производить всѣ изображенія вещей, своими приемами легко обманываетъ людей, съ дѣтства незнакомыхъ съ тѣми вещами: такъ есть и нѣкоторое искусство слова, которымъ могутъ быть обманываемы неблагоразумные юноши; такъ что, слыша только выражаемая словомъ изображенія предметовъ, они почитаютъ эти изображенія дѣйствительными предметами, и того, кто говоритъ о нихъ, признаютъ человекомъ мудрѣйшимъ во всемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что софиста надобно почитать какимъ-то чародѣемъ и подражателемъ (р. 232 С—235 А).

И такъ, теперь наше дѣло—держать этого звѣря, обойденнаго, такъ сказать, нашею рѣчью, и не выпускать его. Раздѣлимъ же скорѣе искусство *образотворное* (εἰδωλοποιήν) на его виды, чтобы замѣтить, въ которомъ изъ этихъ видовъ таится онъ. Есть два вида подражанія: одинъ выражаетъ соотвѣтствующія самой истинѣ формы вещей; другой представляетъ выработанныя только по подобію истины изображенія. Тотъ мы назовемъ *уподобленіемъ* (εἰκαστική), а этотъ *фантастикою* (φανταστική). Но тутъ возникаетъ сомнѣніе, къ которому виду слѣдуетъ отнести софистику; стало быть, встрѣчается новое затрудненіе. Здѣсь съ одной стороны—*являться и казаться*, съ другой—*быть*, съ одной—*говорить что-то*, съ другой—*не говорить ничего*,—всѣ эти слова бременятъ насъ недоумѣніями, хотя трудно понять, какимъ образомъ возможно, чтобы кто нибудь, говоря ложь и думая, что онъ говоритъ правду, не противорѣчилъ самому себѣ; ибо этимъ полагается, что чего *нѣтъ*, то *есть*. Это самое мнѣніе идетъ прямо наперерѣзъ прекрасному положенію Парменида, которымъ бытіе приписывается только сущему (τὸ ὄν); ибо чего *нѣтъ*, то не можетъ ни *быть*, ни *чѣмъ нибудь* быть, ни *какъ нибудь* быть. Но кто высказываетъ не *что либо*, тотъ по истинѣ говоритъ *ничто*, то есть вовсе

не говорить, — если совершенно необходимо говорящему высказывать что *нибудь*. Кроме того, не существующее, какъ мы теперь говоримъ, не имѣетъ никакихъ предикатовъ; поэтому нельзя приписать ему ничего такого, что *есть*, какъ на примѣръ, число, — относящееся къ положительно существующему. Значитъ, кто упоминаетъ о не сущемъ, какъ бы о чемъ-то одномъ, либо о не сущихъ, какъ бы о многихъ, ничего не говорить: ибо того, чего нѣтъ, нельзя ни схватить умомъ, ни удерживать мыслию. А еще удивительнѣе, — даже до нелѣпости, — то, что и сейчасъ сказанное нами никакъ не могло быть сказано о не сущемъ: ибо кто почитаетъ его неизъяснимымъ и невыразимымъ, тотъ этимъ самымъ уже полагаетъ оное и приписываетъ ему бытіе, и потому очень странно противорѣчить самъ себѣ (р. 235 В—239 В).

По такому взгляду, ложное представленіе и заблужденіе невозможны; ибо коль скоро ложное представленіе должно давать нѣчто отличное отъ вещи, а въ природѣ ея нѣтъ ничего, что могло бы быть названо не существующимъ, то ложь и заблужденіе нигдѣ не имѣютъ мѣста. Если такъ, то софиста нельзя причислять и къ чародѣямъ. Впрочемъ, не должно отчаиваться: истинную его природу мы какъ *нибудь* изслѣдуемъ. Намъ предлежитъ опровергнуть положеніе Парменида, который совершенно отвергъ возможность существованія того, что не существуетъ. Вѣдь то, *чего нѣтъ*, нѣкоторымъ образомъ *есть*; и наоборотъ, того, *что есть*, нѣкоторымъ образомъ *нѣтъ*. Если мы докажемъ истинность этого положенія, то не останется никакого сомнѣнія, что ложное мнѣніе и ложныя сужденія возможны. И такъ, наляжемъ на это Парменидово ученіе, что нѣтъ ничего не существующаго, и что оно не можетъ нѣкоторымъ образомъ существовать (р. 239 С—242 А).

Но, чтобы сдѣлать это въ порядкѣ, слѣдуетъ пересмотрѣть различныя мнѣнія философовъ о томъ, что почитается существующимъ. Древніе философы не съ надлежащею отчетливостію занимались этимъ вопросомъ. Между ними были

такіе, которые допускали *три* рода вещей существующихъ, и представляли ихъ то во взаимной враждѣ, то въ отношеніи мирномъ. Были и такіе, у которыхъ имѣлось въ виду *два* начала существованія: влажное и сухое, теплое и холодное, и которые мыслили эти начала во взаимномъ соединеніи. Кромѣ этихъ двухъ философскихъ школъ, была и третья—элейская, которая, со временъ Ксенофана, и еще раньше, полагала, что все есть *одно*. Затѣмъ появились музы іонійскія и сицилійскія, и стали считать дѣломъ болѣе безопаснымъ, что *одно есть многое и многое—одно*, и что обѣ эти стороны находятся въ содружествѣ. Такъ какъ философы сами мало беспокоились о несогласіи своихъ мнѣній, то мы позволимъ себѣ войти въ изслѣдованіе ихъ, и для того рассмотримъ, что надобно разумѣть подъ именемъ существующаго (р. 242 В—243 D).

То самое, что называется существующимъ, или отлично отъ теплаго и холоднаго и отъ другихъ этого рода, взаимно противоположныхъ элементовъ, или есть что либо одно изъ нихъ, или всѣ они должны быть мыслимы какъ существующее. Если подъ именемъ существующаго надобно разумѣть нѣчто отличное отъ нихъ, то существуютъ три рода вещей, или еще болѣе: напрімѣръ, при допущеніи трехъ, будетъ сущее, теплое и холодное; при допущеніи чего либо одного, сущимъ окажется, конечно, одно; а когда допустимъ все, то выйдетъ опять только одинъ родъ существующаго. Но, послѣ сего, по какому же праву полагается два, или больше, рода вещей, отдѣльныхъ отъ существующаго?—Это заставляетъ насъ войти глубже въ смыслъ существующаго. А чтобы дѣло было вѣрнѣе, послушаемъ сначала тѣхъ, которые утверждаютъ, что *существующее есть одно*,—обратимъ вниманіе на элейцевъ. Если въ ихъ положеніи существующее ($\tauὸ ὄν$) не отличается отъ одного ($\tauῷ ἑνί$), то оба эти слова будутъ означать одно и то же; а это было бы очень смѣшно, ибо положеніе ихъ въ такомъ случаѣ получить слѣдующій смыслъ: одно есть одно, или сущее есть сущее. Когда же существующее ($\tauὸ$

δν) и одно (τὸ ξν) у нихъ различны, они полагають уже либо два начала, что противорѣчитъ собственному ихъ мнѣнію, либо допускають различіе между ними только именное, что никуда не годится: потому что, съ измѣненіемъ именъ, у нихъ уничтожится и отношеніе между сущимъ и однимъ (р. 243 D—244 D).

Далѣе, этому «одному» элейцы приписываютъ также значеніе *цѣлаго*; поэтому Парменидъ даетъ ему и фигуру шара. Но всякій шаръ имѣеть средоточіе и оконечности; слѣдовательно, можетъ дѣлиться на части. А если такъ, то предметъ, образующій собою что либо цѣлое, не можетъ уже быть *чистое одно*, потому что чистое одно не имѣеть частей. Но одно, скажутъ, можетъ быть цѣлымъ случайно, такъ что лишь *πάθος ἐξῆ τοῦ ὅλου*.—Что жъ? въ такомъ случаѣ, одно и случайно-цѣлое будутъ двѣ природы; сущее же если, по природѣ, не цѣлое, то оно и не сущее, и не будетъ существовать. Притомъ, что бываетъ, то всегда есть цѣлое; посему кто отрицаетъ въ вещахъ цѣлость и единство, тотъ уничтожаетъ въ нихъ всякое происхожденіе и самую сущность. И такъ, въ существующемъ будемъ ли мы видѣть двойство, или единство,—во всякомъ случаѣ встрѣтимъ величайшія и безчисленные затрудненія (р. 244 E—245 E).

Доселѣ мы говорили о тѣхъ, которые пускались въ тонкости относительно существующаго и не существующаго, хотя разсмотрѣли не всѣ мнѣнія ихъ. Теперь слѣдуетъ обратиться еще къ тѣмъ, которые судили иначе и при этомъ откроется, что существующее столь же трудно объяснить, какъ и не существующее. Въ этомъ направленіи представляются намъ двѣ школы философовъ: одни почитаютъ истиннымъ только то, что тѣлесно и доступно чувствамъ; другіе стараются видѣть сущность лишь въ нѣкоторыхъ мыслимыхъ формахъ, которыя чужды всякой тѣлесной матеріи и постигаются однимъ умомъ. Явно, что между этими противоположными взглядами всегда будетъ имѣть мѣсто вражда непримиримая; но надобно замѣтить, что фи-

лософы, держащіеся того мнѣнія, что существующее существуетъ лишь для чувствъ, отличаются обыкновенно большею нетерпимостію и упорствомъ. Противъ нихъ достаточно сильно слѣдующее доказательство. Всякое животное необходимо есть тѣло, одаренное душою. И такъ, душа дѣйствительно существуетъ. Но изъ душъ одна бываетъ справедлива, другая несправедлива; одна мудра, другая несмысленна. Стало быть, и справедливость, и мудрость, и прочія добродѣтели надобно также почитать дѣйствительно существующими,—хотя все это не можетъ быть постигаемо чувствами, и потому должно быть, конечно, безтѣлесно. А такъ какъ, не смотря на то, есть люди, отвергающіе все, чего не могутъ осязать руками; то для опроверженія ихъ нужно вотъ какое разсужденіе. Все, что имѣетъ нѣкоторую силу и способность что либо дѣлать и терпѣть, почитается *существующимъ*; потому что сущность усматривается въ силѣ и способности. Но эта сущность отлична отъ тѣлесной матеріи; слѣдовательно, *существованіе* надобно приписать и тому, что по природѣ отлично отъ тѣль. Мало того, этимъ исчерпывается вся природа существующаго, которую мы полагаемъ именно въ нѣкоторой дѣятельности (р. 246 А—248 А).

Но оставимъ это и посмотримъ на противное мнѣніе тѣхъ философовъ, которые всю сущность поставляютъ въ зависимость отъ идей. Они замѣчаютъ различіе между рожденіемъ (*γένεσις*) и сущностію (*οὐσία*), и полагаютъ, что тѣлесно, дѣятельностію чувствъ, мы причастны рождающагося, а что вѣчно и неизмѣнно, то постигается лишь нашимъ умомъ.— Но что значить на ихъ языкѣ *быть причастнымъ* вещей или идей? Внимательно вникнувъ въ это, мы легко поймемъ, что здѣсь надобно разумѣть нѣкоторое воздѣйствіе и страданіе, происходящее отъ способности тѣхъ, которые сходятся между собою. Однакожъ защитники идей не уступятъ намъ въ этомъ, потому что рожденію-то приписываютъ они силу дѣйствовать и страдать, а у сущности отнимаютъ ее. И такое мнѣніе ихъ, смотри, на какомъ слабомъ держится

основаніи. Они сами соглашаются, что тѣ вѣчные роды познаются нашимъ умомъ. Но въ чемъ стали бы мы искать возможность познанія, какъ не въ нѣкоторой дѣятельности ума? А быть познаваемымъ—что иное значить, какъ не подвергаться нѣкотораго рода воздѣйствію? Значить, если существующее познается, то этимъ самымъ познаніемъ ума оно и впечатлѣвается, и движется. И все это совершенно справедливо. Что же далѣе? Въ томъ, что непремѣнно существуетъ, можемъ ли мы справедливо отрицать и движеніе, и жизнь, и душу, и разумность? или, не задумавшись, скажемъ, что оно и не живетъ, и не разумѣетъ, но стоитъ неподвижно, будучи лишено священнаго и высокаго дара ума? Или можно приписать ему только умъ, отнявъ у него жизнь? Вѣдь если то, что почитается у насъ *существующимъ*, будетъ неподвижно, то, очевидно, ни въ комъ нельзя предполагать ума и разумнія какой бы то ни было вещи; ибо умъ и разумніе есть не иное что, какъ дѣятельность, слѣдовательно движеніе. Но какъ безъ движенія невозможенъ никакой умъ, такъ невозможенъ онъ и въ томъ случаѣ, когда все движется, когда нѣтъ ничего вѣчнаго, непрерывнаго, недвижимаго. Познанію должно подлежать что либо такое, что непремѣнно пребывало бы, и всегда было бы равно само себѣ. И такъ, если не хотимъ совершенно уничтожить умъ и знаніе, существующему мы не должны отказывать ни въ движеніи, ни въ постоянствѣ и вѣчной пребываемости (р. 248 В—249 D).

Это сказано противъ тѣхъ, которые отъ истинно существующаго устраняютъ всякое движеніе, всякую измѣняемость; ибо дѣло дознанное, что движеніе и рожденіе нисколько не менѣе существуютъ, какъ стояніе и покой. Но здѣсь возникаетъ предъ нами новое и притомъ не менѣе важное затрудненіе. Движеніе и покой, не смотря на то, что это явленія совершенно противныя, въ дѣйствительно существующихъ идеяхъ должны быть почитаемы равно свойственнымъ имъ бытіемъ. И однакожь то самое, что

называется *существующимъ*, кажется опять отличнымъ отъ того и другаго, отъ движенія и покоя; потому что, говоря о *существующемъ*, мы имѣемъ въ виду что-то иное, а не движеніе и покой. И такъ, сущее (τὸ ὄν) есть нѣчто третіе, отъ того и другаго отличное, чтò однакожъ обще и движенію и покою, хотя само по себѣ и не стоитъ и не движется. Въ этомъ-то именно и скрывается затрудненіе. Вѣдь что не движется, тому зачѣмъ не стоять? и что вовсе не стоитъ, тому какъ бы не двигаться? И такъ, можетъ ли быть, чтобы существующее находилось внѣ движенія и покоя?—Это затрудненіе, конечно, не меньше того, съ которымъ мы встрѣтились прежде, когда разсуждали о не существующемъ (р. 249 E—250 E).

Такъ какъ существующее и не существующее наводятъ одинаковое сомнѣніе, то попытаемся, нельзя ли однимъ и тѣмъ же изслѣдованіемъ уничтожить его тамъ и здѣсь. Спрашиваемъ: какимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ можно означить разными именами, — когда, на примѣръ, одному и тому же человѣку приписываются цвѣтъ, величина, фигура, добродѣтели, пороки и проч.? Здѣсь возможны три случая. Или не можетъ статься, чтобы одна и та же вещь имѣла много различныхъ свойствъ и причастна была многихъ и различныхъ идей; или могутъ всѣ, сколько бы ни было свойствъ, принадлежать одной и той же вещи; или, наконецъ, можно допустить, что только нѣкоторыми изъ нихъ надобно ограничивать ее, а другихъ нельзя отнести къ ней. Изъ этихъ предположеній первое и второе—ложны, что доказывается слѣдующимъ образомъ. Если бы что нибудь съ извѣстною вещію не имѣло ничего общаго, то при этомъ не могло бы быть ни движенія, ни стоянія; ибо то и другое осталось бы внѣ бытія (εἶναι). А въ такомъ случаѣ тотчасъ пали бы и идеи тѣхъ, которые весь составъ вселенной или приводятъ въ движеніе, или останавливаютъ какъ одно, или хотятъ, чтобы, по видамъ и неизмѣннымъ формамъ, онъ навсегда оставался рав-

нымъ себѣ и вѣчнымъ. Да и мнѣнія другихъ философовъ, о которыхъ упомянуто было прежде, не нашли бы въ себѣ ничего, чѣмъ могли бы защититься. Если бы, далѣе, справедливо было то, что поставили мы на второмъ мѣстѣ, то слѣдовало бы заключить, что все имѣетъ способность приходить въ общеніе; а между тѣмъ не крайняя ли нелѣпость—движенію стоять, или, наоборотъ, стоянію двигаться? И такъ, остается третіе,—полагать, что иное съ инымъ смѣшивается, другое не смѣшивается. А когда это справедливо, то здѣсь—такое же отношеніе, какое между буквами, изъ которыхъ однѣ соединяются между собою, другія не соединяются. И какъ для правильнаго сужденія о соединимости или несоединимости извѣстныхъ буквъ нужно искусство грамматическое: такъ, равнымъ образомъ, требуется нѣкоторое искусство и для сужденія о соединимости идей. Наука умно и тонко обсуживать согласіе и несогласіе ихъ есть *діалектика*. Знаніе ея мы припишемъ только тому, кто чистосердечно и истинно философствуетъ. Впослѣдствіи, если достанетъ у насъ охоты, мы раскроемъ, что въ этомъ состоитъ долгъ философа, достойнаго своего имени. Теперь же замѣтимъ только, что между философомъ и софистомъ та особенно разница, что софистъ прячется во мракѣ *не существующаго* и, къ сожалѣнію, узнается по окружающему его мраку; напротивъ, философъ всегда занятъ созерцаніемъ того, что *дѣйствительно существуетъ*, и отъ блеска вещей божественныхъ, для котораго очи толпы бываютъ обыкновенно слабы, едва можетъ быть усматриваемъ. Впрочемъ объ этомъ — мимоходомъ. Главное, мы согласились между собою, что иные роды (идей) могутъ взаимно соединяться, а иные не могутъ, и притомъ одни—съ немногими, другіе—съ многими, а нѣкоторые—со всѣми. Чтобы представилось намъ это очевиднѣе, и чтобы не теряться въ разсматриваніи множества вещей, постараемся объяснить дѣло однимъ примѣромъ. Возьмемъ тѣ самые роды, о которыхъ доселѣ разсуждали, то есть: *сущее, движеніе, стояніе*; разсматривая ихъ, мы, можетъ

быть, и поймемъ отношеніе между существующимъ и не существующимъ, и замѣтимъ, въ чемъ именно видна природа софиста. Движеніе и стояніе, какъ явленія взаимно противныя, не могутъ, видѣли мы, сойтись въ одно. А сущее, или то, что называется существующимъ, сходится и съ движеніемъ и съ стояніемъ; потому что идеи движенія и стоянія дѣйствительно существуютъ. Но каждый изъ этихъ трехъ родовъ опять отличенъ отъ двухъ прочихъ; разсматриваемый же самъ въ себѣ, отдѣльно, есть тотъ же и согласенъ самъ съ собою. И такъ, взятые относительно, они взаимно различны, а понимаемые абсолютно, безъ сравненія съ другими, тождественны. Отсюда къ тѣмъ тремъ, первоначально положеннымъ, родамъ прибавляются два новые: *различіе* (τὸ διάφορον) и *тожество* (τὸ ταυτόν). Отличіе ихъ отъ вышеприведенныхъ доказывается такъ. Если бы тожество или различіе не отличались отъ стоянія и движенія, то ни въ какой вещи не могло бы имѣть мѣста ни стояніе, ни движеніе, ибо тожество и различіе приписываются тому и другому; стало быть, если бы они были одно съ тожествомъ и различіемъ, то движеніе и стояніе совершенно уничтожились бы. Нельзя также считать однимъ сущее и тождественное; ибо если бы они не различались между собою, то движеніе и стояніе,—оба, по нашему положенію, *существующія*,—мы должны были бы опять признать однимъ и тѣмъ же, чтѣ еще прежде нашли невозможнымъ. Наконецъ, не могутъ равнымъ образомъ быть тѣмъ же различіе и сущность; ибо различіе всегда приписывается какой нибудь вещи, поколику она сравнивается съ другими вещами, сущее же существуетъ само по себѣ, а не для другаго сущаго: стало быть, первое зависитъ отъ отношенія, а послѣднее—само отъ себя. И такъ, природу различія надобно отличать отъ прочихъ четырехъ родовъ, хотя она какъ бы раздѣлена по всѣмъ имъ; ибо многія вещи никогда не могутъ быть тѣми же, но отличаются одна отъ другой. Послѣ сего, относительно тѣхъ пяти родовъ надобно постановить слѣдующее. *Движеніе*

отлично отъ *стоянія*; слѣдовательно, его *нѣтъ*, такъ какъ оно не есть стояніе; но оно *есть*, поколику соединяется съ сущимъ. *Движеніе* отлично также отъ *тожества*; слѣдовательно, оно *не то же*; и однакожъ надобно почитать его *тѣмъ же*, такъ какъ оно вѣрно своей природѣ и не измѣняетъ своего значенія. Разсматриваемое само по себѣ, абсолютно, оно—то же, а въ отношеніи къ идеѣ того же—не то же. Такъ, если бы и движеніе находилось въ какой нибудь связи съ стояніемъ, то не безразсудно было бы назвать его стойкимъ: но мы уже доказали, что этого быть не можетъ. Наконецъ, движеніе отличается отъ различія; стало быть, оно *не различно*, такъ какъ не есть различіе,—поколику, то есть, идея различія и идея движенія несогласны между собою,—и однакожъ *различно*, поколику отличается отъ различія и прочихъ родовъ. И такъ, движеніе а) существуетъ и не существуетъ; б) то же и не то же; в) различно и не различно. Изъ этого видно, что не существующее находится и въ движеніи, и во всѣхъ прочихъ родахъ, поколику каждый изъ нихъ отличается отъ другихъ,—слѣдовательно, не то же, что другіе, и потому въ этомъ отношеніи *не существуетъ* (ибо не существовать у Платона значить почти то же, что быть лишеннымъ какого нибудь свойства, или что у Аристотеля разумѣется подъ словомъ *στέρησις*). Равнымъ образомъ и существующее принадлежитъ всѣмъ родамъ, такъ какъ они *существуютъ*. Слѣдовательно, и *τὸ ὄν*, и *τὸ μὴ ὄν* идутъ къ каждому родовому понятію. Даже самое-то *несуществованіе* есть нѣкоторымъ образомъ *существованіе*, поколику отличное отъ всего другаго дѣйствительно *есть*, и, наоборотъ, то, что *есть*, насколько отлично отъ всего другаго, настолько *не существуетъ*. Такимъ образомъ выходитъ, что *τὸ ὄν* и *τὸ μὴ ὄν* находятся въ ближайшемъ между собою соотношеніи и связи. При этомъ *τὸ μὴ ὄν* мы понимаемъ не абсолютно,—такъ какъ это значило бы отвергать самую природу вещи,—а въ смыслѣ относительнаго несуществованія, и разумѣемъ только то, что извѣстный предметъ не имѣ-

еть той природы и свойствъ, какими обладаетъ другой. Все равно, какъ бы *не прекраснымъ* мы назвали то, что отличается отъ прекраснаго, *не великимъ*—то, что отличается отъ великаго. Ясно, стало быть, что такъ называемое у насъ *не существующее* все-таки *существуетъ*; ибо мы означаемъ этимъ словомъ не противоположность, а только различіе (р. 250 E—258 C).

Но теперь, въ своемъ изслѣдованіи, мы зашли уже дальше, чѣмъ позволяетъ ученіе Парменида. Онъ не существующее понималъ какъ ничто, и полагалъ безразсуднымъ вдаваться въ эту область; мы же приписали не существующему не только существованіе, но и извѣстную природу, заключающуюся именно въ *различіи*. И такъ, не существующее, въ силу того, что все причастно сущности, слѣдуетъ признавать также и существующимъ; однакожъ, какъ нѣчто, только причастное сущности, оно не есть само существующее, ибо идеи *τῷ μὴ εἶναι* и *τῷ εἶναι* во всякомъ случаѣ различны. Какъ не существующее существуетъ, такъ, съ другой стороны, и само существующее, отличаясь отъ безчисленнаго множества остальныхъ родовъ, можно сказать, не существуетъ (р. 258 C—259 B).

Мы видѣли, какимъ образомъ всѣ роды можно приражать и противопоставлять одинъ другому. При этомъ, конечно, нужно быть крайне осторожнымъ и избѣгать положеній произвольныхъ. Истинный философъ, прежде нежели допускаетъ то или другое соотношеніе родовъ, внимательно изслѣдуетъ причины и основанія, какія для этого представляются. Но подобной осторожности не замѣтно у тѣхъ мыслителей, которые (какъ, напр., эристики) произвольнымъ сопоставленіемъ разнородныхъ идей доказываютъ, что никакое общеніе родовъ (или разнообразіе предикатовъ) невозможно. Эта попытка все уединить и разобщить до того нелѣпа, что могла явиться только у людей, совершенно чуждыхъ философскаго образованія. Принять это ученіе значило бы отвергнуть всякую способность сужденія, кото-

рая возможна только при условіи, если понятія и представленія входят между собою въ общеніе и связь (р. 259 В—260 А).

Мы опровергли ученіе означенныхъ мыслителей, доказавъ, что роды могутъ смѣшиваться между собою. Этимъ мы отстаивали право существованія для всякой вообще рѣчи, при посредствѣ которой только и можемъ мы теперь заниматься философіей. И въ самомъ дѣлѣ, какая рѣчь была бы мыслима безъ взаимнаго сближенія понятій?—Теперь пойдемъ далѣе. Если не существующее оказывается какъ бы однимъ изъ родовъ, распространяющимся на всѣ остальные, то очень важно знать, смѣшивается ли оно также съ мнѣніемъ и рѣчью. Коль скоро такого смѣшенія не бываетъ,—то и другое, очевидно, должны быть всегда истинны; а если бываетъ,—то становятся возможны и ложное мнѣніе и ложная рѣчь. Въ послѣднемъ случаѣ, надо дать мѣсто и лживымъ подобіямъ, и обману. Здѣсь-то именно и спрятался отъ насъ софистъ, признавъ ложныя мнѣнія и рѣчи невозможными—на томъ основаніи, что не существующаго во все будто бы нельзя ни помыслить, ни выразить словомъ. И такъ, намъ пожалуй возражать, что не существующее хотя и сближается съ сущимъ, но не можетъ вступать въ общеніе съ мнѣніемъ и рѣчью, а потому и нѣтъ мѣста такому искусству, которое создавало бы призраки и обманчивыя представленія. Чтобы устранить это недоумѣніе, надо намъ сначала рассмотретьъ, что такое мнѣніе и рѣчь.

Имена вещей имѣютъ то общее свойство съ идеями и буквами, что только нѣкоторыя изъ нихъ согласуются другъ съ другомъ и, будучи сложены, образуютъ осмысленную рѣчь. Между именами мы различаемъ *имена* въ собственномъ смыслѣ, или названія самыхъ вещей, и *малолю*,—слова, означающія какое либо дѣйствіе. Рѣчь производится лишь соединеніемъ словъ того и другаго рода; однихъ же именъ, или однихъ глаголовъ для этого недостаточно. Затѣмъ, рѣчь необходимо должна касаться чего нибудь: если нѣтъ

никакого объекта у рѣчи, нѣтъ и самой рѣчи. Такъ, если мы говоримъ: «Теэтеть сидитъ»,—дѣло касается тебя. И вотъ тутъ уже можно уловить случаи ложной рѣчи. Говоря что нибудь о чемъ нибудь, мы высказываемъ или то, что дѣйствительно есть на дѣлѣ, или противное дѣйствительности,—какъ если бы сказали, на примѣръ: «Теэтеть летитъ». Ложнымъ, значить, назовемъ нѣчто отличное отъ дѣйствительнаго, а ложною рѣчью—ту, которая утверждаетъ что либо, чего на дѣлѣ нѣтъ.

А что же такое мысль (*διάνοια*), мнѣніе (*δόξα*) и представленіе (*φαντασία*)? Не ясно ли, что все это такъ же точно истинно или ложно совершается въ нашей душѣ? Въ самомъ дѣлѣ, все различіе мышленія и рѣчи заключается въ томъ, что первое есть какъ бы внутренній, безгласный разговоръ нашего ума съ самимъ собой, тогда какъ послѣдняя—его внѣшнее проявленіе, при посредствѣ слова. И въ рѣчи, какъ мы знаемъ, допускается положеніе и отрицаніе: когда то же положеніе или отрицаніе совершается у насъ внутренно, безмолвнымъ рѣшеніемъ ума, является мнѣніе; а если при этомъ мы пользуемся еще помощью чувствъ,—возникаетъ представленіе, которое есть нѣкотораго рода смѣшеніе чувства съ мнѣніемъ. И вотъ, какъ скоро мы убѣдились въ такомъ близкомъ сродствѣ между мнѣніемъ и рѣчью, для насъ становится очевиднымъ, что и мнѣніе, подобно рѣчи, можетъ быть истиннымъ и ложнымъ (р. 260 А—264 В).

Возвратимся однако къ софисту, котораго будемъ теперь преслѣдовать, быть можетъ, уже съ бѣльшимъ успѣхомъ. Мы различили двѣ части въ искусствѣ *образотворческомъ*: *уподобленіе* и *фантастику*, и недоумѣвали, къ которой отнести софиста. Недоумѣніе наше еще возрасло, когда подвергнута была сомнѣнію самая возможность призраковъ и лживыхъ представленій. Но теперь, когда доказана возможность ложнаго мнѣнія и ложной рѣчи, необходимо признать, что какъ, съ одной стороны, могутъ быть создаваемы подобія вещей дѣйствительно существующихъ, такъ, съ дру-

гой, должно быть нѣкоторое искусство вводить въ обманъ. Что же теперь софистъ?—Еще ранѣе мы различили искусства *производительное* и *приобрѣтательное*. Такъ какъ искусство уподобленія нѣчто создаетъ, и подходит поэтому подъ родъ *производительнаго*, то будемъ преслѣдовать софиста въ этомъ дѣленіи, пока не поймемъ. Искусство производительное дѣлится на два вида: творчества божескаго и человѣческаго. То и другое опять двояко, производить ли оно самыя вещи (*αὐτοποίητόν*), или ихъ подобія (*εἰδωλοποίητόν*). И этому-то послѣднему роду подчинены два упомянутыя выше искусства—*уподобленіе* и *фантастика*, изъ которыхъ первое производить подобія, а другое призраки. Призраки создаются опять двояко: или посредствомъ извѣстныхъ орудій, или такъ, что производящій ихъ самого себя обращаетъ какъ бы въ орудіе созданія. Въ послѣднемъ случаѣ получается между прочимъ подражаніе (*μίμησις*), производимое съ помощью голоса, движеній и т. п. Въ подражаніи же слѣдуетъ различать два вида: одни подражаютъ, хорошо зная предметъ подражанія, другіе—не зная его. Второй видъ,—когда подражаютъ только съ *мнѣніемъ* о предметѣ,—можно назвать *подражаніемъ мнительнымъ* (*δοξομιμητική*), а первый, съ знаніемъ,—подражаніемъ какъ бы *историческимъ* (*ιστορικῆτις μίμησις*). Но софиста мы отнесли ранѣе не къ числу знающихъ; значить, онъ подражатель мнительный. Такіе подражатели бываютъ или простые, прямодушные, или притворные,—которые лукаво стараются скрыть свое незнаніе. Этыхъ послѣднихъ можно опять различать по двумъ приемамъ: они или говорятъ публично и увлекаютъ толпу длинными рѣчами,—что именно свойственно народнымъ ораторамъ,—или же, вступая въ разговоры частнымъ образомъ, стараются запутать своего собесѣдника въ противорѣчія. Тотъ, кто такъ поступаетъ, есть *софистъ*,—т. е., не мудрецъ (*σοφός*), а только подражатель мудреца, потому что не имѣетъ его знаній (р. 264 В—268 D).

Вотъ все содержаніе настоящаго разговора. При самомъ

поверхностномъ взглядѣ, въ немъ уже различаются какъ бы двѣ темы: первая—о природѣ софиста, вторая—о положеніяхъ элейской и мегарской школъ. Съ какою же цѣлью связаны въ одно обѣ эти темы, и въ которой изъ нихъ надо полагать главную задачу діалога?—Изъ того, что въ немъ такъ подробно и тонко изслѣдывается природа софиста, можетъ, на первый взглядъ, показаться, что всѣ рассужденія о существующемъ и не существующемъ приводятся только ради выясненія этой первой темы, тѣмъ болѣе, что ею, какъ видно, и начинается и заканчивается разговоръ. Но прежде чѣмъ рѣшать поставленный выше вопросъ, надо ближе взглянуть въ нѣкоторыя подробности.

Начнемъ съ элейскаго гостя. Дѣятельная роль въ бесѣдѣ поручается элейцу, очевидно, потому, что предпринимаемое изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ положеній элейской школы. Подобнымъ же образомъ выводятся Парменидъ и Тимей, представители элейской и пифагорейской доктринъ, въ двухъ другихъ, соименныхъ имъ, разговорахъ, гдѣ затрогиваются положенія обѣихъ этихъ школъ. И какъ тамъ бесѣда искусно направляется къ тому, чтобы согласить эти положенія съ ученіемъ самого Платона, такъ, мы думаемъ, и въ Софистѣ Платонъ имѣлъ въ виду, устами одного изъ сторонниковъ элейской и мегарской доктринъ, высказать рядъ мыслей о природѣ мышленія, незамѣтнымъ образомъ примыкающій къ собственному его взгляду на предметъ. Этимъ самъ Платонъ очень ясно даетъ понять, какую близкую связь имѣетъ его ученіе съ положеніями элейцевъ, и даже открыто, можно сказать, сознается, что онъ дошелъ до своего ученія черезъ изслѣдованіе и развитіе ихъ началъ. Если такова, по мысли Платона, должна быть роль элейскаго гостя, то уже не трудно понять, почему ему приданъ такой, а не другой характеръ,—хотя на этотъ счетъ высказывалось также не мало сомнѣній. Онъ изображается во все не спорчивымъ, каковы были по большей части приверженцы мегарской или эристической доктрины, вовсе не

упорнымъ защитникомъ догматовъ элейскихъ мыслителей, умѣвшихъ поддерживать свои мнѣнія во что бы то ни стало, съ помощью чисто внѣшнихъ діалектическихъ уловокъ; онъ представляется скорѣе очень умѣреннымъ и мягкимъ, и притомъ человѣкомъ, ревностно преданнымъ изслѣдованію истины. Тѣмъ не менѣе онъ остается и мегарцемъ и элейцемъ настолько, насколько придерживается употребительныхъ у нихъ приемовъ и способовъ изслѣдованія. Такъ, въ той части книги, гдѣ изслѣдуется природа софиста, онъ набрасываетъ массу остроумныхъ, постоянно двойныхъ дѣлений, продолжая ихъ все далѣе, пока не доходитъ до понятія, въ которомъ долженъ содержаться софистъ; и въ этомъ онъ оказывается до того неутомимъ и изобрѣтателенъ, что нельзя не узнать въ немъ человѣка школы, который вполнѣ освоился съ выработанными ею внѣшними приемами. Сколько можно догадываться, такіе приемы изслѣдованія употребляли именно мегарцы, слѣдуя, быть можетъ, примѣру Зенона. Выходя изъ какого либо высшаго, общаго рода, они исходили къ содержащимся подъ нимъ видамъ и продолжали идти такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не находили понятія, соотвѣтствующаго искомому предмету. Они пользовались своею методою, отвергнувъ методу Сократову, какъ несовмѣстную съ ихъ ученіемъ, ибо отрицали возможность соединенія многихъ свойствъ въ одной и той же вещи: отсюда и Антисоенъ у Аристотеля (*Metaphys.* V, 29; VIII, 3) отвергалъ, какъ видимъ, всякое употребленіе опредѣленія. Посему-то, при опредѣленіи, не соединяли они понятій, а скорѣе дѣлили ихъ, чтобы такимъ образомъ всякую идею привести въ состояніе отрѣшенное, безотносительное. Притомъ эта метода употребляема была ими, кажется, особенно при описаніи вещей чувствовостигаемыхъ, каковы, на примѣръ, упоминаемая въ Софистѣ искусства. Такой способъ описывать понятія, выводимый изъ непрерывнаго ряда дѣлений, очень соотвѣтствуетъ приемамъ элейцевъ и мегарцевъ въ развитіи изслѣдованій; ибо они такъ строятъ дока-

зательства на доказательствахъ, что изъ заключеній всегда выводятъ новыя заключенія: свидѣтельства видимъ у Діогена Лаэртія и у самого Платона. И такъ, наше убѣжденіе клонится къ тому, что Платонъ, искуснымъ подражаніемъ, въ Софистѣ и Политикѣ выразилъ мегарскій способъ опредѣленія, а въ Парменидѣ—мегарскую же методу построенія доказательствъ. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлалъ онъ это, мы увидимъ. Теперь нужно только дорисовать характеръ введеннаго имъ въ разговоръ элейскаго иностранца. Онъ пользуется не столько сократическимъ, сколько мегарскимъ способомъ разсужденія, къ которому уже привыкъ; однакожь, какъ не слишкомъ строгій послѣдователь школы, въ разсужденіяхъ своихъ иногда бываетъ довольно свободенъ, что видно особенно изъ того мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о природѣ существующаго и не существующаго и объ источникахъ лжи и обмана. Въ этомъ мѣстѣ онъ не только нападаетъ на мнѣніе элейцевъ, но и вообще преслѣдуетъ презрѣніемъ хитрый и сжатый родъ разсужденій ихъ, такъ что является совершеннымъ послѣдователемъ Сократа.

Въ изложеніи діалога особенно обращаетъ на себя вниманіе длинное и обильное разсужденіе о софистѣ, заставляющее насъ сильно недоумѣвать относительно своего значенія и цѣли. Съ этой стороны особенно сомнительнымъ находилъ его Зохеръ, и понималъ какъ собраніе пустыхъ хитро-сплетеній досужей болтливости, а потому никакъ не соглашался приписать уму Платона. Но справедливо ли такое сужденіе Зохера, скоро откроется само собою. Для болѣе точнаго разсмотрѣнія предмета, необходимо уяснить себѣ, что особенно имѣлъ въ виду Платонъ при изложеніи этой книги. Мнѣ представляется, что философъ въ ней съ тѣмъ труднымъ и неудоборазрѣшимымъ вопросомъ о мыслимой сущности и ея формахъ соединилъ изслѣдованіе другой задачи, которая для всей философіи тоже весьма важна,—хотѣлъ разсмотрѣть причину и источникъ обмана и заблужденія въ человѣческихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Обѣ эти задачи

казались ему столь сродными, что кто разсуждалъ бы о существующемъ и не существующемъ, тотъ не могъ бы не говорить также и объ опасности заблужденія и обмана. Пользуясь этимъ случаемъ, философъ положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ очертить свойства и природу софистовъ, въ которыхъ усматривалъ какъ бы какихъ-то охотниковъ лжи и обмана. То есть, жизнь и занятія тѣхъ людей, которые постоянно вращаются въ сферѣ не существующаго, онъ какъ бы притивопоставилъ другимъ, непрерывно занятымъ изслѣдованіемъ вѣчной истины, и этимъ сближеніемъ противоположностей старался тѣмъ болѣе выяснить разсматриваемый предметъ. Платонъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ держится усвоеннаго имъ обычая—съ внутренними доказательствами истины соединять еще объясненіе вещей, относящихся къ жизни человѣка, чтобы тѣмъ яснѣе и пріятнѣе была самая наука мудрости: это же съ неподражаемымъ искусствомъ дѣлаетъ онъ и въ Софистѣ.—Софисты были какъ бы обезьянами истинныхъ мудрецовъ,—но слѣпая толпа нерѣдко смѣшивала тѣхъ и другихъ; не рѣже и не менѣе ошибочно поставляемы были они наряду съ отличными политиками, которые дѣйствительно благодѣтельствовали обществу. Что же дѣлаетъ философъ, вознамѣрившись точнѣе объяснить ученіе объ идеяхъ и происхожденіе обмана и заблужденія? Ухватившись за этотъ благопріятный случай, онъ тотчасъ объявляетъ войну софистамъ, риторамъ, демагогамъ и всѣмъ тѣмъ мнимымъ мудрецамъ, которые старались быть замѣтными въ общественной жизни, а между тѣмъ водились только заблужденіемъ и склонностію обманывать. Отсюда-то въ Софистѣ, въ которомъ предположено разсуждать о вещахъ очень важныхъ и трудныхъ, онъ ставитъ вдругъ задачей разоблачить софистовъ и показать, какъ чужды они истинной философіи. И выходитъ прекрасно: во первыхъ, съ этимъ вопросомъ, на дѣлѣ второстепеннымъ,—который кажется однакожь первостепеннымъ, поскольку имѣлъ быть приложенъ и къ политикамъ,—онъ весьма естественно соединилъ

главное содержаніе книги; во вторыхъ, представилъ рядъ опредѣленій софиста, оживленныхъ тонкой насмѣшкою, которыя кажутся тѣмъ значительнѣе, что произведены, для шутки, отъ вещей внѣшнихъ и случайныхъ, а между тѣмъ изображаютъ общее направленіе софистическихъ умовъ, какъ оно представлялось смыслу людей благоразумныхъ. Подобнымъ образомъ отзывается о софистахъ и Сократъ у *Ксенофонта* (*Мемораб.* I, 6, 12 и 13), гдѣ они называются торгошами мудрости. Не лучше думаетъ о нихъ и *Аристотель*, когда говоритъ (*De Sophist. Elench.* I, 6): ἔστι γὰρ ἡ σοφιστικὴ φαίνομένη σοφία, οὐσα δὲ οὐ, καὶ ὁ σοφιστῆς χρηματιστῆς ἀπὸ φαίνομένης σοφίας, ἀλλ' οὐχ οὐσης. Кромѣ того, надобно замѣтить, что Платонъ въ этой своей книгѣ ловко обличаетъ также злоупотребленіе діалектическимъ остроуміемъ въ тѣхъ людяхъ, которые, воображая, что своимъ искусствомъ разсуждать они стоятъ выше другихъ, на самомъ дѣлѣ слишкомъ вдаются въ изысканныя дѣленія и доказательства, и потому большею частію бываютъ не въ состояніи правильно объяснять понятія о вещахъ. Нельзя никакъ согласиться съ *Фил. Гевсде* (*Init. philos. Platon.* vol. II, P. 11, p. 104 sqq.), будто Платонъ въ своемъ *Софистѣ* и *Политикѣ* хотѣлъ объяснить примѣрами методу дѣленія и соединенія понятій: напротивъ, по нашему мнѣнію, вся та часть діалога, гдѣ означенные примѣры представлены, полна лукавой аттической насмѣшки. Отсюда-то такое множество хитро придуманныхъ дѣленій, которыя, какъ бы по нѣкоторому неизмѣнному закону, всегда выходятъ двучленные; отсюда такая бездна названій, означающихъ искусства и измышленныхъ большею частію явно для забавы; отсюда это упоминаніе объ искусствахъ низкихъ, тогда какъ строгая та діалектика, которою хвастались эристики, не позволяла останавливаться на черной сторонѣ вещей (см. p. 227 A); отсюда, наконецъ, эти изысканные и издалека затѣваемые подходы, которые приписывать Платону, какъ дѣло серьезное, никакъ невозможно. Тагъ вотъ наше мнѣніе о той части

книги, въ которой разсматривается софистъ. Кто придавалъ бы ей особенную важность въ виду ея длинноты, тотъ, безъ сомнѣнія, сильно обманывался бы: объемъ ея не долженъ никого удивлять, потому что Платонъ ни въ Эвтидемѣ, ни въ Кратилѣ, ни въ другихъ своихъ діалогахъ не жалѣлъ труда, когда надлежало собрать хитросплетенія своихъ противниковъ и осмѣять ихъ. Впрочемъ нельзя сомнѣваться, что въ этой части сочиненія нѣтъ недостатка и въ такихъ мѣстахъ, которыя раскрыты въ прямомъ смыслѣ: философъ и здѣсь смѣшиваетъ серьезное съ шуточнымъ, и это могъ дѣлать тѣмъ смѣлѣе, что хотѣлъ незамѣтно исправить тѣхъ самыхъ, отъ лица которыхъ говорилъ элейскій иностранецъ.

Скажемъ нѣсколько словъ и о главной темѣ діалога, потому что и съ этой стороны онъ требуетъ нѣкотораго разъясненія. Сюда относится основная мысль Платона, что нѣтъ полной истины ни въ «сущемъ» Парменидовомъ, ни въ недвижимыхъ идеяхъ мегарцевъ. Философъ проявляетъ ее тѣмъ, что исправляетъ положенія этихъ умствователей и соглашаетъ ихъ съ собственнымъ ученіемъ объ идеяхъ. Такимъ образомъ онъ остроумно раскрылъ силу и природу того, что входитъ въ наше сознаніе, какъ *истинно существующее*. Пармениду противопоставляется у него множество и разнообразіе вещей, подъ условіемъ которыхъ, по его мнѣнію, только и возможно человѣческое познаніе. Затѣмъ, для познанія, при высочайшемъ тождествѣ и неизмѣнности его природы, требуется еще, говоритъ онъ, какое нибудь отношеніе и движеніе, которое Парменидъ и мегарцы отнимали у него: потому что если бы идеи не соединялись однѣ съ другими и не отдѣлялись однѣ отъ другихъ, то не было бы ни мнѣнія, ни ученія, ни способности слова, и мы потеряли бы самый даръ познавать истину. Отсюда выводитъ онъ, далѣе, сродство существующаго съ не существующимъ, и твердо доказываетъ, что обѣ эти противоположности находятся въ самой тѣсной связи, такъ что одна безъ другой быть не

могутъ; а въ связи съ этимъ разсужденіемъ раскрываетъ причины и источникъ лжи и обмана въ человѣческихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Такимъ образомъ, опровергнувъ сужденія элейцевъ и мегарцевъ объ идеяхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ самыя твердыя основанія для собственнаго своего ученія о томъ же предметѣ.

Если что послѣ сего въ Софистѣ остается еще темнаго и требующаго объясненій, то развѣ нѣкоторыя частныя мысли и выраженія. Но такія мѣста мы надѣемся объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а здѣсь считаемъ нужнымъ сказать только о связи этого діалога съ другими и о мѣстѣ, какое прилично ему занимать въ ряду другихъ. Выше было уже замѣчено, что Софисту Платонъ самъ назначилъ стоять непосредственно послѣ Теэтета; на это указываютъ подлинныя слова его въ предисловіяхъ той и другой книги. Но какой разговоръ долженъ слѣдовать непосредственно за Софистомъ? Въ Софистѣ, по видимому, есть основаніе для рѣшенія и этого вопроса. Здѣсь (р. 217 А) въ рядъ предметовъ, ожидающихъ разсмотрѣнія, поставлены послѣдовательно три: софистъ, политикъ, философъ; потомъ, въ другомъ мѣстѣ, элейскій иностранецъ говоритъ (р. 254 В): «Этого (т. е. философа) авось разсмотримъ мы яснѣе, если еще захочется намъ; а что касается софиста, то явно, что не надобно оставлять его, пока не высмотримъ достаточно». Изъ этихъ словъ можно заключить, что послѣ Софиста, въ ряду діалоговъ, долженъ стоять Политикъ,—тѣмъ болѣе, что самого Политика отнюдь нельзя принимать за Философа, такъ какъ въ Политикѣ снова общается Философъ (Polit. р. 257 А). Но гдѣ же, для полноты этого трехчленнаго ряда, найдемъ мы разговоръ Платона, озаглавленный именемъ Философа? Такого надписанія въ кодексѣ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненій нѣтъ. Поэтому надобно полагать, что Философъ либо только обѣщанъ, но не написанъ; либо и написанъ, но для насъ потерянъ; либо и не потерянъ, но скрывается подъ какимъ нибудь другимъ заглавіемъ. И такъ,

настоить нужда изслѣдовать, которое изъ этихъ предположеній вѣрно. Разсмотримъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Какимъ представляется тотъ софистъ, которому Платонъ положилъ противопоставить образъ совершеннаго и подлиннаго философа? Вникнувъ внимательно, тотчасъ видишь, что здѣсь разумѣется не иной кто, какъ человѣкъ, превратно пользующійся діалектикою, любящій запутывать хитросплетеніями и тонкостями, и чрезъ то, съ одной стороны, надѣвающій на себя маску мудреца, съ другой—удовлетворяющій корыстолюбивымъ своимъ видамъ. Стало быть, сила и природа его состоитъ въ злоупотребленіи искусствомъ діалектики. Если же у Платона было намѣреніе начертать образъ философа, противоположный софисту, то кто не согласится, что философа своего хотѣлъ онъ изобразить такимъ, чтобы виденъ былъ истинный и подлинный діалектикъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что такимъ образомъ ему можно было только что начатое въ Софистѣ тонкое ученіе объ идеяхъ и ихъ формахъ раскрыть окончательно, во всѣхъ его подробностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто позволить себѣ думать, что философъ эту часть своего ученія, безъ сомнѣнія, самую важную, могъ оставить не развитою и не завершеною?—Впрочемъ зачѣмъ намъ искать опоры въ вѣроятности, когда у насъ предъ глазами имѣется ясное свидѣтельство самого Платона? Въ Софистѣ (р. 253 D sqq.) говорится вотъ что: «*Ин.* Дѣлится предметъ на роды, и какъ того же вида не почитать другимъ, такъ и другаго—тѣмъ же,—не есть ли, скажемъ, дѣло знанія діалектическаго?—*Тезт.* Да, скажемъ.—*Ин.* Посему человѣкъ-то, способный дѣлать это, достаточно различаетъ, во первыхъ, одну идею, распростертую всюду чрезъ многое, оставляя въ сторонѣ отдѣльныя единицы; во вторыхъ, многія, взаимно различныя, содержимыя одною внѣшнею; въ третьихъ, опять одну, связанную въ одномъ цѣлостію многихъ, и, въ четвертыхъ, многія, особо всюду опредѣленные: это значитъ умѣть различать по родамъ, какъ вещи отдѣльныя могутъ сообщаться, и какъ нѣтъ.—*Тезт.* Безъ сомнѣ-

нія.—*Ин.* Вѣдь діалектичности-то ты, думаю, не припишешь никому иному, кромѣ челоуѣка, философствующаго чисто и справедливо.—*Тезт.* Да какъ приписалъ бы кто иному?—*Ин.* А философа въ такомъ какомъ нибудь мѣстѣ найдемъ мы и теперъ, и послѣ, если будемъ искать. Трудно, правда, ясно видѣть и его; но трудность относительно софиста представляется подъ инымъ образомъ, чѣмъ трудность относительно этого».—Что очевидное этого свидѣтельства?

Но скажутъ: тотъ философъ, котораго Платонъ очертилъ здѣсь немногими словами, описанъ ли въ какомъ нибудь отдѣльномъ сочиненіи?—Да, описанъ; но та книга, въ которой изложено это описаніе, до послѣдняго времени не была правильно понята и объяснена. Говоримъ о Парменидѣ; ибо «Парменида» почитаемъ тѣмъ діалогомъ, въ которомъ Платонъ изобразилъ философа такимъ, какимъ обозначилъ его въ Софистѣ и Политикѣ. Чтобы устранить всякое въ этомъ отношеніи сомнѣніе, мы кратко скажемъ, почему такъ думаемъ.

Во первыхъ, должно быть очевидно для всѣхъ, что въ приведенномъ выше мѣстѣ Софиста (р. 253 D sqq.) означается философъ, весьма опытный въ діалектикѣ и правильно пользующійся этимъ искусствомъ, который, при помощи его, можетъ изслѣдывать и по надлежащему объяснять силу идей и всѣ ихъ отношенія. Но такимъ философомъ и оказывается Парменидъ, бесѣдующій въ соименномъ ему разговорѣ; потому что онъ не только даетъ тончайшимъ образомъ измышленныя діалектическія правила, но и въ самомъ употребленіи ихъ такъ благоразуменъ, такъ умѣренъ, и такъ добросовѣстно занятъ раскрытіемъ истины, что пренебрегаетъ пустыми тонкостями и заботится только о томъ, чтобы взятый для изслѣдованія предметъ разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ и познать вполне. Предавшись такимъ образомъ изслѣдованію истины, онъ держится того превосходнѣйшаго очистительнаго искусства, которое, по объясненію Платона,

все направлено къ тому, чтобы освободить насъ отъ пустыхъ, безсодержательныхъ мнѣній и приготовить нашъ умъ къ познанію истины. Это самое искусство, по словамъ Платона въ Софистѣ (р. 231 А, В), и есть достояніе не софистовъ, а истиннаго философа. Но вотъ и другое обстоятельство, по нашему мнѣнію, еще болѣе важное. То самое, что требуется отъ дѣйствительнаго философа въ Софистѣ (р. 253 D sqq.), — чтобы, то есть, онъ старался приобрѣсть полное и совершенное познаніе объ идеяхъ и изслѣдовать средство ихъ и взаимное отношеніе, — олицетворенный Парменидъ такъ осуществилъ, что въ этомъ родѣ нельзя ни выдумать, ни вообразить что либо лучшее. Ученіе объ идеяхъ изложилъ онъ съ такою всесторонностію, что обратилъ вниманіе и на начало ихъ, и на природу, и на формы или отношенія, и на силу или дѣйственность, и на средство или сближеніе, и на знаніе или науку; и все это людямъ, въ діалектикѣ опытнымъ, высказалъ съ удивительною ясностію. Съ этимъ предметомъ обращается онъ точно такимъ же образомъ, какъ элейскій иностранецъ, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ шла рѣчь объ отношеніяхъ существующаго и не существующаго (р. 251 А—260). Отсюда само собою разумѣется, какъ надобно заключать о связи Софиста и Парменида. Къ этому можно прибавить еще вотъ что. Платонъ въ Теэтетѣ (р. 183 Е) и Софистѣ (р. 217 С) заставилъ Сократа рассказывать, что онъ нѣкогда, бывъ юношею, разговаривалъ съ Парменидомъ — старикомъ: не указываетъ ли это довольно ясно на то, что діалогъ, надписанный именемъ Парменида, съ означенными книгами имѣетъ очень тѣсную связь? — Впрочемъ тѣ сильно ошибаются, которые на основаніи этихъ мѣстъ заключаютъ, что Парменидъ написанъ прежде Теэтета и Софиста. Это представляется невѣроятнымъ, во первыхъ, при взглядѣ на общее содержаніе всѣхъ означенныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣритъ, чтобы Платонъ сперва изложилъ собственное ученіе объ идеяхъ, а потомъ приступилъ къ объясненію его разсужденіями сторонними, какія заключаются

въ Теэтетъ и Софистъ? Во вторыхъ, и самое легкое наблюдение надъ тѣмъ, какъ идетъ раскрытіе отдѣльныхъ мыслей во всѣхъ этихъ діалогахъ, намъ покажетъ, что въ Парменидѣ (когда онъ разсуждаетъ о существующемъ и не существующемъ) многое предполагается уже какъ извѣстное и не сопровождается ни опредѣленіями, ни объясненіями, тогда какъ въ Софистѣ разсужденіе развивается съ первыхъ элементовъ, и всякій отдѣльный предметъ опредѣляется со всею точностію. Парменидъ не предлагаетъ, напримѣръ, строго оговореннаго понятія о не существующемъ, а въ Софистѣ оно приведено къ совершенной опредѣленности. Поэтому Софистъ понятенъ самъ по себѣ и можетъ быть читаемъ безъ предварительнаго знакомства съ Парменидомъ, а чтенію Парменида должно предшествовать внимательное разсмотрѣніе Софиста. Послѣ сего остается заключить, что Парменидъ представлялся Платону всегда какъ дѣло переднее, какъ такой трудъ, которымъ должны быть какъ бы завершены и увѣнчаны философско-литературныя его занятія. По крайней мѣрѣ, такъ надобно смотрѣть на Парменида по отношенію къ Теэтету, Софисту и Политику.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ΘЕОДОРЪ, СОКРАТЪ, ЗЕНОНЪ ЭЛЕЙСКІЙ, ТЕТЕТЪ.

Θеод. По вчерашнему ¹ условію, Сократъ, мы и сами съ 216
готовностію ² пришли, и привели съ собой этого иностранца,
родомъ изъ Элеи, друга послѣдователей Парменидовыхъ и
Зеноновыхъ, большаго философа.

¹ Разговоръ этотъ представляется происходившимъ на другой день послѣ бесѣды Сократа съ Θεодоромъ и Тететомъ. Поэтому и лица разговаривающія вводятся здѣсь тѣ же, съ прибавкою лишь одного элейскаго иностранца. Отсюда видно, въ какой тѣсной связи между собою находятся Платоновы діалоги—Тететъ и Софистъ. Но эта связь только еще внѣшняя: гораздо замѣчательнѣе средство ихъ внутреннее. Послѣ того, какъ въ Тететѣ доказано, что знаніе не состоитъ ни въ чувственномъ возрѣніи, ни въ мнѣніяхъ, философъ намѣревается изслѣдовать и оцѣнить новый источникъ знаній, состоящій въ созерцаніи сущаго, и для того обращается теперь къ критикѣ ученія элейцевъ и мегарцевъ. И вотъ причина, зачѣмъ Тететъ и Θεодоръ привели теперь съ собою элейскаго иностранца, страстнаго любителя философіи. Онъ, какъ знатокъ философскихъ положеній своей школы, долженъ былъ раскрыть ихъ въ Сократовомъ обществѣ, и для того въ діалогѣ заступаетъ мѣсто Сократа,—является главнымъ собесѣдникомъ, который авторитетно обсуживаетъ предметы изслѣдованія и произноситъ приговоры объ истинности или ложности мнѣній. Но какимъ образомъ, и по происхожденію и по философскимъ убѣжденіямъ элеецъ, могъ быть онъ органомъ Платоновой критики элейскаго и мегарскаго ученія?—Конечно, такимъ же, какъ въ «Парменидѣ» Парменидъ выдержалъ роль исправителя элейской идеи о сущемъ и примирителя ея съ идеализмомъ Платона. Элейскій иностранецъ, слѣдуя діалектическимъ пріемамъ своей школы, во всемъ діалогѣ какъ бы передразниваетъ ее и дѣлаетъ смѣшную, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно проясняетъ и положительную сторону предмета, то есть, ученіе собственно Платоново.

² Съ готовностію, κοσμίως,—то есть, по требованію вѣжливости, такъ какъ наканунѣ дали слово.

Сокр. Ужь не бога ли какого, подь видомь иностранца, какъ говорить Омиръ, привель ты невзначай, Θεοδορῷ¹? По словамъ Омира, людямъ, хранящимъ справедливый стыдъ, в. сопутствуютъ и другіе боги, но особенно сопровождаетъ ихъ богъ—покровитель иностранцевъ, съ намѣреніемъ видѣть правды и неправды людей. Такъ, можетъ быть, и съ тобою пришелъ кто нибудь изъ существъ высшихъ, какой нибудь богъ-обличитель, чтобы взглянуть на насъ, слабыхъ въ словѣ, и обличить насъ.

Θεοδ. Не такой нравъ у этого иностранца, Сократъ; онъ умѣреннѣе тѣхъ, которые любятъ заниматься спорами. И мнѣ кажется, этотъ мужъ—никакъ не богъ, хотя божествен- с. ный; потому что такими я объявляю всѣхъ философовъ.

Сокр. Да и прекрасно, другъ мой. Впрочемъ распознаваніе этого рода, правду сказать, должно быть не многимъ легче, какъ и рода божьяго. По невѣжеству прочихъ людей, они представляются мужами очень разнообразными; часто посѣщаютъ города,—говорю не о поддѣльныхъ философахъ, а о дѣйствительныхъ, которые на жизнь дольную смотрятъ сверху,—и однимъ кажутся людьми ничего не стоящими, а другимъ—достойными всего; иные воображаютъ ихъ, какъ политиковъ, иные—какъ софистовъ, а иные думаютъ о нихъ, какъ о людяхъ совершенно сумасшедшихъ. Впрочемъ пріятно было

¹ Тонкая и игривая шутка надъ необузданною страстію къ спорамъ, которой предавались послѣдователи Парменида и Зенона. Во времена Платона, заводить философскіе споры было особенно во вкусъ мегарцевъ, отчего и получили они имя эристиковъ (Deuksius, De megaricis p. 7 sq.). Тимоѣя Силлографъ еще въ Эвклидѣ, основателѣ мегарской школы, замѣтилъ страсть къ насмѣшкамъ и спорамъ (Diog. Laërt. II, 107), а Діогенъ Синопскій (Diog. Laërt. VI, 24) Εὐκλείδου σχολήν остроумно называлъ Εὐκλείδου χολήν. Да и самъ Сократъ упрекалъ Эвклида за то же самое (Diog. L. II, 80): ὄρων Εὐκλείδην ἐσπουδαχότα περὶ τοῦς ἐριστικούς λόγους, —ὦ Εὐκλείδη, сказалъ, σοφισταὶς μὲν δυνήσῃ χρῆσθαι, ἀνθρώποις δὲ οὐδαμῶς. И такъ, Сократъ здѣсь элейца очень любезно сравниваетъ съ какимъ-то богомъ, который какъ бы сошелъ съ неба испытать слабыя человѣческія разсужденія и исправить ихъ. Замѣтивъ эту тонкую насмѣшку Сократа и ея значеніе, Θεοδορῷ тотчасъ говорить, что этотъ иностранецъ не охотникъ до споровъ,—не таковъ, какъ другіе элейцы.

бы получить свѣдѣніе отъ нашего иностранца, если ему угодно: чѣмъ почитаютъ и какъ называютъ это въ тѣхъ мѣстахъ ¹?

217.

Теод. Что такое?

Сокр. Софиста, политика, философа.

Теод. Въ чемъ же собственно и какое на этотъ счетъ у тебя сомнѣніе, что ты вздумалъ предложить такой вопросъ?

Сокр. Вотъ что: за одно ли все это принималось, или за два, или такъ какъ здѣсь три имени, то различаемы были и три рода, и каждому согласно съ однимъ изъ именъ приписывался родъ?

Теод. Я думаю, онъ отнюдь не откажется объяснить это. Или какъ скажемъ, иностранецъ? В.

Ин. Такъ, Θεодоръ,—отнюдь не откажусь; да и не трудно сказать, что эти-то почитаются тремя,—хотя ясно опредѣлить значеніе cadaго порознь,—что такое онъ,—дѣло не малое и не легкое.

Теод. Къ тому же, по счастливому, конечно, случаю, Сократъ, ты попалъ почти на тотъ самый вопросъ, который мы предлагали ему, прежде чѣмъ пришли сюда,—и онъ, что теперь тебѣ, то именно отвѣчалъ тогда и намъ: слыхалъ я объ этомъ, говорить, довольно, и не забылъ.

Сокр. Такъ не откажись же, иностранецъ; мы просимъ с. перваго опыта твоей услуги. Скажи намъ только: какъ ты привыкъ,—самъ ли по себѣ, одиночно, длинною рѣчью раскрывать то, что хочешь доказать, или посредствомъ вопросовъ,—которыми пользуясь, предлагалъ нѣкогда прекрасныя свои разсужденія и Парменидъ, когда я слушалъ его, бывъ еще юношею, а онъ уже глубокимъ старикомъ?

Ин. Если собесѣдникъ бываетъ не раздражителенъ и стоворчивъ, то легче говорить съ другимъ, а когда напротивъ,—самому по себѣ.

¹ Въ тѣхъ мѣстахъ, то есть, на родинѣ элейскаго иностранца, или въ Элеѣ.

Сокр. Такъ ты можешь избрать кого угодно изъ присутствующихъ; потому что всё будутъ слушать тебя кротко. Впрочемъ если послушаешься моего совѣта, то выберешь кого нибудь изъ юношей: Теэтета, напримѣръ, или кого иного, кто тебѣ по мысли.

Ин. Ахъ, Сократъ! стыдно только мнѣ что-то, вступая въ бесѣду съ вами въ первый разъ, говорить не понемногу, не слово за словомъ, а широко повести непрерывную рѣчь, не самому по себѣ,—хотя бы говорилъ и съ другимъ,—какъ будто бы, то есть, я хочу показать себя. Вѣдь на самомъ дѣлѣ теперешній вопросъ предложенъ не такъ просто, какъ можетъ казаться кому нибудь, но требуетъ разсужденія очень длиннаго. Съ другой стороны, и то опять: не едѣлать, что угодно тебѣ и этимъ, особенно когда ты уже сказалъ, что сказалъ,—представляется мнѣ, гостю, неприличіемъ и грубо-
218. стію. А Теэтета-то я принимаю въ собесѣдники тѣмъ болѣе, что и прежде говорилъ съ нимъ, да и ты теперь велишь мнѣ.

Теэт. Такъ угодишь ли ты, иностранецъ, всёмъ, если сдѣлаешь такъ ¹, какъ сказалъ Сократъ?

Ин. На это-то, должно быть, еще ничего нельзя сказать, Теэтеть; а надобно уже, послѣ сего, какъ видно, обратить свою рѣчь къ тебѣ. Если же отъ продолжительности труда ты нѣсколько утомишься, вини въ этомъ не меня, а этихъ своихъ друзей.

В. Теэт. Но пока пусть будетъ такъ,—я не думаю отказываться. Если же случилось бы что такое,—примемъ этого Сократа ², Сократова соименника, а моего сверстника и товарища, которому не новость раздѣлять со мною труды.

¹ Если, то есть, въ собесѣдники выберешь меня: черта, показывающая скромность и недовѣрчивость къ себѣ Теэтета.

² Въ обществѣ Сократа былъ и соименный ему юноша, товарищъ Теэтета, сходствовавшій съ нимъ дарами ума и сердца. Въ Политикѣ (р. 257 D), когда Теэтеть утомляется, онъ дѣйствительно заступаетъ его мѣсто и продолжаетъ бесѣду съ элейскимъ иностранцемъ. И это также обстоятельство даетъ намъ основаніе для заключенія о близкой связи Софиста и Политика. Но это не тотъ Сократъ, о которомъ упоминаетъ Аристотель (Metaphys. VII, 11 p. 151, ed. Brandis.)

Ин. Ты хорошо говоришь; но къ его помощи въ продолженіе разговора будешь обращаться особо, а теперь тебѣ надобно разсматривать дѣло сообща вмѣстѣ со мною, и на первый разъ начать, какъ мнѣ представляется, софистомъ, изслѣдывая и выражая словомъ, что такое софистъ. Вѣдь С. въ настоящее-то время ты и я относительно этого сходимся только въ имени, а о самомъ предметѣ, который имъ называется, каждый изъ насъ, можетъ быть, имѣетъ свое особое понятіе. Между тѣмъ всегда и во всемъ надобно скорѣе соглашаться касательно самаго предмета, опредѣляя его словами, чѣмъ касательно одного имени, безъ словъ. Понять родъ людей, который мы думаемъ теперь изслѣдовать,—понять, что такое софистъ,—не такъ легко. И опять, чтобы съ успѣхомъ трудиться въ дѣлахъ великихъ, всѣ и въ древности постановили—сперва заниматься въ томъ же отношеніи D. дѣлами малыми и легкими, прежде чѣмъ приступать къ великимъ. Поэтому теперь, Теэтеть, такой мой совѣтъ и намъ: находя труднымъ и неудобопонятнымъ родъ софиста, напередъ предварить его разсмотрѣніемъ другаго, легчайшаго,—если ты не укажешь на путь иной, болѣе удобный.

Теэт. Я не укажу.

Ин. Что же? хочешь ли, попытаемся взять примѣръ отъ одной изъ вещей маловажныхъ и приложить его къ большей?

Теэт. Да.

E.

Ин. Что же бы такое предложить, хотя удобопознаваемое и маловажное, однакожъ требующее не меньшаго объясненія, какъ и предметы великіе? Напримѣръ, рыболовъ-удочникъ¹:

и котораго называетъ Σωκράτην τὸν νεώτερον. Стагиритецъ разумѣетъ здѣсь Сократа, корифея философіи, и указываетъ на юный его возрастъ, имѣя въ виду то, что въ молодости философія его была не такова, какую преподавалъ онъ въ старости, или въ возрастѣ зрѣломъ. На этомъ основаніи, Аристотель различаетъ Сократа младшаго и Сократа старшаго (Grandsis, Musei Rhemani t. 1, p. 127 sq.).

¹ Элеецъ беретъ именно этотъ, а не другой маловажный предметъ не случайно и не безъ цѣли. Здѣсь съ перваго взгляда видно его намѣреніе посмѣяться надъ софистами, вводя ихъ занятіе аналогически въ кругъ занятій, свойственныхъ

не всѣмъ ли извѣстно это дѣло, и не правда ли, что не стоить оно особенно большаго и серьезнаго вниманія?

Теем. Такъ.

219. *Ин.* Между тѣмъ самое дѣло и его объясненіе, надѣюсь, пригодны будутъ намъ къ тому, чего хотимъ.

Теем. Это было бы хорошо.

Ин. Пускай. Начнемъ же такъ: скажи мнѣ, искусникомъ ли признаемъ мы его, или какимъ нибудь человѣкомъ, чуждымъ искусства, который однакожъ имѣеть иную силу?

Теем. Всего менѣе—чуждымъ искусства.

Ин. Но вѣдь искусствъ-то всѣхъ почти два вида.

Теем. Какъ?

Ин. Земледѣліе, какое бы то ни было попеченіе о всякомъ смертномъ тѣлѣ, и о тѣлѣ сложномъ, формованномъ, которое в. мы назвали сосудомъ, также искусство подражательное,—все это вмѣстѣ очень справедливо можно назвать однимъ именемъ.

Теем. Какъ, и какимъ?

Ин. Все, чего прежде не было и что потомъ приводитъ кто нибудь къ бытію ¹, таково, что приводящее, говоримъ, производить, и приводимое къ бытію производится.

Теем. Правильно.

Ин. Но то-то все, что мы сейчасъ только перечислили, своею силою относится къ этому.

Теем. Да, относится.

рыболовамъ (см. р. 221 D sq.). Это замѣчаніе нужно для тѣхъ, которые на разсматриваемый діалогъ Платона смотрять не совсѣмъ съ выгодной стороны и даже, вопреки свидѣтельству Аристотеля (*Metaphys.* V, с. 2, р. 100 sq.), почитаютъ его сочиненіе подложнымъ. Рыболовъ-удочникъ, ἀσπάλειυτής, есть ἀλειυός οὐμνά (т. е. волосянымъ шнуромъ) χρωόμενος,—слѣдовательно, то же, что οὐμνευτής. Но Тимей (р. 52) производитъ это слово ἀπὸ τοῦ ἀποσπᾶν τὴν ἄγραν.

¹ То же самое говорится ниже (р. 265 В): что касается искусства творческаго, то,—если помнимъ, что говорено было вначалѣ,—все оно, сказали мы, есть сила, служащая причиною вещей, сперва не существовавшихъ, а потомъ происшедшихъ. Почти тѣми же самыми словами опредѣляется оно *Symp.* р. 205 С. О раздѣленіи искусствъ на производительныя и приобрѣтательныя см. *Diog. L.* III, 84; *Tug. Max.* XXXIII, р. 140, ed. Reisk.

Ин. Такъ, заключая перечисленное подъ общимъ заглавіемъ, назовемъ это *искусствомъ производительнымъ*.

Тезт. Пусть.

С.

Ин. Но послѣ сего весь видъ знанія научный, барышническій, состязательный, охотническій,—такъ какъ онъ не мастерить ничего вышеупомянутаго, а имѣеть дѣло съ существующимъ и бывающимъ, то овладѣвая имъ словами и дѣлами, то не допуская другихъ до овладѣнія,—особенно поэтому, во всѣхъ своихъ частяхъ вмѣстѣ, прилично можетъ быть названъ нѣкоторымъ *искусствомъ приобрѣтательнымъ*.

Тезт. Да, въ самомъ дѣлѣ, прилично.

Ин. Если же всѣ искусства раздѣляются на приобрѣтательныя и производительныя, то къ которому изъ этихъ видовъ, Тезтетъ, отнесемъ мы рыболовное?

Тезт. Явно, что къ приобрѣтательному.

Ин. Но искусства приобрѣтательнаго не два ли вида? Одинъ—*мльновой*, бывающій съ обѣихъ сторонъ по охотѣ и производимый посредствомъ подарковъ, наградъ и продажи; а другой—*овладѣвательный*, всѣмъ овладѣвающимъ посредствомъ дѣла или слова.

Тезт. Изъ сказаннаго, въ самомъ дѣлѣ, явно.

Ин. Что же? Не раздѣлить ли надвое искусство овладѣвательное?

Тезт. Какъ?

Ин. Такъ, что явное считать все *состязательнымъ*, а все скрытное—*охотническимъ*.

Тезт. Да.

Ин. Но охотническаго-то уже странно было бы не разсѣчь надвое.

Тезт. Говори, какъ.

Ин. Не раздѣлить ловли рода *неодушевленнаго* и *одушевленнаго*.

Тезт. А почему же, если оба они дѣйствительно есть?

Ин. Да какъ не быть! Впрочемъ родъ неодушевленный, 220. какъ родъ, кромѣ нѣкоторыхъ частей плавательнаго искус-

ства, и другихъ подобныхъ имъ немногихъ, не имѣющей имени, мы оставимъ; родъ же, относящійся къ ловлѣ животныхъ одушевленныхъ, назовемъ *охотою за животными* ¹.

Тезт. Пусть.

Ин. А охоты за животными не въ правѣ ли мы указать два рода: одинъ—касающійся животныхъ сухопутныхъ и падающійся на многіе виды и имена,—называя его *охотою сухопутною*; другой—относящійся къ животнымъ плавающимъ,—давая ему имя *охоты жидкостисхійной* ²?

Тезт. Конечно.

Ин. Притомъ, въ родѣ животныхъ плавающихъ не видимъ в. ли мы одной породы летающей, другой водяной?

Тезт. Какъ не видѣть!

Ин. И всякая охота за родомъ летающимъ называется у насъ нѣкоторымъ *птицеловствомъ*.

Тезт. Да, называется такъ.

Ин. А за родомъ водянымъ, почти во всѣхъ случаяхъ,—*рыболовствомъ*.

Тезт. Да.

Ин. Что же? и эту опять охоту не раздѣлить ли мнѣ на двѣ большія части?

Тезт. На какія?

¹ Охотою за животными—ζωοθηρίην. Этотъ терминъ, какъ и многіе другіе, здѣсь встрѣчающіеся, въ обыкновенной рѣчи тогдашнихъ грековъ не употреблялись и выдумываемы были софистами, чтобы слушателямъ, какъ говорится, пустить пыль въ глаза. Элейскій иностранецъ, искусно подражая не только методѣ, но и самому говору мегарской и элейской школы, тоже не скупится на подобные термины и любитъ пестрить ими свою бесѣду. Но на пестроту его рѣчи надобно смотрѣть, какъ на дѣло, допущенное Платономъ намѣренно, съ цѣлю охарактеризовать и въ этомъ отношеніи вкусъ модныхъ тогдашнихъ философовъ.

² Жидкостисхійный, ἐνυδροθηρίων. Это—вновь придуманный діалектикою терминъ; ибо требовалось такое слово, которое означало бы охоту за животными не на сушѣ, а въ другихъ стихіяхъ; и такими стихіями представлялись Платону двѣ различныя—воздухъ и вода, которыя надлежало выразить однимъ словомъ. Подобный терминъ слѣдуетъ и далѣе,—именно, νεοστιχόν; ибо имъ означается плаваніе вообще, какъ въ водѣ, такъ и въ воздухѣ.

Ин. На тѣхъ, что производятъ ловъ тутъ же—(однѣми) *слѣтями* и *ударомъ*.

Тезт. Какъ это говоришь ты, и чѣмъ различаешь то и другое?

Ин. Да вотъ, все, чѣмъ обводятъ что нибудь, и что полагаютъ съ цѣлю преграды, называется, вѣроятно, *плетнемъ*.

Тезт. Конечно.

Ин. Такъ и верши, и сѣти, и вентери, и заколы, и другое такое же—должно ли почитать чѣмъ отличнымъ отъ плетней?

Тезт. Нѣтъ.

Ин. Стало быть, эту часть рыболовства мы назовемъ *охотой плетневою*, или какъ нибудь подобно тому.

Тезт. Да.

Ин. А ту, производимую иначе,—ударомъ, то есть трезубцами и крючками,—слѣдуетъ намъ назвать однимъ именемъ *лови ударной*. Или иной, можетъ быть, назоветь ее лучше, *Д. Тезтетъ*¹?

Тезт. Не будемъ заботиться объ имени: удовлетворительно и это.

Ин. Но ночная-то, —изъ ударной,—совершающаяся при свѣтѣ огня, у самыхъ тѣхъ, которые занимаются ею, обыкновенно называется, думаю, *огневою*.

Тезт. Конечно.

Ин. А дневная,—такъ какъ тогда къ концамъ привязываются крючки и трезубцы,—вся—*крючковою*.

Тезт. Говорять такъ.

Е.

¹ Кому показалось бы страннымъ, что въ греческомъ текстѣ звательный падежъ «Тезтетъ» стоитъ безъ члена: «Θεστέτη», для того мимоходомъ замѣчаемъ, что членъ ω̄ предъ звательнымъ выражаетъ восклицаніе, а звательный безъ члена есть увѣщаніе того лица, къ которому онъ относится. Примѣровъ употребленія звательнаго безчленного очень много собрали Борнеманъ (Ad Xenoph. Symp. p. 145; Memorab. p. 49), Рюккертъ (Ad Sympos. p. 94) и Вилкельманъ (Ad Euthydem. p. 89).

Ин. И опять, изъ крючковой ударной, одна производится сверху внизъ, пользуясь при этомъ особенно трезубцами, и называется, думаю, какою-то *трезубочною*.

Тезт. Нѣкоторые, въ самомъ дѣлѣ, такъ говорятъ.

Ин. Посему есть, наконецъ, и еще одинъ, можно сказать, видъ.

Тезт. Какой?

Ин. Съ противоположнымъ этому ударомъ, — производимый крючкомъ и попадающій не въ какую случится часть рыбьяго
221. тѣла, какъ трезубцами, а всегда въ голову и ротъ ловимой рыбы, притомъ вытаскивающій ее, прутьями и удилицами, снизу въ противную сторону, вверхъ. Этой охотѣ, Теэтеть, какое, скажемъ, надобно дать имя?

Тезт. Мнѣ кажется, теперь дѣло дошло до того, что недавно нашли мы нужнымъ изслѣдовать.

В. *Ин.* Стало быть, теперь ты и я не только согласились въ имени удочнаго рыболовства, но и достаточно поняли самый способъ производить это дѣло; потому что половинная часть этого искусства, взятаго въ цѣломъ, была прибрѣтательная, половина прибрѣтательнаго — овладѣвательная, половина овладѣвательнаго — охотническая, половина охотническаго — гоняющаяся за животными, половина гонящаяся за животными — жидкостихійная, половина жидкостихійнаго, заключающая весь нижній отдѣлъ, была рыболовная, половина рыболовнаго — ударная, половина ударнаго — крючковая, а половина этого, вытаскивающая чрезъ ударъ снизу
С. вверхъ, получила имя по подобію самаго дѣла, и названа теперь *удочнымъ рыболовствомъ*.

Тезт. Безъ сомнѣнія, такъ; и это-то достаточно раскрыто.

Ин. Давай же, рѣшимся по этому образцу найти то, что такое софистъ.

Тезт. Со всею готовностію.

Ин. Но у насъ тотъ вѣдь былъ первый вопросъ: удочнаго рыболова простымъ ли надобно почитать человекомъ, или нѣкоторымъ искусникомъ?

Тезт. Да.

Ин. Такъ вотъ теперь и этого, Теэтеть, простымъ ли признаемъ человѣкомъ, или непременно истиннымъ софистомъ¹?

Тезт. Никакъ не простымъ человѣкомъ. Вѣдь я понимаю, что ты говоришь; онъ всячески долженъ быть такимъ, каково его имя-то. Намъ надобно только, какъ видно, опредѣлить, какое приписать ему искусство.

Ин. Ну, какое же оно? Ради боговъ, ужели мы не поняли, что одинъ изъ этихъ мужей—родня другому?

Тезт. Какой какому?

Ин. Удочный рыболовъ софисту.

Тезт. Какимъ образомъ?

Ин. Оба они представляются мнѣ нѣкоторыми охотниками.

Тезт. Какой ловли другой изъ нихъ? Объ одномъ-то мы, Е. конечно, уже сказали.

Ин. Всю ловлю мы раздѣлили, кажется, надвое: разсѣкли ее на часть плавательную и пѣшую.

Тезт. Да.

Ин. Разсмотрѣли и то, сколько въ родѣ плавательномъ видовъ водяныхъ; а часть пѣшую оставили не раздѣленною, сказавъ, что она многовидна.

Тезт. Конечно.

222.

¹ См. р. 219 А. О томъ, что человѣку простому, ἰδιώτη, противопоставляется ученый или знатокъ искусства, замѣчено уже въ *Symp.* р. 178 В; *Tim.* р. 20 А. Извѣстно и то, что знатоконъ искусства греки почитали дѣятелими въ средѣ гражданского общества; и потому простой человѣкъ, подъ которымъ разумѣли они земледѣльца и ремесленника, противопоставаемъ былъ у нихъ также лицу, принимающему участіе въ дѣлахъ гражданскихъ и правительственныхъ. Но здѣсь человѣку простому поставляется въ противоположность и с т и н н ы й с о ф и с т ѣ, — ὡς ἀληθῆς σοφιστής. Что софистъ, какъ учитель дѣтей, или какъ народный ораторъ, былъ лицо гражданское,—это ясно само собою. Но почему въ отношеніи къ человѣку простому названъ онъ истиннымъ софистомъ?—Платонъ, видимо, мѣтитъ здѣсь на этимологическое значеніе слова «софистъ», разумѣя подъ нимъ τὸν τῶν σοφῶν ἐπιστήμονα (сравн. *Protag.* р. 337 С). Спрашивается, то есть: что это за искусство, выражаемое его именемъ,—дѣлать хитрыя соединенія и различенія словъ,—построить софизмы?—и полагается, что въ этомъ именно значеніи настоящая бесѣда должна разсматривать софиста.

Ин. И такъ, софистъ и удочный рыболовъ доселѣ идутъ вмѣстѣ, выступая изъ искусства пріобрѣтательнаго.

Тезт. По видимому, такъ.

Ин. А расходятся-то съ охоты за животными: одинъ направляется къ морю, рѣкамъ и озерамъ, и тамъ ловить животныхъ.

Тезт. Какъ же.

Ин. А другой—къ землѣ и къ рѣкамъ инаго рода, какъ бы на роскошные луга богатства и юности, чтобы овладѣть пасущимися тамъ стадами.

В. *Тезт.* Какъ ты говоришь?

Ин. Пѣшей охоты есть двѣ большія нѣкоторыя части.

Тезт. Какія двѣ?

Ин. Одна охота за *кроткими*, другая за *дикими* животными.

Тезт. Такъ это—охота за кроткими?

Ин. Если только человѣкъ есть животное кроткое. Полагай, какъ угодно: или нѣтъ ничего кроткаго; или другое что нибудь есть кроткое, а человѣкъ—дикое; или человѣкъ, скажешь опять, есть животное кроткое, но охоты за людьми не признаешь никакою. Изъ этихъ положеній которое бы ни понравилось тебѣ утверждать, то и объяви намъ.

С. *Тезт.* Но я думаю, иностранецъ, что мы—животное кроткое, и допускаю охоту за людьми.

Ин. Такъ за кроткими мы допустимъ охоту двоякую.

Тезт. Почему же скажемъ такъ?

Ин. Допустимъ одну—хищническую, поработительную, тиранническую и вообще воинственную, заключая все это въ одномъ имени охоты *насильственной*.

Тезт. Хорошо.

Д. *Ин.* А другую—судейскую, сходочную и собесѣдовательную, называя опять все это однимъ именемъ нѣкотораго искусства *убѣждательнаго*.

Тезт. Правильно.

Ин. Да и въ убѣждательномъ искусствѣ укажемъ два вида.

Тезт. Какіе?

Ин. Одинъ—производящійся *частно*, другой—*публично*.

Тезт. Дѣйствительно, есть тотъ и другой.

Ин. А изъ охоты частной, не есть ли одна—*подарочная*, другая—*мздоимная*?

Тезт. Не понимаю.

Ин. Видно, ты не обращалъ еще вниманія на охоту любителей.

Тезт. Въ какомъ отношеніи?

Ин. Въ томъ, что пойманнымъ они даютъ подарки. Е

Тезт. Ты говоришь весьма справедливо.

Ин. Такъ пусть это будетъ видъ искусства *любительнаго*.

Тезт. Конечно.

Ин. А изъ подарочной-то, собесѣдующую даромъ, приворожающую положительно изъ удовольствія и находящую вознагражденіе только въ подносимой себѣ пищѣ лести всѣ мы, я думаю, назвали бы нѣкоторымъ искусствомъ *удовольственнымъ*. 223.

Тезт. Какъ не назвать!

Ин. Напротивъ, ту, которая объявляетъ, что бесѣдуетъ для добродѣтели, и требуетъ за то награды денежной,—этотъ родъ не слѣдуетъ ли назвать другимъ именемъ?

Тезт. Какъ не слѣдуетъ! В.

Ин. Какимъ же именно? попытайся сказать.

Тезт. Это ясно: мнѣ кажется, мы нашли софиста. Говоря это, я называю его, думаю, надлежащимъ именемъ.

Ин. Такъ изъ теперешняго разсужденія видно, Тезетъ, что софистику, какъ приводитъ къ этому самое слово, надобно почитать частію искусства усвоятельнаго, овладѣвательнаго, уловляющаго, охотящагося за животными ручными, гоняющагося за людьми, убѣждательнаго, частно-ловящаго, собирающаго деньги, мнимообразовательнаго, преслѣдующаго богатыхъ и знаменитыхъ юношей ¹.

¹ Подлинный текстъ этихъ словъ элейскаго иностранца очень обезображенъ вставками или глоссемами. Все, что прежде разсмотрѣлъ онъ порознь: искусства

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Посмотримъ еще и вотъ какимъ образомъ;—ибо иско-
С. мое теперь причастно не какому нибудь маловажному ис-
кусству, но весьма изворотливому. Вѣдь и въ томъ, что
сказано было прежде, представлялся намекъ, что это иско-
мое не таково, какимъ мы называемъ его теперь, но отно-
сится къ какому-то другому роду.

Тезт. Какимъ же образомъ?

Ин. Искусства приобрѣтательнаго было у насъ два вида:
одна часть его—*овладѣвательная*, другая—*мѣновая*¹.

Тезт. Да, было.

Ин. А мѣноваго искусства назовемъ тоже два вида: одинъ
даровой, другой—*продажный*.

Тезт. Пускай будетъ такъ.

Ин. Положимъ опять, что и продажный разсѣкается надвое.

Д. *Тезт.* Какимъ образомъ?

приобрѣтательное, овладѣвательное, уловляющее, охотящееся за животными, занимающееся ловлею сухопутною—животныхъ кроткихъ, чрезъ убѣжденіе ихъ, производящееся то публично, то частно, и сопровождаемое то подарками, то мздоимствомъ,—все это, представляющееся, наконецъ, какъ бы въ видѣ двухъ се-
стерь—въ видѣ искусствъ льстительнаго и софистическаго,—Платонъ сводитъ подъ
одинъ взглядъ, но выражаетъ иными словами, чѣмъ какія употреблены были
прежде. Посему грамматика и схоластики къ этимъ новымъ словамъ Платона
вздумали на поляхъ выставить тѣ, которыя видѣли уже въ прежнемъ его текстѣ;
а переписчики впоследствии, по всей вѣроятности, внесли ихъ въ самый текстъ.
Отсюда къ новому термину Платонову, οἰκιστικῆς, присоединилось тождественное
съ нимъ κτητικῆς, да еще невѣжественно поставлено послѣ χειρωτικῆς; отсюда
πεζοθηρίας, внесенное послѣ ζωοθηρίας,—не что иное, какъ истолкованіе слова
χερσαίας, такая же глоссема и ἡμεροθηρικῆς, по отношенію къ слову ἀνθρωποθηρίας,
а μιδαυρικῆς—къ слову ἰδιοθηρίας. Посему въ своемъ переводѣ я счелъ нуж-
нымъ пропустить всѣ эти слова, какъ очевидно вставочныя и въ текстѣ из-
лишнія. Съ другой стороны, въ этомъ мѣстѣ Софиста, по видимому, нѣкоторыхъ
словъ недостаетъ. Не упомянуто, на примѣръ, здѣсь πιδανοορικῆς; тогда какъ
изъ этого термина, въ дальнѣйшемъ ходѣ діалога, сдѣланъ выводъ новыхъ
членовъ дѣленія. Посему за словомъ ἀνθρωποθηρίας, вѣроятно, пропущено либо
πιδανοθηρίας, либо πιδανοορικῆς.

¹ Часть мѣновая названа здѣсь ἀλλακτικόν, тогда какъ прежде шла она подъ
именемъ τοῦ μεταβλητικοῦ; но искусство приобрѣтательное дѣлилось тогда на
μεταβλητικὴν и χειρωτικὴν, изъ которыхъ послѣдняя распадалась опять на ἀφωσι-
τικὴν и θηρευτικὴν. И такъ, стоящее здѣсь τὸ μὲν θηρευτικόν μέρος ἔχονъ есть не иное
что, какъ прежде χειρωτικῆ.

Ин. Тутъ различается продажа предметовъ *самодѣльныхъ* и продажа, мѣняющая произведенія *чужія*.

Тезт. Конечно.

Ин. Что же? почти половинная часть искусства мѣняющаго не есть ли въ городѣ такая мѣна, которая называется *розничною*?

Тезт. Да.

Ин. А та, которая, посредствомъ купли и продажи, отпускаетъ товары изъ одного города въ другой, не есть ли мѣна *купеческая*?

Тезт. Какая же иначе.

Ин. Но не знаемъ ли мы, что купеческая мѣна обмѣниваетъ на деньги какъ все то, чѣмъ питается и пользуется Е. тѣло, такъ и все другое, что требуется для души?

Тезт. Какъ это говоришь ты?

Ин. Можетъ быть, мы не знаемъ этого по отношенію къ душѣ: а другое-то, вѣроятно, разумѣемъ.

Тезт. Да.

Ин. Укажемъ же вообще на музыку, которая всегда переходитъ изъ города въ городъ,—здѣсь покупается, и отвозимая въ другой, продается; тоже и живопись, и фокусничество, и многое другое, что касается души и, перевозимое, продается,—иногда для услажденія, а иногда для серьезнаго занятія; и того, кто перевозить и продаетъ, ничѣмъ не меньше, какъ продавца пици и питья, можемъ прямо называть *купцомъ*.

Тезт. Весьма справедливо.

Ин. Стало быть, и этого, кто скупаетъ познанія и по городамъ промѣниваетъ ихъ на монету, не тѣмъ же ли назывешь *именемъ*?

Тезт. И очень-таки.

Ин. Но одну часть этого душевнаго купечества не весьма ли справедливо будетъ назвать *показательностію*¹, а

¹ Показательность, ἐπιδεικτική, есть искусство показывать себя, возбуждать къ себѣ удивленіе представленіемъ какихъ нибудь диковинокъ. Такъ, у

другой, не менѣ смѣшной ¹, какъ и первая, хотя занимающейся продажею познаній, не необходимо ли дать имя, сродное съ ея дѣятельностію?

Тезт. Конечно.

Ин. И въ этой торговлѣ познаніями, одно, относящееся къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, надобно назвать иначе, а другое, относящееся къ познаніямъ о добродѣтели,— опять иначе.

Тезт. Какъ не иначе!

Ин. Относительно къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, ей прилично именоваться *искусство-продажничествомъ*, а относительно къ этимъ—постарайся самъ прискаты имя.

Тезт. Да какое иное имя давая этому, не погрѣшилъ бы ктонибудь, — кромѣ самого, искомага теперь, рода *софистическаго*?

Ин. Никакое иное. Давай же сведемъ это, и скажемъ, что софистика въ другой разъ является частію искусства пріобрѣтательнаго, мѣноваго, продажнаго, купческаго, торгующаго товарами душевными и продающаго то, что относится къ разсужденіямъ и познаніямъ о добродѣтели.

Тезт. И очень.

Ин. Да ты, думаю, и въ третій разъ назовешь это не иначе, какъ назвалъ сейчасъ, если согласишься, что ктонибудь, сидя въ своемъ городѣ, одно покупаетъ, другое мастерить самъ, и торгуетъ своими о томъ познаніями, такъ какъ этимъ предположилъ поддерживать свою жизнь.

Тезт. Какъ не назвать!

Ин. Стало быть, и мѣновщика въ области искусства пріобрѣ-

И с и х і я: *Θαύματα δ' οἱ διαματολοιοὶ ἐπιδείκνυνται.* (Casaub. Ad Athen. p. 22; Ruhnken. Ad Tim. p. 102, intrp. ad Polluc. VII, 189). Потому-то показаніе и почитается здѣсь названіемъ смѣшнымъ.

¹ Смѣшнымъ называется здѣсь не самое дѣло, а имя, которымъ оно должно быть означено; потому что *ψυχηπωρικῆ* и *μαθηματοπωλικῆ*—такіе термины, которыхъ греческое ухо никогда не слыживало.

тательнаго, и продавца, торгующаго въ розницу чужимъ Е. или своимъ товаромъ,—въ обоихъ случаяхъ, кого бы то ни было, промышляющаго въ этомъ отношеніи познаніями,—ты всегда, какъ видно, назовешь софистомъ.

Тезт. Необходимо; потому что надобно слѣдовать за ходомъ разсужденія.

Ин. Разсмотримъ-ка еще: родъ, теперь преслѣдуемый, не подходитъ ли и къ чему нибудь такому? 225.

Тезт. Къ чему же бы?

Ин. У насъ искусство состязательное было нѣкоторою частію приобрѣтательнаго.

Тезт. Да, было.

Ин. Поэтому не будетъ несообразности раздѣлить его надвое.

Тезт. На какія же, скажешь, части?

Ин. Одну часть его назовемъ *препирательствомъ*, другую—*драчливостію* ¹.

Тезт. Такъ.

Ин. Драчливости, происходящей въ тѣлѣ противъ тѣла, давая почти естественное и приличное имя, мы скажемъ, что она есть нѣчто такое, какъ *насилство*.

Тезт. Да.

Ин. А когда она состоитъ въ словахъ противъ словъ,—чѣмъ иначе назвалъ бы ее кто нибудь, какъ не *возражательностію*?

Тезт. Не чѣмъ инымъ.

Ин. Да и въ возражательности надобно полагать двоякость. В.

Тезт. Какимъ образомъ?

Ин. Поколику бываетъ она въ формѣ рѣчей длинныхъ противъ длинныхъ, и притомъ о справедливомъ и несправедливомъ, публично,—называется она *судебничествомъ*.

¹ Ἀμιλλῶσαι καὶ μάχεσθαι,—препираться и драться,—различаютъ такъ, что первое совершается для показанія преимущества въ какомъ нибудь отношеніи сравнительно съ другимъ; а послѣднее вызывается безусловно, расположеніемъ природы.

Тезт. Да.

Ин. А когда она происходитъ въ частныхъ отношеніяхъ и излагается въ вопросахъ и отвѣтахъ, тогда обычно ли называть ее чѣмъ инымъ, кромѣ *противорѣчивости*?

Тезт. Не чѣмъ инымъ.

Ин. Противорѣчивость же, поколику споръ идетъ о сдѣл-
С. какъ, но совершается безъ порядка и искусства, надобно почитать тоже видомъ, — который впрочемъ, не отличный словомъ, какъ особый, ни у прежнихъ, ни у насъ не заслужилъ того, чтобы получить названіе.

Тезт. Правда; потому что она дѣлится на слишкомъ мелочныя и разнообразныя подробности.

Ин. А ту-то, искусственную, возражающую относительно самого справедливаго и несправедливаго, и относительно другаго чего либо вообще, — не привычно ли называть *спорливо-стію*?

Тезт. Какъ не привычно!

Д. *Ин.* Въ спорливости же, одна часть бываетъ *разрушитель-ницею корысти*, другая — *искательницею ея*.

Тезт. Непремѣнно.

Ин. Такъ постараемся сказать, какое каждой надобно дать названіе.

Тезт. Да ужь нужно.

Ин. Я думаю, одна-то часть, ради удовольствія разсуждать объ этомъ, упускающая изъ виду насущное, а по образу выраженія, многими слушателями выслушиваемая не съ удовольствіемъ, называется именемъ, казалось бы, не отличнымъ отъ *болтливости*.

Тезт. Говорять, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то такъ.

Е. *Ин.* Противную же ей, отъ частныхъ споровъ обогащающуюся, постарайся теперь, въ свою очередь, назвать самъ.

Тезт. Да что другое можно тутъ назвать безъ грѣха, кромѣ того дивнаго-то, въ четвертый разъ уже теперь навертывающагося и все искомаго нами софиста?

Ин. Стало быть, софистъ, какъ снова показало нынѣ из-

слѣдованіе, есть не иное что, какъ родъ, ищущій корысти, 226. часть искусства спорливаго, противорѣчиваго, возражательнаго, драчливаго, состязательнаго, пріобрѣтательнаго.

Тезт. Совершенно такъ.

Ин. Видишь ли,—правду, значить, говорятъ, что это—животное изворотливое, которое, по пословицѣ, надобно хватать не одною рукою.

Тезт. Да, ужъ нужно обѣими.

Ин. Конечно, нужно; и по крайней мѣрѣ, сколько есть возможности, надобно дѣлать такъ: гнаться за нимъ вотъ по какому его слѣду. Скажи мнѣ: называемъ ли мы какія В.нибудь имена *служительскими* ¹?

Тезт. И многія; но, между многими, о которыхъ ты спрашиваешь?

Ин. О такихъ, каковы у насъ: процѣживать, просѣывать, провѣвать, сортировать.

Тезт. Почему не называть.

Ин. Да кромѣ этихъ, еще: чесать, прясть, ткать; знаемъ множество и другихъ подобныхъ, въ области искусствъ. Не такъ ли?

Тезт. Съ какимъ же намѣреніемъ ты указываешь на нихъ и, предлагая эти примѣры, спрашиваешь обо всѣхъ? С.

Ин. Всѣ, о которыхъ упомянули, имѣютъ, вѣроятно, характеръ *отдѣлительный*.

Тезт. Да.

Ин. И какъ во всѣхъ нихъ, по моему мнѣнію, одно такое искусство, то однимъ именемъ мы и назовемъ его.

Тезт. Какимъ же назвать?

¹ Именами служительскими почитаются тѣ, которыми означаются дѣла, приличные слугамъ. Подобнымъ образомъ, прекрасное имя есть то, которымъ указывается на чтонибудь хорошее. Theag. p. 122 D: τὶ καλὸν ὄνομα τῷ γενέσκει; Hipp. M. p. 228 D: ὁ δὲ οὐτῶ φαῦλα ὀνόματα ὀνομάζειν τοῖμα, ἡδὲ φαῦλα ὀνόματα суть имена вещей или дѣлъ низкихъ и постыдныхъ (см. Resp. I, p. 344 B). Cratyl. p. 411 A: τὰ κατὰ ὀνόματα. Phileb. p. 37 D: ὀρθὴν ἢ χρηστὴν ἢ τὴ τῶν καλῶν ὀνομάτων. De Rep. V, p. 463 E, οἰκεῖα ὀνόματα суть имена родныхъ и домашнихъ.

Ин. Искусствомъ различительнымъ.

Тезт. Пускай.

Ин. Разсмотри же: въ этомъ опять мы можемъ какимъ-то образомъ замѣчать два вида.

Тезт. Скорога ты требуешь отъ меня разсмотрѣнія ¹.

Д. *Ин.* Но въ упомянутыхъ-то различеніяхъ одно даетъ возможность отдѣлять худшее отъ лучшаго, а другое—подобное отъ подобнаго.

Тезт. Сказанное теперь представляется почти такъ.

Ин. Но имени этого-то различенія я не знаю; а имя того, которое оставляетъ лучшее и изгоняетъ худшее, помню.

Тезт. Скажи же.

Ин. Всякое такое различеніе, какъ я разумѣю его, называется у всѣхъ нѣкоторымъ *очищеніемъ*.

Тезт. Конечно, называется.

Е. *Ин.* А что очистительное-то искусство имѣетъ два вида,—можетъ знать всякій.

Тезт. Да, вѣроятно, на досугъ; по крайней мѣрѣ я теперь не усматриваю ихъ.

Ин. Именно,—многіе виды очищеній, относящіеся къ тѣлу, надобно обнять однимъ именемъ.

Тезт. Какіе и какимъ?

227. *Ин.* Очищенія животныхъ, правильно совершаемыя внутри тѣлъ гимнастикой и медициною, и внѣ ихъ,—о которыхъ дурно и говорить,—производимыя банею; также очищенія тѣлъ неодушевленныхъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе ремесло валяльническое и всякое косметическое,—въ мечахъ нашли себѣ множество смѣшныхъ наименованій.

Тезт. И очень.

Ин. Безъ сомнѣнія, Тезтетъ. Но если мы строго слѣдуемъ за ходомъ рѣчи, для насъ ни меньше, ни больше важно то, губкою ли очищается тѣло, или лѣкарственнымъ питьемъ,

¹ То есть, я, какъ человѣкъ еще не довольно опытный въ изслѣдованіи, не могу разсмотрѣть это такъ скоро.

и много ли, мало ли полезно намъ что для очищенія. Для приобрѣтенія познанія, пытаюсь понять средство и несродность всѣхъ искусствъ, очищеніе цѣнить ихъ съ этой стороны в. каждое равно, и одни, сравнительно съ другими, не почитаетъ болѣе смѣшными: на охоту, напримѣръ, военачальствованія смотритъ не съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ на ловлю вшей,—даже часто—какъ на дѣло, гораздо болѣе глупое. Такъ-то и теперь, когда ты спросилъ, какимъ именемъ назовемъ всѣ вмѣстѣ силы, способныя очищать одушевленное или неодушевленное тѣло,—для очищенія не будетъ никакой разницы, какъ бы тебѣ ни показалось приличнѣе назвать ихъ: лишь бы только всѣ онѣ, очищающія иное что С. либо, связывались особо отъ очищеній душевныхъ; потому что чистоту относительно помысловъ оно положило теперь отличать,—если только мы понимаемъ его намѣреніе.

Тезт. Да, я понялъ, и соглашаюсь, что есть два вида очищенія: одинъ видъ относится къ душѣ, какъ особый отъ очищенія тѣла.

Ин. Превосходно. Выслушай же, что слѣдуетъ далѣе, и постарайся сказанное снова разсѣчь надвое. D.

Тезт. Смотри по тому, куда поведешь,—постараюсь разсѣкать, вмѣстѣ съ тобою.

Ин. Порокъ въ душѣ отличнымъ ли чѣмъ почитаемъ мы отъ добродѣтели?

Тезт. Какъ не отличнымъ!

Ин. А очищеніе-то состояло въ оставленіи одного изъ этихъ членовъ и въ изгнаніи всего, что было дурно.

Тезт. Да, было такъ.

Ин. Стало быть, и касательно души, если бы мы нашли для нея нѣкоторое отнятіе зла, то, называя это очищеніемъ, произнесли бы слово, созвучное дѣлу.

Тезт. И очень-таки.

Ин. Такъ, въ отношеніи къ душѣ, надобно наименовать два зла.

Тезт. Какихъ?

228. *Ин.* Одно—являющееся подобно болѣзни въ тѣлѣ, другое—подобно тѣлесному безобразію.

Тезт. Не понимаю.

Ин. Можетъ быть, болѣзнь и возмущеніе ты считаешь не за одно и то же?

Тезт. Да и на это, опять, не знаю, что отвѣчать.

Ин. Иное ли что разумѣешь ты подъ именемъ возмущенія, какъ не разногласіе между вещами, по природѣ сродными, происходящее отъ какого нибудь поврежденія ихъ?

Тезт. Не иное.

Ин. А безобразіе—иное ли что, какъ не непріятно вездѣ поражающій родъ несоразмѣрности?

В. *Тезт.* Никакъ не иное.

Ин. Что же? не чувствуемъ ли мы, что въ душѣ людей, находящихся въ худомъ состояніи, мнѣнія разногласятъ съ пожеланіями, разсудокъ—съ скорбями, раздраженіе—съ удовольствіями ¹, и все это—одно съ другимъ?

Тезт. Да и сильно.

Ин. А между тѣмъ все это было по необходимости сродно.

Тезт. Какъ не сродно.

Ин. Стало быть, возмущеніе и болѣзнь души называя порокомъ, мы будемъ говорить правильно.

Тезт. Конечно, весьма правильно.

С. *Ин.* Что же? все, что можетъ двигаться и, постановивъ какую нибудь цѣль, старается достигнуть ея,—если каждое его стремленіе бываетъ невпопадъ и не достигаетъ цѣли,—все это, скажемъ, терпитъ отъ соразмѣрности ли одного съ другимъ, или отъ несоразмѣрности?

¹ Удивляюсь, говоритъ Гейндорфъ, почему бы лучше не читать: «разсудокъ съ удовольствіями, раздраженіе съ скорбями». По нашему мнѣнію, такое чтеніе вовсе не нужно. Вѣдь раздраженіе, *διμός*, согласно съ психологическою идеею Платона, есть начало, помогающее уму собственно въ укрощеніи чувственныхъ пожеланій, выражающихся мнѣніями. А что разсудокъ облегчаетъ скорби,—въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Впрочемъ, о показанномъ отношеніи силъ души желающей можетъ прочитать не въ одномъ мѣстѣ Платонова «Государства».

Тезт. Явно, что отъ несоразмѣрности.

Ин. Но душа, извѣстно, вся всего не знаетъ противъ своей воли ¹.

Тезт. И очень.

Ин. Незнаніе же,—когда, при стремленіи души къ истинѣ, происходитъ направленіе противное,—есть не иное что, какъ D. уклоненіе смысла.

Тезт. Конечно.

Ин. Стало бытъ, надобно полагать, что душа несмысленная безобразна и несоразмѣрна.

Тезт. Выходитъ.

Ин. Такъ въ ней, какъ открывается, есть эти два рода зла: одно, многими называемое порокомъ, очевиднѣйшимъ образомъ составляетъ болѣзнь ея.

Тезт. Да.

Ин. А другое хотя и называютъ незнаніемъ, но, такъ какъ оно находится только въ душѣ, не хотятъ признавать его зломъ.

Тезт. Надобно совершенно уступить тебѣ (пусть я и сомнѣ- е. вался, когда ты говорилъ это), что есть два рода зла въ душѣ, и что трусость, необузданность, несправедливость и вообще все такое слѣдуетъ почитать болѣзнію въ насъ, а состояніе великаго и многообразнаго незнанія признавать безобразіемъ.

Ин. Но въ тѣлѣ-то, по отношенію къ этимъ двумъ его несчастіямъ, было два искусства.

Тезт. Какія это?

Ин. Противъ безобразія—*гимнастика*, а противъ болѣз- 229. ни—*медицина*.

¹ Душа наша, по природѣ, стремится къ истинѣ и никогда не разстается съ желаніемъ собирать познанія. Поэтому Платонъ училъ, что никто не грѣшитъ по охотѣ. Стало бытъ, ясно, что, по его мнѣнію, никому не можетъ быть пріятно незнаніе и заблужденіе. Предположивъ это основаніе, легко уже видѣть значеніе изложеннаго здѣсь положенія: «незнаніе, когда, при стремленіи души къ истинѣ, происходитъ направленіе противное, есть не иное что, какъ уклоненіе ума отъ истины,—слѣдовательно, возмущеніе противъ естественныхъ требованій души».

Тезт. Очевидно, были.

Ин. Такъ и въ отношеніи къ безстыдству, несправедливости и трусости, не бываетъ ли обыкновенно обуздательнѣе всѣхъ искусствъ *надлежащій судъ* ^{1?}

Тезт. По крайней мѣрѣ, сказать такъ будетъ всего правдоподобнѣе, по сужденію человѣческому.

Ин. Что же? въ отношеніи ко всему вообще незнанію, можетъ быть, кто правильнѣе указалъ бы на чтонибудь иное, кромѣ *учительства*?

Тезт. Ни на что болѣе.

Ин. Положимъ. Но *учительства* одинъ ли только надобно называть родъ, или больше? Не два ли есть величайшихъ его родовъ? Смотри.

Тезт. Смотрю.

Ин. И, мнѣ кажется, такимъ-то образомъ мы очень скоро найдемъ искомое.

Тезт. Какимъ?

Ин. Когда посмотримъ, незнаніе не имѣетъ ли по срединѣ какогонибудь разрѣза. Вѣдь если оно будетъ двоякимъ, то, явно, заставитъ и *учительство* принять двѣ части, въ одномъ родѣ, по одиночкѣ, соотвѣтствующихъ каждой его сторонѣ.

Тезт. Такъ что же? открывается ли предъ тобою какънибудь то, что теперь ищется?

С. *Ин.* Въ незнаніи представляется мнѣ большой какой-то и трудный для обозрѣнія отдѣльный видъ, соотвѣтствующій вѣскостию всѣмъ прочимъ его частямъ.

¹ *Належащій судъ*, *προσήκουσα δίκη*. Этотъ терминъ какъ-то не подходитъ подъ общій характеръ дѣлений въ Софистѣ и даже не совсемъ правильно поставляется въ рядъ искусствъ; да и дальнѣйшія слова Тезтета: «по крайней мѣрѣ, сказать такъ будетъ правдоподобнѣе, по сужденію человѣческому», очевидно не въ ладу съ понятіемъ о «надлежащемъ судѣ». Мнѣ кажется, лучше было бы слова текста поставить въ такомъ порядкѣ: *οὐκοῦν καὶ περὶ μὲν ὄβριον καὶ ἀδικίαν καὶ δειλίαν τετυῶν μάλιστα δὴ πάντων πέφυκε ἢ κολαστικῆς*. Въ такомъ случаѣ, гимнастикъ въ отношеніи къ тѣлу совершенно соотвѣтствовало бы искусство обузданія или карательное въ отношеніи къ душѣ. А *надлежащій судъ* легко могъ бы быть принятъ за глоссема, которою какойнибудь схолиастъ хотѣлъ объяснить значеніе *τῆς κολαστικῆς*.

Тезт. Какой именно?

Ин. Приписываніе себѣ знанія въ отношеніи къ тому, чего не знаешь. Отъ этого, должно быть, происходятъ всѣ случаи заблужденій разсудка во всякомъ человѣкѣ.

Тезт. Правда.

Ин. Даже этому-то одному виду незнанія думаю я усвоить имя *невѣжества*.

Тезт. Конечно.

Ин. Какъ же, стало быть, надобно назвать ту часть учительства, которая избавляетъ отъ этого?

Тезт. Я думаю, иностранецъ, что къ другому виду отходятъ всѣ учительства художественскія, а это здѣсь-то, у насъ ¹, называется *образованіемъ*.

Ин. Да почти и у всѣхъ эллиновъ, Тезтетъ. Однакожъ намъ надобно еще рассмотретьъ и то, не разсѣкается ли все это образованіе, или не подлежитъ ли какому нибудь достойному замѣчанія дѣленію.

Тезт. Конечно, надобно рассмотретьъ.

Ин. Такъ вотъ мнѣ кажется, что и оно дѣлимо нѣкоторымъ образомъ.

Тезт. На что?

Ин. Одинъ путь словеснаго учительства есть, по видимо-му, какой-то шероховатый, а другая часть его легче.

Тезт. Какъ же назовемъ мы ту и другую изъ нихъ?

Ин. Одна часть есть древняя, отеческая: ею тогда пользовались, да и теперь еще многіе пользуются, особенно въ отношеніи къ сыновьямъ, когда, по поводу ихъ погрѣшностей, дѣлаютъ имъ замѣчанія, — иногда жестко, иногда мягко. 230. Все это вообще можно весьма правильно назвать родомъ *вразумленія*.

Тезт. Такъ.

¹ Разумѣется—въ Афинахъ, гдѣ, какъ думаетъ Тезтетъ, учительство, давая юношамъ образованіе, чрезъ это самое изгоняетъ изъ нихъ самомятніе, или расположеніе приписывать себѣ знаніе того, чего не знаешь.

Ин. А другая-то часть открывается, какъ скоро кто ни будь, давая себѣ отчетъ, начинаетъ думать, что всякое невѣжество—невольное, что тотъ никогда не захочетъ учиться, кто почитаетъ себя мудрецомъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ признаетъ свою силу, и что поэтому вразумляющій видъ образованія, даже при великомъ усиліи, дѣлаетъ мало успѣховъ.

Тезт. И эти люди думаютъ правильно.

В. *Ин.* Потому-то, чтобы изгонять изъ головы такое мнѣніе, они представляютъ иной способъ.

Тезт. А какой именно?

Ин. Разузнаютъ посредствомъ вопросовъ, кто, говоря нѣчто, думаетъ, будто онъ говоритъ дѣльно, тогда какъ ничего не говоритъ; потомъ изслѣдываютъ мнѣнія заблуждающихся и, какъ изслѣдуютъ, собирая ихъ словами, приводятъ къ тожеству между собою; приведши же, показываютъ, что они, касаясь того же, направляясь къ тому же и такъ же, явно противорѣчатъ сами себѣ. Тѣ, видя это, на себя досаждаютъ, а въ отношеніи къ другимъ становятся скромнѣе, и такимъ образомъ расстаются съ высокими и не разваренными о себѣ мнѣніями; а изъ всѣхъ разставаній, это и для слушающихъ самое пріятное, и въ расстающемся происходитъ всего прочнѣе. Вѣдь очищающіе ихъ, любезный другъ, думаютъ то же относительно души, что врачи относительно тѣла: какъ, то есть, тѣло можетъ принимать предлагаемую пищу только по изгнаніи изъ него препятствій,—такъ и душа, по мнѣнію очистителей, не ощутитъ пользу отъ предлагаемыхъ наукъ, пока обличитель не приведетъ обличаемаго въ стыдъ; ибо чрезъ это обличитель, изгоняя изъ него мнѣнія, препятствующія наукамъ, дѣлаетъ его чистымъ и приводитъ къ той мысли, что онъ знаетъ только то, что знаетъ, а не больше.

Тезт. Это, въ самомъ дѣлѣ, наилучшее и разумнѣйшее изъ состояній.

Ин. По этому-то всему, Теэтеть, обличеніе надобно, стало

быть, называть важнѣйшимъ и главнѣйшимъ изъ очищеній, а не обличеннаго опять, такъ какъ къ дѣламъ важнымъ онъ очищеніемъ не приготовленъ, хотя бы то былъ самъ великій царь, Е. почитать человѣкомъ необразованнымъ и безстыднымъ,—въ томъ отношеніи, въ которомъ, чтобъ быть истинно блаженнымъ, приличны совершенная очищенность и высочайшая красота.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Что же? Какъ назовемъ тѣхъ, которые пользуются 231. такимъ искусствомъ? Вѣдь я боюсь назвать ихъ софистами.

Тезт. Почему же?

Ин. Чтобы не приписать имъ большаго достоинства.

Тезт. Однакожь то, что мы теперь говорили, подходитъ къ такому какому-то человѣку.

Ин. Да, какъ волкъ къ собакамъ,—самое дикое къ самому кроткому. Человѣкъ опасливый всегда долженъ быть болѣе всего остороженъ въ отношеніи къ сходствамъ; ибо это—родъ самый скользкій. Впрочемъ пусть будетъ такъ; потому что не возникнетъ, думаю, спора по поводу пустыхъ разграниченій, если собесѣдники будутъ достаточно осторожны. В.

Тезт. Да, это-то вѣроятно.

Ин. Пускай же очистительность будетъ отдѣлена отъ искусства различительнаго, отъ очистительности—часть, относящаяся къ душѣ, отъ этой—учительство, отъ учительства—образовательность: но часть образовательности, обличеніе, прилагаемое къ пустому суетумудрію,—въ томъ смыслѣ, какъ оно теперь представилось намъ,—пусть будетъ у насъ названо не инымъ чѣмъ, какъ благородною, по происхожденію, софистикою.

Тезт. Пускай будетъ названо; но, послѣ такого множества представленій, я начинаю уже недоумѣвать, кому именно, говоря правду и выражаясь положительно, слѣдуетъ приписать имя дѣйствительнаго софиста. С.

Ин. И естественно-таки тебѣ недоумѣвать. Но надобно полагать, что теперь долженъ придти въ сильное недоумѣніе

и тотъ, кто захотѣлъ бы какимъ нибудь образомъ заминать рѣчь. Вѣдь правильна пословица, что отъ всѣхъ рукъ убѣжать не легко ¹. Такъ теперь мы должны тѣмъ болѣе налечь на вопросъ.

Тезт. Хорошо говоришь.

Ин. И сперва мы остановимся, будто бы перевести духъ, и, вздохнувши, поговоримъ сами съ собою: ну-ка, во сколько д. кихъ видахъ являлся намъ софистъ? Мнѣ кажется вѣдь, что прежде всего мы нашли его наемнымъ ловчимъ молодыхъ и богатыхъ людей.

Тезт. Да.

Ин. Во вторыхъ, нѣкоторымъ продавцомъ относящихся къ душѣ наукъ.

Тезт. Конечно.

Ин. Въ третьихъ, не явился ли онъ, въ томъ же самомъ отношеніи, розничнымъ торговцемъ?

Тезт. Да; а потомъ, въ четвертыхъ, относительно наукъ, торговалъ у насъ собственными произведеніями.

Ин. Правильно вспомнилъ. Пятое же постараюсь при-
е. помнить я. Вѣдь онъ былъ также боецъ въ словесной состязательности; и особенно усвоилъ себѣ искусство спорить.

Тезт. Конечно, былъ.

Ин. Да притомъ, шестое: предлагалъ возраженія,—но мы положили, въ видѣ уступки, что онъ служить очистителемъ мнѣній, заграждающихъ путь наукамъ относительно души.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

232. *Ин.* Такъ замѣчаешь ли, что когда кто является знатокомъ

¹ Объ этой пословицѣ см. Erasmus Adagg. p. 222. Это—метафора, взятая отъ бойцовъ. Посему здѣсь, τὰς ἀπάσας μὴ ῥάδιον διαφεύγειν, разумѣется λαβὰς, которое въ формѣ сжатой рѣчи пропускается. Такъ, Phileb. p. 13 D: ταχ' ἀνιέντες εἰς τὰς ζμοίας. Вполнѣ читается она Phaedr. p. 236 C: εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς ἐληλυθας. De Rep. VIII, init.: πάλιν τοίνυν ὄσπερ παλαιστῆς τὴν αὐτὴν λαβὴν παρέχε. Legg. III, p. 682 E: ὁ λόγος τῆμιν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσι.

многихъ вещей, а получаетъ имя отъ одного (того или другаго) искусства,—такое представленіе не нормально: тогда становится явно, что относящій представленіе къ какому нибудь изъ искусствъ не можетъ примѣтить въ немъ той стороны, на которую смотрять всѣ прочія науки, почему и влаждѹющаго ими, вмѣсто одного имени, называетъ многими?

Тезт. По всей вѣроятности, это бываетъ какъ-то такъ.

Ин. Посему, чтобы и намъ-то въ своемъ изслѣдованіи, по в. лѣности, не потерпѣть этого! Возьмемъ-ка снова первое изъ того, что сказано о софистѣ. Вѣдь онъ мнѣ представляется непременно чѣмъ-то однимъ.

Тезт. Чѣмъ же?

Ин. Мы назвали его, помнится, знатокомъ *противорѣчія*.

Тезт. Да.

Ин. Что же? не учить ли онъ и другихъ тому же самому?

Тезт. Почему не такъ.

Ин. Разсмотримъ же, въ отношеніи къ чему такіе, по ихъ словамъ, научаютъ другихъ противорѣчію. А изслѣдованіе у насъ сначала пусть пойдетъ такъ ¹. Ну-ка, относительно вещей божественныхъ, которыя для черни с. темны,—дѣлаютъ ли они другихъ способными къ тому?

Тезт. Это, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ о нихъ.

Ин. А относительно видимаго на землѣ и на небѣ, да и вообще относительно такихъ предметов?

Тезт. Какъ же.

Ин. Ну, а въ частныхъ-то собраніяхъ, когда говорятъ всякую всячину о бывающемъ и сущемъ, они, сильные въ противорѣчій, сильными, знаемъ, дѣлаютъ и другихъ—въ томъ, въ чемъ сами.

¹ Сущность разсужденія о софистахъ, какъ противорѣчивцахъ, состоитъ въ томъ, что *οἱ ἀντιλογικοὶ* о всемъ могутъ судить въ ту и другую сторону, и потому выдаютъ себя за знатоковъ всего. Но такъ какъ о человѣкѣ, по самой его природѣ, нельзя сказать того, чтобы ему извѣстно было все, то софистъ ка ж е т с я только всезнайкою, и этимъ мнимымъ всезнаніемъ пускаетъ пыль въ глаза людямъ молодымъ и неопытнымъ.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Д. *Ин.* Чтò же опять относительно законовъ и всего вообще, касающагося политики,—не общаются ли они сдѣлать своихъ слушателей возражателями?

Тезт. Обыкновенно говорятъ, что никто не бесѣдовалъ съ ними, кому бы они не общали этого.

Ин. А въ отношеніи искусствъ-то, берутся ли они всѣ вмѣстѣ, или каждое отдѣльно,—все, что слѣдуетъ возражать самому по каждому искусству мастеру, желающій можетъ, конечно, узнать изъ письменныхъ, выпущенныхъ въ народъ сочиненій.

Тезт. Ты указываешь, кажется мнѣ ¹, на Протагорово сочиненіе о фехтованьи и иныхъ искусствахъ.

Ин. Да много и другихъ, почтеннѣйшій. Но искусство противорѣчія не въ томъ ли вообще состоитъ, что оно, по видимому, есть нѣкоторая достаточная способность представлять возраженія на все?

Тезт. Явно, въ самомъ дѣлѣ, что къ этому почти нечего больше прибавить.

Ин. Но ты-то, мой другъ, ради боговъ, считаешь ли это дѣломъ сильнымъ? Вѣдь, можетъ быть, вы, молодые люди, смотрите тутъ острѣе, а мы тупѣе.

233. *Тезт.* Что, и къ чему особенно, говоришь ты? Вѣдь я не понимаю теперешняго твоего вопроса.

Ин. Есть ли возможность какому нибудь человѣку знать все?

¹ Протагоръ въ своей книгѣ 'Αυτιλογιῶν или въ Τέχνη ἐριστικῶν, по видимому, пользовался примѣрами изъ отдѣльныхъ искусствъ и излагалъ, какимъ образомъ можно слѣдовать имъ въ разсужденіяхъ. Въ ряду такихъ примѣровъ были, вѣроятно, и относящіяся къ искусству фехтованія, въ которомъ, говорятъ, онъ и самъ былъ опытенъ (Gellii N. A. V. 3). Этимъ можетъ быть объясняемо и то, что лица, бесѣдующія въ Платоновомъ Эвтидемѣ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, послѣдователи Протагора, кромѣ искусства эристическаго, преподавали еще ὀπλισμαίαν, и такимъ образомъ во всемъ соревновали своему учителю. Діогенъ Лаэртій (IX, 8, 55) перечисляетъ слѣдующія сочиненія Протагора: Τέχνη ἐριστικῶν; Περὶ πάλης; Περὶ τῶν μαθημάτων; Περὶ πολιτείας; 'Αυτιλογιῶν δύο.

Тезт. О, весьма блаженъ былъ бы тогда нашъ родъ, иностранецъ!

Ин. Какъ же кто нибудь, самъ не зная, могъ бы говорить нѣчто здоровое и противорѣчить знающему-то?

Тезт. Никакъ.

Ин. Тагъ въ чемъ бы могло состоять чудо силы софистической?

Тезт. Относительно чего?

Ин. Какимъ образомъ досталась имъ сила внушить юношамъ мнѣніе, что они изъ всѣхъ и во всемъ самые мудрые? Вѣдь явно, что если бы противорѣчіе ихъ и не было правильно, и не являлось такимъ для юношей,—да пусть бы и являлось, но если бы они казались умными не по чему больше, какъ по своимъ возраженіямъ, то,—твоя же слова ¹,—едва ли бы кто сталъ платить имъ деньги и пожелалъ въ этомъ самомъ сдѣлаться ихъ ученикомъ.

Тезт. Конечно, едва ли.

Ин. А теперь желаютъ.

Тезт. И очень.

Ин. Потому что софисты, думаю, сами кажутся знатоками с. въ томъ, чему противорѣчать.

Тезт. Какъ же иначе!

Ин. А дѣлають-то они это, говоримъ, въ отношеніи всего.

Тезт. Да.

Ин. Стало быть, представляются своимъ ученикамъ мудрыми во всемъ.

Тезт. Какъ же.

Ин. Не будучи такими; ибо заявлено было, что это-то невозможно.

Тезт. Какъ не невозможно!

Ин. Стало быть, намъ показалось, что софистъ обо всемъ D. имѣеть познаніе какое-то мнимое, а не истинное.

¹ То твои же слова, τὸ οὖν δὴ τοῦτο:—указываетъ на слова Тезтета р. 232 D: οὐδαίς γάρ ἐν αὐτοῖς, ὡς ἔπος εἰπεῖν, διαλέγεται μὴ τοῦτο ὑπονοούμενος.

Тезт. Безъ сомнѣнія: и что теперь-то говорится о нихъ, должно быть, говорится весьма правильно.

Ин. Возьмемъ однакожь на это какойнибудь примѣръ, по яснѣе.

Тезт. Какой же именно?

Ин. Слѣдующій;—но постарайся отвѣчать мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ.

Тезт. Какой?

Ин. Если бы кто сказалъ, что онъ и не говорить и не противорѣчить, но всё вмѣстѣ дѣла умѣеть совершать и производить однимъ искусствомъ.

Е. *Тезт.* Какъ говоришь: всё?

Ин. Вотъ ты-то у насъ не выразишь вдругъ и самаго начала рѣчи; потому что не понимаешь, какъ видно, слова: *всѣ вмѣстѣ*.

Тезт. Да, не понимаю.

Ин. Такъ говорю, что ты и я принадлежимъ ко всему, но кромѣ насъ есть еще иныя животныя и дерева.

Тезт. Какъ ты говоришь?

Ин. Если бы кто сказалъ, что онъ сотворить и меня, и тебя, и всё прочія существа.

234. *Тезт.* О какомъ твореніи говоришь ты? Вѣдь ужъ, конечно, не о земледѣльцѣ же толкуешь какомънибудь, когда называешь его творцомъ животныхъ?

Ин. Говорю, что онъ, кромѣ того, есть творецъ и моря, и земли, и неба, и боговъ, и всего прочаго; и каждый изъ этихъ предметовъ сотворивъ наскоро, продаетъ ихъ за малую монету.

Тезт. Ты высказываешь какую-то шутку.

Ин. Что же? А кто говоритъ, что онъ все знаетъ, и этому, за небольшое и въ немного времени, можетъ научить другаго,—словъ того, думаешь, не слѣдуетъ принимать за шутку?

Тезт. Всячески.

Ин. Представляешь ли ты какойнибудь видъ шутки ху-в. дожественнѣе, или пріятнѣе подражательности?

Тезт. Отнюдь нѣтъ; потому что ты указалъ на видъ весьма обширный, обнимающій собою все, и притомъ самый разнообразный.

Ин. И такъ, кто даетъ обѣщаніе, что онъ можетъ однимъ искусствомъ творить все, того мы узнаемъ вотъ почему: отдѣливая подражанія и соименности сущаго, при помощи живописнаго искусства, и показывая свои рисунки издали, онъ, предъ молодыми и несмысленными людьми, будетъ въ состояніи прикинуться, будто можетъ самымъ дѣломъ произвести вещь, каковую бы ни захотѣлось произвести ему. С.

Тезт. Какъ же иначе?

Ин. Что же теперъ? И въ области разсужденій не ожидаемъ ли мы какого нибудь подобнаго искусства? Развѣ не возможно словами обворожать слухъ юношей, стоящихъ еще далеко отъ дѣлъ истины, показывая имъ въ отношеніи ко всему такъ называемые призраки, чтобы заставить ихъ думать, будто говорятъ имъ истину, и будто говорящій есть человекъ самый мудрый изъ всѣхъ и во всемъ?

Тезт. Почему же не быть какому нибудь подобному искусству? D.

Ин. Такъ вотъ многимъ тогдашнимъ слушателямъ, Тезтеть, когда пройдетъ довольно времени и возрастъ сдѣлается зрѣлѣе, не необходимо ли будетъ, при близкой встрѣчѣ съ самыми вещами и подъ вліяніемъ впечатлѣній, заставляющихъ живѣе хвататься за существо дѣла ¹,—не необходимо ли будетъ имъ измѣнять полученныя прежде мнѣнія, такъ какъ великія изъ нихъ окажутся маловажными, легкія—трудными, и всячески разрушать сотканныя изъ словъ мечты, чрезъ осуществленіе самыхъ дѣлъ? E.

Тезт. Да, сколько могу судить объ этомъ, по моей молодости. Думаю, что и я принадлежу къ тѣмъ, которые еще далеко стоятъ отъ истины.

¹ Хвататься за существо дѣла—τοῦ δὲ οὐκ ἀσπίπτουτος, въ противоположность τοῦ εἰδωλός, —образамъ или мечтамъ, которыя представляемы были имъ софистами.

Ин. Потому-то всё мы здѣсь будемъ стараться, да и теперь стараемся, какъ можно ближе подвести тебя къ ней, пока еще нѣтъ впечатлѣній. О софистѣ же скажи мнѣ вотъ 235. что: ясно ли уже, что онъ—кто-то изъ чародѣевъ, какъ подражатель дѣйствительно сущаго? или мы еще сомнѣваемся, не о столькихъ ли, въ самомъ дѣлѣ, вещахъ имѣетъ онъ познанія, сколькимъ приписываетъ себѣ способность противорѣчить?

Тезт. Да какъ же, иностранецъ? Изъ сказаннаго-то почти уже ясно, что онъ—кто-то изъ людей, любящихъ шутить.

Ин. Стало быть, надобно почитать его какимъ-то чародѣемъ и подражателемъ.

Тезт. Какъ не почитать!

Ин. Хорошо же; теперь наше дѣло—не упустить звѣря, В. потому что мы почти обошли его нѣкоторою сѣтью составленныхъ для этого словесныхъ орудій, такъ что отсюда-то ему уже не уйти.

Тезт. Откуда?

Ин. Изъ рода чудодѣевъ, въ которомъ, между прочими, содержится и онъ.

Тезт. Да, это же самое относительно его кажется и мнѣ.

Ин. Такъ теперь хотѣлось бы какъ можно скорѣе раздѣлить образотворное искусство; и если, по нашемъ вступленіи въ него, софистъ рѣшится вдругъ противустоять намъ, то мы, по предписанію царскаго указа, схватимъ его и, объявивъ С. о добычѣ, предадимъ царю ¹. А когда онъ какъ нибудь скроется въ частяхъ подражательности,—будемъ преслѣдо-

¹ Можно догадываться, что Платонъ, говоря такъ, имѣлъ въ виду обычай персовъ и лакедемонянъ: въ мысли его была, то есть, та благородная персидская σαγήνηα, которую описываетъ онъ въ Менексенѣ (р. 240 В, С; Legg. III, р. 698 D. Herodot. III, 149). Этимъ проясняется и значеніе словъ: κατὰ τὰ ἐπισταλμένα ὑπὸ τοῦ βασιλικῆς λόγου: то есть, разумѣется царское предписаніе, слѣдующее которому, персидскіе воины должны были всѣхъ непріятелей брать въ плѣнъ, не давая уйти никому. Видно также, что значить: ἀποφῆναι τὴν ἄγραν,—объявить о добычѣ; ибо въ Менексенѣ (I. с.) говорится: συνάψαντες τὰς χεῖρας διήλθον ἀπασαν τὴν χώραν, ἵν' ἔχοιεν τῷ βασιλεῖ εἰπεῖν, ὅτι οὐδεὶς σφᾶς ἀποπεφευγὼς εἶη.

вать его неопустительнымъ дѣленіемъ принявшей его части, пока не поймаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни этотъ, ни иной какой родъ никогда не похвалится, что онъ ушелъ, если такимъ способомъ можно бываетъ доходить черезъ *каждое* и до *всего*.

Тезт. Ты говоришь хорошо; такъ и надобно дѣлать.

Ин. Продолжая пройденный путь дѣленія, я и теперь ясно D. вижу два вида подражательности¹: но въ которомъ изъ нихъ скрывается искомая нами идея,—узнать это, кажется, нахожу себя еще не въ силахъ.

Тезт. Да ты сперва скажи и раздѣли намъ, на какіе два вида указываешь.

Ин. Въ подражательности я усматриваю одно—*искусство* *уподобительное*. Оно дѣйствуетъ особенно тогда, когда кто, по размѣрамъ образца, отдѣлываетъ произведеніе подражательное, имѣя въ виду долготу, широту, глубину, и сверхъ того оттѣняя каждую часть приличными ей красками. E.

Тезт. Что же? развѣ не такое что либо берутся дѣлать и всѣ подражатели?

Ин. Не такое—по крайней мѣрѣ тѣ, которые оттискиваютъ или живописуютъ чтонибудь изъ предметовъ величественныхъ. Вѣдь если бы они прекраснымъ вещамъ сообщали истинный размѣръ, то высшія изъ нихъ явились бы, знаешь, меньше надлежащаго, а низшія—больше; потому 236. что первыя видимы бываютъ нами издали, а послѣднія вблизи.

Тезт. Конечно.

¹ Элейскій иностранецъ различаетъ два вида подражательности: одинъ—*εἰκαστικῆν*, другой—*φανταστικῆν*. Первый—тотъ, въ которомъ подражатель старается вѣрно схватить самый образъ подлинника, такъ что удерживаетъ и размѣры его, и пропорціи, и цвѣта, и если что позволяеть себѣ измѣнить въ немъ, то развѣ масштабъ. Отъ этого вида подражательности отличается другой—*φανταστικῆν*, который не останавливается на чертахъ предмета, принадлежащихъ ему по природѣ, но дѣйствуетъ свободнѣе, такъ что производитъ изображенія смотря по избранной точкѣ зрѣнія и по законамъ оптики. О перспективномъ и оптическомъ искусствѣ древнихъ пишетъ Bottiger, въ книгѣ: *Aldobrandinische Hochzeit*, p. 20, и *Archeol. Picturae* p. 310; *Schneider*, ad *Eclogg. physicc.* p. 264 sqq. Соч. Плат. Т. V. 65

Ин. Такъ не разстаются ли теперь мастера съ истиннымъ, когда отдѣльваемымъ ими образамъ придаютъ размѣры не дѣйствительные, а кажущіеся прекрасными?

Тезт. Конечно.

Ин. Стало быть, не справедливо ли будетъ одно, такъ какъ оно подобно вѣдь, назвать подобіемъ?

Тезт. Да.

В. *Ин.* А занимающуюся этимъ часть подражательности-то наименовать искусствомъ, какъ мы называли его прежде, уподобительнымъ?

Тезт. Слѣдуетъ.

Ин. Что же? какъ назовемъ то явленіе, которое хотя съ благоприятной точки зрѣнія ¹ походить на прекрасное, но, если бы кто получилъ способность достаточно созерцать столь великіе предметы, оказалось бы не подобнымъ тому, чему его уподобляютъ? Не фантомъ ли то, что кажется похожимъ, а не походить?

Тезт. Что же болѣе!

С. *Ин.* И этой части, понимаемой обширно, нѣтъ ли въ живописи и во всякомъ искусствѣ подражательномъ?

Тезт. Какъ не быть.

Ин. Такъ искусство, отдѣльвающее фантомъ, а не подобіе, не будетъ ли весьма правильно называть *фантастикою*?

Тезт. И очень.

Ин. Вотъ объ этихъ-то двухъ видахъ образотворенія говорилъ я,—объ уподобительности и фантастикѣ.

Тезт. Правильно.

Ин. Но того-то и тогда не домекалъ, въ которомъ изъ нихъ надобно полагать софиста, и теперь еще не могу раз-
Д. смотрѣть ясно. Въ самомъ дѣлѣ, какой это удивительный и трудный для изслѣдованія мужъ, когда и теперь такъ хорошо и хитро ушелъ въ такой непрслѣдимый видъ.

¹ Ἐκ χαλοῦ—греческій идиотизмъ, означающій хорошо избранное мѣсто, или лучшую точку зрѣнія. Aristoph. Theaemorph. v. 293: Ποῦ χαρίζω ἐν χαλῶ, τῶν ρητόρων τῷ ἔξακούσω.

Тезт. Это видно.

Ин. Однакожь сознательно ли ты подтвердилъ это, или къ скорому соглашенію, по привычкѣ, увлекся стремленіемъ рѣчи?

Тезт. Какъ и къ чему ты говоришь это?

Ин. Мы, другъ мой, по истинѣ, на пути самаго труднаго изслѣдованія; потому что, съ одной стороны—являться и казаться, съ другой—быть, съ одной—говорить что-то, Е. съ другой—не говорить ничего,—все такое, и въ прежнее время и теперь, сильно бременить насъ недоумѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ сказанное что нибудь или подуманное ложно будетъ дѣйствительно произнесено, не связываясь противорѣчіемъ?—это, Тезтетъ, дѣло весьма трудное. 237.

Тезт. Что же тутъ?

Ин. Такое слово осмѣливается принимать небытіе за бытіе; а иначе лжи вѣдь и не было бы. Великій Парменидъ, когда мы были еще въ дѣтствѣ, другъ мой, отъ начала до конца, выражаясь всякій разъ прозою и стихами, свидѣтельствовадь вотъ что:

Этого нѣтъ никогда и нигдѣ, чтобъ не сущее было;

Отъ такого пути испытаній сдержи свою мысль ¹.

¹ Софисты, какъ извѣстно, отрицали самую возможность говорить о не существующемъ, и отсюда заключали, что лгать нельзя, и лжи нѣтъ. Платонъ эту хитрую выдумку приписываетъ Протагору, и даже нѣкоторымъ древнимъ народнымъ философамъ (Euthydem. p. 284 A sqq.; Cratyl. p. 385 B; 429 C, D. Сн. Aristot. Met. IV, p. 119, ed. Brand. Isocrat. Encom. Hel. p. 231 sqq., ed. Becker). То же самое ученіе здѣсь приписывается и Пармениду, который равнымъ образомъ полагалъ, что не существующаго нельзя ни помыслить, ни произнести. Это положеніе его, кромѣ Платона, замѣтилъ и Аристотель (Metaph. XIII, 2, p. 294, ed. Brand.). Стихъ его: 'Ἄλλα οὐ τῆς δ' ἀφ' ὀδοῦ διζήσιος εἶργε νόημα, Платономъ приводится и ниже, p. 258 D; упоминаетъ о немъ также Симплицій (Phys. p. 17 A; 152 A); а Секстъ Эмпирикъ (Adv. mathem. VП, 3) съ этимъ стихомъ передаетъ намъ и многіе другіе, приписывая ихъ также Пармениду. Но удивительно, почему, изъ двухъ цитованныхъ здѣсь стиховъ, перваго не приводитъ никто, кромѣ Платона. Это заставляетъ насъ въ первомъ стихѣ видѣть не стихъ, а прозаическую рѣчь. Гейндорфъ старался дать ему форму стиха, и потому слова Платоновы: οὐ γὰρ μήποτε τοῦτ' οὐδαμῆ, φησίν, εἶναι μὴ ὄντα, поправилъ такъ: οὐ γὰρ μήποτε τοῦτο даῖς, φησίν, εἶναι μὴ ἔόντα. Но если бы Секстъ,

В. А о чемъ свидѣтельствуешь онъ, то самое еще болѣе подтвердитъ самый разсудокъ, если мы нѣсколько испытаемъ его. И такъ прежде всего разсмотримъ это, если съ твоей стороны не будетъ несогласія.

Тезт. Что касается до меня, то полагай, какъ хочешь; и когда разсудокъ выведетъ на путь наилучшій, тогда, въ своемъ разсужденіи, ты и самъ держись его, и меня веди по немъ.

Ин. Да, такъ и надобно дѣлать. И вотъ, скажи мнѣ: осмѣливаемся ли ¹ мы произносить вовсе не существующее?

Симплицій и другіе, читавшіе стихи Парменида, находили между ними и этотъ, то въ ряду прочихъ, конечно, упомянули бы и о немъ. И такъ, по нашему мнѣнію, справедливо судить Карстенъ (*De Parmenidis reliquiis* p. 130), говоря, что Платонъ привелъ здѣсь прозаическое положеніе Парменида, такъ какъ этотъ философъ съ своими друзьями употреблялъ языкъ и прозаическій и стихотворный, — πεζῆ τε καὶ κατὰ μέτρον.

¹ Въ заключеніе изслѣдованія о софистѣ сказано, что софистъ есть кажущійся подражатель истиннаго философа и что, заглядываясь на ложную свою мудрость, онъ почитаетъ себя тѣмъ, чѣмъ не есть. По этому поводу, элеецъ приступаетъ къ изслѣдованію того, какъ надобно думать о природѣ не существующаго. И такъ, отсюда начинается изложеніе знаменитаго Платонова ученія о существующемъ и не сущемъ. Чтобы правильно уразумѣть его, надобно замѣтить, что Платонъ сперва излагаетъ мнѣніе мыслителей, отвергающихъ τὸ μὴ ὄν, потомъ рассматриваетъ слѣдствія, вытекающія изъ этого ученія, чтобы такимъ образомъ ясно открылись несообразности его; а наконецъ, свойственнымъ ему способомъ, разсуждаетъ противъ Парменидова понятія о сущемъ. Но это изслѣдованіе начинается съ того, что Платонъ истолковываетъ мнѣніе Парменида и настаиваетъ, что вещамъ существующимъ онъ не могъ приписать того, что не существуетъ; или, что все, относящееся къ сущности, отдѣльно отъ не существующаго и чуждо ему. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что, по ученію элейскаго философа, не существующее не можетъ ни быть, ни называться чѣмъ нибудь, если только о мыслящемъ не что нибудь надобно думать, что онъ ничего не мыслить и не говорить; а отсюда заключаетъ, что не существующаго, по началу Парменида, нельзя ни назвать, ни выговорить. Кромѣ того, по объясненію Платона, отрицатели не существующаго должны утверждать, что не существующему никакъ не принадлежитъ сущность, свойственная существующему: то есть, не существующее у нихъ не должно имѣть никакихъ предикатовъ, если только ничто, свойственное существующему, не можетъ быть приписано не существующему. А въ такомъ случаѣ, не существующее не будетъ принимать ни числа, которое умѣстно лишь при различіи предметовъ, ни даже единства, поколику оно не мыслимо безъ множества. Отсюда, рядомъ заключеній, философъ приходитъ наконецъ къ очевидности, что отрицатели не существующаго противорѣчатъ сами себѣ, и что софистъ скрывается именно во мракѣ этихъ противорѣчій.

Тезт. Почему не произносить!

Ин. Такъ если бы, не для спора и не для шутки, а по С. серьезномъ размышленіи, кто нибудь изъ слушателей долженъ былъ объявить, гдѣ требуется привносить слово *не существующее*; то, какъ тебѣ кажется, къ чему и для означенія чего онъ и самъ пользовался бы имъ, и указалъ бы пользоваться вопрошателю?

Тезт. Вопросъ трудный, и для меня-то, почти могу сказать, совершенно неразрѣшимый.

Ин. Но то-то явно, что «не существующее» не должно быть относимо къ существующему.

Тезт. Да, какъ можно!

Ин. А если не должно—къ существующему, то никто правильно не отнесетъ его и къ тому, чѣмъ означается что нибудь.

Тезт. Какъ отнестъ!

Ин. Да и то для насъ, можетъ быть, явно, что самое D. слово *что нибудь* мы всякій разъ относимъ къ существующему; потому что мыслить его одно, само по себѣ, какъ бы обнаженное и отрѣшенное отъ всего суцаго, невозможно. Не правда ли?

Тезт. Невозможно.

Ин. Разсматривая же дѣло такъ, подтвердишь ли, что мыслящій слово *что нибудь* мыслить необходимо что-то одно?

Тезт. Такъ.

Ин. Вѣдь *что-то*, скажешь, есть знакъ одного, *оба*—знакъ двухъ, *нѣкоторые*—знакъ многихъ.

Тезт. Какъ не сказать.

Ин. Такъ, говорящій-то не «что нибудь», какъ видно, по E. необходимости, вовсе ничего не говорить.

Тезт. Да, ужъ по необходимости.

Ин. А не слѣдуетъ ли согласиться и въ томъ, что такой человекъ, не только говоря, ничего однакожъ не говорить,—но что принимающагося произносить не существующее, даже не должно называть и говорящимъ?

Тезт. Это положеніе, кажется, достигаетъ уже крайней степени сомнѣнія.

238. *Ин.* Не говори еще такъ много, другъ мой; есть степень и выше этой, и она-то уже въ сомнѣніи величайшая и первая, такъ какъ лежитъ въ самомъ его основаніи.

Тезт. Къ чему такая рѣчь? выражайся прямо, ничѣмъ не затрудняясь.

Ин. Къ существующему, вѣроятно, можно прибавить что либо другое существующее ¹.

Тезт. Какъ не мочь.

Ин. А къ не существующему возможно ли, скажемъ, прибавленіе чего нибудь существующаго?

Тезт. Да какъ же это?

Ин. Число-то, все вмѣстѣ, мы относимъ къ вещамъ существующимъ.

В. *Тезт.* Если что еще иное, то это надобно относить къ существующему.

Ин. Такъ не должно намъ и браться—въ числѣ—относить къ не существующему ни множество, ни единство.

Тезт. Да вѣдь и неправильно бы, какъ видно, брались, судя по смыслу рѣчи.

Ин. Какимъ же образомъ, безъ числа, устами ли произнесъ бы кто нибудь, или совершенно схватилъ бы мыслию то, чего нѣтъ, или что не существуетъ?

Тезт. Говори, какимъ.

С. *Ин.* Чтобы высказать не существующее ($\mu\eta\ \delta\upsilon\tau\alpha$), не беремъ ли мы привнестъ численное множество?

Тезт. Какъ же.

Ин. Между тѣмъ не существующее ($\mu\eta\ \delta\upsilon$) не беремъ ли опять какъ одно?

¹ Разумѣется, существующему, поколику оно существуетъ, всегда могутъ быть приписаны какія нибудь свойства, предикаты, которые дѣйствительно въ немъ есть, такъ какъ оно само дѣйствительно существуетъ, чего въ отношеніи къ не существующему никакимъ образомъ сдѣлать нельзя. Поэтому не существующее не можетъ принимать и числа, поколику въ числѣ сходятся единство и множество, которыя никакъ не совмѣстимы съ не существующимъ.

Тезт. Очевидно.

Ин. Но и несправедливо вѣдь, и неправильно, говоримъ, существующее братья прилаживать къ не существующему.

Тезт. Говоришь совершенную правду.

Ин. Такъ замѣчаешь ли, что не существующаго самого по себѣ нельзя ни правильно произнести, ни сказать, ни схватить умомъ, что оно и не мыслимо, и не выразиимо, и не произносимо, и безсловесно?

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но не ошибся ли я, сказавши сейчасъ, что отно- сительно его укажу на высочайшее сомнѣніе.

Тезт. Что же? Развѣ можемъ найти еще иное какое нибудь, большее?

Ин. Чтò ты, чудакъ! или не замѣчаешь, уже по сказанному, что не существующее приводитъ въ сомнѣніе и самого обличителя, такъ что, какъ скоро взялся бы онъ обличать, то тотчасъ поставленъ былъ бы въ необходимость въ этомъ отношеніи противорѣчить самому себѣ?

Тезт. Какъ ты говоришь? скажи еще яснѣе.

Ин. По самому моему изслѣдованію, ничто не можетъ быть яснѣе. Вѣдь, предположивъ, что не существующее не должно быть причастно ни одному, ни многому, я тотчасъ, теперъ же назвалъ его однимъ; потому что говорю: не существующее. Понимаешь?

Тезт. Да.

Ин. И опять, немного раньше говорилъ, что оно не произносимо, не выразиимо, безсловесно. Слѣдишь?

Тезт. Какъ же, слѣжу.

Ин. Но, пытаюсь приписывать ему бытіе-то, не противорѣчилъ ли я тому, что говорилъ прежде?

239.

Тезт. Кажется, противорѣчилъ.

Ин. Что же? приписывая ему это, вѣдь я разговаривалъ съ нимъ, не какъ съ однимъ?

Тезт. Да.

Ин. И однакожь, говоря, что оно безсловесно, не выразиимо,

не произносимо, я все таки обращаю свое слово какъ бы къ одному.

Тезт. Какъ не къ одному!

Ин. А по нашему-то положенію, должно быть такъ, что кто будетъ правильно говорить о немъ, тотъ не станетъ опредѣлять его ни какъ одно, ни какъ многое, даже не придастъ ему вовсе никакого имени; ибо и нѣчто «одно» есть уже имя, которымъ оно называлось бы.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

В. *Ин.* Такъ и обо мнѣ-то что еще скажутъ! Вѣдь какъ прежніе, такъ и теперешніе мои доводы относительно не существующаго найдутъ разбитыми. Такъ что въ моей-то рѣчи, какъ я сказалъ, не будемъ искать правды относительно не существующаго: давай-ка, теперь поищемъ ея въ твоей.

Тезт. Какъ ты говоришь?

Ин. Будь ты у насъ добръ и благороденъ; какъ юноша, попробуй, сколько можешь болѣе, напереч свои силы, и правильнымъ образомъ произнеси что нибудь о не существующемъ, не придавая ему ни сущности, ни единства, ни численнаго множества.

С. *Тезт.* Велика, дѣйствительно, и странна была бы моя ревность къ такой попыткѣ, если бы я рѣшился на это, видя твою неудачу.

Ин. Впрочемъ, если угодно, останемся, и ты и я, въ сторонѣ; и, пока не встрѣтимъ кого нибудь, кто могъ бы сдѣлать это, будемъ только говорить, что софистъ какъ нельзя болѣе лукаво скрылся въ это непроходимое мѣсто.

Тезт. Да и очень такъ представляется.

Ин. Поэтому, если владѣетъ онъ, скажемъ, какимъ нибудь искусствомъ фантастическимъ ¹, то, привязавшись къ тако-

¹ Отсюда философъ вступаетъ на новый путь изслѣдованія природы софиста. Выше было говорено, что софистъ есть изобрѣтатель пустыхъ призраковъ, которыми старается поддѣлаться подъ идеальное созерцаніе философа. Поэтому те-

му употребленію ¹ словъ, легко направить наши рѣчи къ противоположному. Когда, то есть, мы назовемъ его дѣлательнѣмъ отображеній, онъ спроситъ насъ, наоборотъ: а что непременно называемъ мы отображеніемъ? И такъ, надобно смотрѣть, Теэтеть, чѣмъ кто будетъ отвѣчать на вопросъ этого сорванца ².

Теэт. Явно, что укажемъ на отображенія въ водѣ и въ зеркалахъ, также на живописныя, оттиснутыя, и на другіе, какіе еще бываютъ этого рода образы.

Ин. Открывается, Теэтеть, что софиста ты не видывалъ. Е.

Теэт. Чѣмъ такъ?

Ин. Тебѣ покажется, что онъ зажмурился, или вовсе не имѣетъ глазъ.

Теэт. Какъ?

Ин. Если ты дашь ему такой отвѣтъ, что укажешь на изображенія въ зеркалахъ и оттискахъ, то онъ посмѣется

перъ спрашивается: что такое идея и образъ вещей? И отвѣтъ приводитъ къ той мысли, что идея всегда составляется чрезъ подражаніе истинѣ. Но изъ этого слѣдуетъ, что истинно существуетъ только то, что дѣйствительно есть, а что производится по подобію дѣйствительно существующаго, то имѣетъ въ себѣ сущность, какъ образъ истины, такъ что, надобно думать, и существуетъ и не существуетъ; если, то есть, того самаго, чего представляетъ оно подобіе и видъ, вовсе нѣтъ, то ему слѣдуетъ называться не существующимъ; а когда видъ его есть,—оно дѣйствительно существуетъ, потому что носить отображеніе сущаго. Затѣмъ, отсюда выводится заключеніе, что не существующему надобно приписывать не то, собственно такъ называемое, абсолютное несуществованіе, но какъ присутствіе, такъ и отсутствіе сущности. Положимъ, что софистъ, какъ выдумщикъ мечтательныхъ представленій, хочеть обмануть насъ изображеніемъ выдуманнаго, какъ истиннаго, или представленіемъ существующаго, какъ не существующаго; спрашивается: возможно ли это?—Если будемъ имѣть въ виду абсолютно не существующее,—рѣшительно невозможно, потому что τὸ μὴ εἶναι, какъ выше сказано, нельзя ни назвать, ни мыслить; стало бытъ, τὸ εἶναι не можетъ держаться съ нимъ никакимъ общимъ союзомъ. Что же остается?—Элеецъ приходитъ къ убѣжденію, что мнѣніе Пармениды о сущемъ надобно подвергнуть испытанію; не такъ ли, то есть, надобно думать, что существуетъ не только сущее, но надобно приписывать существованіе и не сущему.

¹ То есть, пользуясь возможностью давать словамъ такое употребленіе, какое позволяется искусствомъ фантастическимъ,—посредствомъ котораго рѣчь всегда можетъ принять противоположное направленіе.

² О такомъ значеніи слова *καίνας* можно читать у Гейндорфа къ этому мѣсту, также у Маркланда ad Eur. Suppl. v. 580.

надъ твоими словами,—будто ты говоришь съ нимъ, какъ
240. съ зрячимъ,—и, притворившись, что не знаетъ ни зеркаль,
ни воды, ни даже зрѣнія, по поводу твоихъ словъ спросить
тебя только объ одномъ.

Тезт. О чемъ?

Ин. О проходящемъ по всему этому ¹, что, назвавъ мно-
гимъ, угодно было тебѣ означить однимъ именемъ,—произ-
нести «отображеніе», какъ одно во всемъ. И такъ, говори
и защищайся, не уступая ни въ чемъ этому человѣку.

Тезт. Да чѣмъ же, наконецъ, назвали бы мы, иностранецъ,
отображеніе, какъ не тѣмъ-то, что, уподобляясь истинному,
есть нѣчто другое, таковое же?

Ин. А другое таковое называешь ли ты истиннымъ? или
В. почему, говоришь, оно таковое ²?

Тезт. Истиннымъ-то отнюдь не называю, а подобнымъ.

Ин. Истинное не есть ли, скажешь, дѣйствительно суще-
ствующее?

Тезт. Такъ.

Ин. Что же? не истинное не противно ли истинѣ?

¹ Иностранецъ очень искусно и тонко замѣчаетъ собесѣднику, что понятіе объ
отображеніи надобно объяснять не примѣрами отдѣльныхъ вещей, а опредѣле-
ніемъ цѣлаго рода его. Вѣдь софистъ-то, говоритъ, какъ великій хитрецъ, тот-
часъ начнетъ извинять себя тѣмъ, что зрѣніе его тупо, и потому признаетъ
нужнымъ, минуя частное, обратиться къ самому роду отображенія, въ которомъ
заключаются всѣ частности. Этотъ-то родъ, скрывающій въ себѣ всю полноту
отдѣльныхъ явленій, Платонъ называетъ τὸ διὰ πάντων τούτων,—выраженіе, кото-
рое употребляетъ онъ также Men. p. 74 A, Lachet. p. 192 B.

² Доказательство идетъ такъ: то, что называешь ты ἕτερον τοιοῦτον, не есть
само ἀληθινόν, а εἰσικός τι; слѣдовательно, послѣднее отлично отъ перваго, то есть
ἐναντίον ἀληθείας. Но τὸ εἰσικός,—какъ ἐναντίον τοῦ ἀληθινοῦ,—есть οὐκ ὄν. Не смот-
ря однакожъ на то, τὸ εἰσικός дѣйствительно существуетъ, потому что оно есть
εἰκὼν ὄντως. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя оно не истинно есть, однакожъ надоб-
но полагать, что ему принадлежитъ по истинѣ бытіе. Этимъ элеецъ хочетъ
сказать, что отрицаніе можетъ быть не только абсолютное, но и относительное:
какое у Аристотеля называется στέρησις. Оно усматривается въ томъ, что вещь
мы называемъ не такою, каково что либо другое; а говоря это, лишаемъ ее того
или другаго свойства,—такъ однакожъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ приписываемъ ей
сущность. И такъ, отрицаніе состоитъ въ недостатокѣ какихъ нибудь свойствъ, и
однакожъ въ сохраненіи сущности; ибо изъ того, что вещь отлична отъ чего
другаго, еще не слѣдуетъ, что она вовсе не существуетъ.

Тезт. Какъ же.

Ин. Стало быть, подобное, если оно-то, по твоимъ словамъ, не истинно, ты считаешь не существующимъ; и однакожь оно есть-таки.

Тезт. Какъ?

Ин. Не говоришь ли ты, что оно дѣйствительно есть?

Тезт. Совсѣмъ нѣтъ; говорю только, что оно—дѣйствительно образъ.

Ин. Стало быть, образъ не существуетъ дѣйствительно; но дѣйствительно *есть* то, что мы называемъ образомъ ¹?

Тезт. Должно быть; какъ-то такъ спуталось не существующее съ существующимъ,—и вышла путаница очень странная.

Ин. Какъ не странная! Ты видишь, по крайней мѣрѣ, что и теперь, чрезъ это превращеніе, многоголовый софистъ заставилъ насъ не существующее по неволѣ признать какъ-то существующимъ.

Тезт. И очень вижу.

Ин. Такъ что же? какъ опредѣлить его искусство, чтобы намъ быть въ состояніи согласиться съ самими собою?

Тезт. Почему и чего боишься ты, что такъ говоришь?

Ин. Когда онъ, полагаемъ, обманываетъ насъ своимъ фантомомъ, и когда искусство его—какое-то обманчивое: скажемъ ли, наша душа получила отъ его искусства ложное мнѣніе,—или чтò будемъ говорить?

Тезт. Это. Ибо что иное могли бы мы сказать?

Ин. Ложное же мнѣніе опять будетъ то, которое мнить противное вещамъ существующимъ, или какъ?

Тезт. Противное.

¹ Эта мысль въ подлинникѣ выражена такъ: οὐκ ὃν ἄρα οὐκ ὄντως ἐστὶν ὄντως ἢ ἡ λέγουμεν εἰκόνα. Рѣчь сжатая, которая правильно должна быть развита такъ: хотя образа дѣйствительно нѣтъ, хотя, то есть, онъ не истиненъ, однакожь на самомъ дѣлѣ есть то, что мы называемъ отображеніемъ; ибо, какъ εἰκὼν, онъ по истинѣ существуетъ, только отличенъ отъ τῷ ἀληθινῷ.

Ин. Стало быть, ты говоришь, что ложное мнѣніе мнить не существующее?

Тезт. Необходимо.

Е. *Ин.* Такъ ли оно мнить не существующее, что его нѣтъ, или—что отнюдь не существующее какъ-то есть?

Тезт. Не существующее должно-таки какъ-то быть, если кто когданибудь хоть чуть-чуть обманывается.

Ин. Что же? мнить ли оно и всячески существующее, что его отнюдь нѣтъ?

Тезт. Да.

Ин. И это также ложь?

Тезт. И это.

241. *Ин.* И тѣмъ самымъ, думаю, и опредѣлится ложное слово, что существующее называетъ оно не существующимъ, а не существующее—существующимъ?

Тезт. Да какъ-же бы иначе могло оно быть такимъ?

Ин. Почти никакъ;—хотя софистъ не скажетъ этого. А не то, какая была бы возможность допустить лживое слово комунибудь изъ людей благомыслящихъ, когда то, что передъ этимъ положено, мы согласились признавать произносимымъ, невыразимымъ, бессловеснымъ и немислимымъ?—Понимаемъ ли, Тезтетъ, что говоритъ онъ?

Тезт. Какъ не понять?—скажетъ, что мы говоримъ противное недавнишнему, осмѣлившись лживое слово полагать въ мнѣніяхъ и выраженіяхъ. Вѣдь съ не существующимъ мы принуждены были часто соединять существующее, согласившись теперь же гдѣ-то, что это всего невозможнѣе.

Ин. Твое замѣчаніе правильно. Но пора намъ разсудить, что дѣлать относительно софиста. Ты видишь вѣдь, какъ легко и въ какомъ множествѣ возникаютъ возраженія и недоумѣнія, когда наше изслѣдованіе относитъ его, по искусству, въ разрядъ обманщиковъ и очарователей.

Тезт. И очень.

С. *Ин.* Мы разобрали вѣдь малую часть того, что, просто сказать, безпредѣльно.

Тезт. Невозможно, какъ видно, поймать софиста, если это такъ.

Ин. Что же теперь? явима ли малодушными и отступимся?

Тезт. Этого-то, я полагаю, не должно быть, если мы хоть немного способны какъ нибудь ухватиться за нашъ предметъ.

Ин. Такъ позволишь ли, и, какъ теперь говорилъ, понравится ли тебѣ, если мы кое-какъ, хотя слегка, потягаемся съ этимъ сильнымъ доводомъ?

Тезт. Почему не позволить?

Ин. Но прошу тебя особенно вотъ о чемъ.

D.

Тезт. О чемъ?

Ин. Не подумай, что я могу сдѣлаться какъ бы отцеубійцей.

Тезт. Что такое?

Ин. Защищая себя, мы будемъ поставлены въ необходимость испытывать ученіе отца нашего Парменида, и заставить его доказать, что не существующее почему-то есть, а существующаго, опять, какимъ-то образомъ нѣтъ.

Тезт. Представляется, что на это должны быть направлены наши пренія.

Ин. Да какъ не представлять этого, по пословицѣ, даже и слѣпому? Вѣдь пока это не будетъ ни обличено, ни признано, едва ли кто найдетъ въ себѣ силы говорить о ложныхъ словахъ, или мнѣніи, — отображенія ли то окажутся, или образы, или подражанія, или фантомы ихъ, или занимающіяся ими искусства, — не дѣлаясь смѣшнымъ, отъ необходимости противорѣчить самому себѣ.

Тезт. Весьма справедливо.

Ин. Для этого именно надобно теперь осмѣлиться налечь 242. на отцово ученіе, — либо уже вовсе оставить это, если удерживаетъ отъ того какая боязнь.

Тезт. Но насъ это-то никакъ не удержать.

Ин. Такъ я въ третій разъ попрошу тебя объ одной малости.

Тезт. Говори только.

Ин. Я недавно объявилъ уже, къ слову, что въ обличеніи такихъ положеній я всегда отчаявался, отчаяваюсь и теперь.

Тезт. Объявилъ.

Ин. Такъ боюсь, какъ бы чрезъ то, что будетъ сказано, В. не показался я тебѣ неистовымъ, измѣнившись ¹ тотчасъ весь, съ ногъ до головы. Вѣдь ради тебя только располагаясь мы обличить это ученіе, если обличимъ.

Тезт. Но такъ какъ, приступая къ такому обличенію и доказательству, ты, по моему мнѣнію, никакъ ни въ чемъ не погрѣшаешь, то смѣло иди къ этой-то цѣли.

Ин. Хорошо. Какое же начало будетъ всего приличнѣе для дерзкаго слова? Думаю, то, молодой человекъ, что мы направляемся на совершенно неизбѣжный путь ².

Тезт. На какой?

Ин. Мы должны напередъ разсмотрѣть то, что кажется С. намъ яснымъ, чтобы какъ нибудь не сбиваться въ этомъ отношеніи и не соглашаться легко другъ съ другомъ, какъ будто бы дѣло уже хорошо обсужено.

Тезт. Говори яснѣе, что говоришь.

Ин. Легко ³, мнѣ кажется, обошелся съ дѣломъ Парменидъ, да и всякій, кто когда нибудь стремился къ сужденію, чтобы опредѣлить существующее, каково оно въ своемъ количествѣ и качествѣ.

¹ Элеецъ боится здѣсь показаться неистовымъ потому, что долженъ будетъ возстать противъ положеній собственной своей школы, во всей ихъ обширности, такъ что направленіе его рѣчи измѣнится совершенно, во всѣхъ частяхъ, отъ альфы до омеги, ἀνω καὶ κάτω.

² То есть, покажемъ, что, позволяя себѣ дерзость, вынуждаемся къ ней необходимостию.

³ Легко,—т. е., наивно, простодушно, безъ надлежащей осмотрительности. Парменидъ осуждается здѣсь въ томъ, что природу существующаго опредѣлялъ различнымъ образомъ, и съ этимъ словомъ соединялъ то тѣ, то другое значеніе. Подъ словомъ τὰ οὐτα иногда разумѣются у него начала видимыя, а иногда то, что не подлежитъ чувствамъ и постигается одною душою и умомъ. Да и опять, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ элейцы много разногласили между собою, потому что достаточно не изслѣдовали силы и природы того, что истинно существуетъ.

Тез. Какимъ образомъ?

Ин. Мнѣ представляется, что намъ, будто дѣтямъ, рассказываютъ какую-то басню, когда одинъ говоритъ о трехъ сущностяхъ ¹, которыя иногда какимъ-то образомъ бывають во враждѣ между собою, а потомъ приходятъ въ со- D. дружество, взаимно сочетаются, раждають, и своимъ порождениямъ доставляютъ пищу; другой указываетъ двѣ ² сущности,—влажную и сухую, или теплую и холодную, которыя приводятъ въ сожительство и супружество. Потомъ, наше элейское поколѣніе, начиная съ Ксенофана ³, да еще и прежде, развиваетъ ту басню, что такъ называемое «все» есть одно. А іонійскія и нѣкоторыя сицилійскія музы ⁴ вполсѣд-

¹ Здѣсь разумѣются положенія нѣкоторыхъ іонійцевъ, которые принимали одну силу матеріи и прибавляли къ ней двѣ силы взаимно противоположныхъ, имѣющія способность соединять и раздѣлять (см. *Теннеманн*, *Hist. philos.* p. 69 sq., ed. 1). Самый образъ Платоновыхъ выражений указываетъ на существовавшія когда-то школы съ такими взглядами.

² Разумѣется ученикъ Анаксагора Архелай, который, по свидѣтельству Д. Лаэртія (II, 16), говорилъ *δύο εἶναι αἰτίας γενέσεως, θερμὸν καὶ ψυχρὸν*. Впрочемъ, этого мнѣнія держались многіе, философствовавшіе о природѣ вещей міра видимаго (см. *Isocrates*, *De Antidos*. p. 118, ed. Orell.).

³ Извѣстно, что Ксенофанъ почитался основателемъ элейской школы, которая учила, что все есть одно (см. *Davis*. *Ad Ciceron. Academ.* II, 37, *Karsten*. *De Xenoph.* p. 92 sqq.). Но здѣсь удивительно то, что это самое мнѣніе возводится еще къ болѣе глубокой древности,—*καὶ ἐτι πρότερον*. Надобно замѣтить, что у Платона дѣло обыкновенное—какія нибудь болѣе прославленные и распространеншіяся философскія мнѣнія возводить въ священную древность, что нерѣдко дѣлалъ также и Аристотель (*Metaphys.* XII, 8). Этимъ хотѣлъ онъ выразить ту мысль, что подобныя мнѣнія произошли не вдругъ, но своимъ корнемъ скрывались въ вѣкахъ отдаленныхъ, и что древность ихъ происхожденія поставляетъ ихъ въ связь даже съ оракулами боговъ. *Phileb.* p. 16 D: *Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπων δόσεις, ὡς γε καταφαίνεται ἐμοί, πόθεν ἐκ θεῶν ἐρήρη διά τινος Προμηθέως ἅμα φανοτάτω τῷ πορί, καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδωσαν, ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν αἰεὶ λεγομένων εἶναι*. Подобнымъ образомъ *Theaet.* p. 152 C. Сюда относятся и эти слова, *Tim.* p. 32 A: *Πειστέον τοῖς ἐμπροσθεν εἰρηκόσιν, ἐχρόνοις δὲ θεῶν οὔσιν*.

⁴ Здѣсь разумѣются Гераклитъ эфесскій и Эмпедоклъ агригентинскій. Извѣстно, что Гераклитъ принималъ *πάντονον* (натягивасмую въ обѣ стороны) *ἀρμονίαν*; такъ что, по его мнѣнію, *διαφερόμενα αἰεὶ συμφέρεσθαι, ὡς περ ἀρμονίαν τόξου τε καὶ λύρας* (см. *Plat. Sympos.* p. 187 A. *Aristot. Ethic.* 8, 2; *Phys.* I, p. 58. D. *Laërt.* IX, 7). Поэтому музы Гераклита называются *ἐντονότεραι*, или напряженными, настроенными: онъ представлялъ себѣ, что все происходитъ отъ непре-

Е. ствіи сошлись въ томъ, что гораздо безопаснѣе сплетать то и другое и говорить, что существующее есть многое и одно, связуется враждою и дружбою: потому что разногласящее всегда соглашается,—говорять напряженнѣйшія изъ музъ;—тѣ же, которыя понѣжнѣе, смягчаютъ мысль, будто это всегда такъ, и преемственно признаютъ все либо за одно, сдруженное Афродитою, либо за многое, борющееся само съ собою, подъ вліяніемъ какой-то вражды. Все это вѣрно ли кто изъ нихъ говорилъ, или не вѣрно,—трудно рѣшить, и грѣшно такихъ высокоставимыхъ древнихъ мужей въ томъ укорять, а лучше полагать безъ ненависти вотъ что.

Тезт. Что такое?

Ин. Насъ, толпу, они слишкомъ презирали и унижали; в. ибо каждый изъ нихъ раскрывалъ свое, не заботясь о томъ, въ состояніи ли мы будемъ слѣдовать за ними, или отстанемъ.

Тезт. Какъ ты говоришь?

Ин. Когда кто изъ нихъ произноситъ свое мнѣніе, что есть, было или бываетъ либо многое, либо одно, либо два, что теплое опять растворяется холоднымъ, и предполагаетъ какія нибудь иныя раздѣленія и соединенія: изъ всего это-

станной напряженности стихій, какъ бы какихъ нибудь струнъ. А одно и многое Гераклитъ полагалъ, говорить, потому, что цѣлый универсъ почитая бытіемъ однимъ и согласнымъ съ собою, онъ думалъ однакожъ, что изъ того, что есть, и изъ того, чего нѣтъ, происходитъ вражда и борьба. Нѣсколько отлично отъ этого было мнѣніе Эмпедокла. Онъ тоже допускалъ одно и многое, такъ какъ принималъ четыре стихіи природы. Эти четыре стихіи вначалѣ составляли весь универсъ; но послѣ онѣ то были раздѣляемы, то снова примирялись: Дружба, дѣйствуя на соотвѣтствующія имъ силы природы, разрозненное сводила въ одно; а Вражда тѣмъ же способомъ одно приводила въ состояніе разрозненное. Его мнѣніе тѣмъ только отличалось отъ Гераклитова, что эту борьбу Вражды и Дружбы представлялъ онъ не одновременною, а думалъ такъ, что вотъ многое слѣвается въ одно, а потомъ одно распадается на многое (Vers. 89 sqq., ed. Karsten). И эта преемственность никогда не прекращается; Дружба и Вражда послѣдовательно смѣняютъ одна другую. Если же, по Эмпедоклу, все поддерживается въ дѣятельности борьбою Вражды и Дружбы, то явно, что гдѣ нѣтъ этой борьбы, тамъ музы становятся *μαλακώτεροι*,—и такихъ-то музъ, принимавшихъ либо только одно, либо только многое, Платонъ называетъ сицилійскими. Это мѣсто хорошо объясняетъ Симплицій (Ad Phys. Aristot. I, fol. 6 sqq.) и Petr. Retitus (Observ. II, 10).

го, рассказываемаго ими, что, ради боговъ, всякій разъ понимаешь ты, Теэтеть? Вѣдь я-то, когда былъ молодъ, и когда кто, бывало, говорилъ про не существующее, о которомъ теперь недоумѣваю, думалъ, что до точности понимаю все; а въ настояще время, видишь, относительно этого мы въ недоумѣніи. С.

Теэт. Вижу.

Ин. Такъ можетъ быть, не менѣе того увѣрены и мы въ душѣ въ разсужденіи существующаго,—понимаемъ это, говоримъ, и раздѣльно представляемъ, когда кто произноситъ,—а въ разсужденіи перваго—нѣтъ; хотя находимся въ одинаковомъ къ тому и другому отношеніи.

Теэт. Можетъ быть.

Ин. Такъ пусть то же самое будетъ сказано и о прочемъ, о чемъ сейчасъ упомянули мы.

Теэт. Конечно.

Ин. Но относительно многаго сдѣлаемъ изслѣдованіе и послѣ, если покажется; а теперь сперва изслѣдуемъ величайшее и главнѣйшее. D.

Теэт. О чемъ говоришь ты? Или явно, что прежде надобно, полагаешь, разсмотрѣть существующее, какъ понимали его тѣ, которые говорили о немъ?

Ин. Ты своею мыслию, Теэтеть, идешь за мною по пятамъ. Вѣдь намъ, я говорю, должно дать такой оборотъ своей рѣчи, какъ будто бы они стояли предъ нами, а мы ихъ спрашиваемъ—такимъ образомъ: Ну-ка, вы ¹,

¹ Элеецъ укоряетъ прежде тѣхъ, которые, хотя допускають много стихій въ природѣ вещей, тѣмъ не менѣе однакожъ приписываютъ имъ τὸ εἶναι. Аргументація идетъ почти такъ. Что называемъ мы сущимъ, τὸ εἶναι, то либо есть нѣчто отличное отъ находящихся въ борьбѣ вещественныхъ началъ, либо тождественно съ ними, либо, наконецъ, тождественно съ которымъ либо однимъ изъ нихъ. Если сущее отлично отъ обоихъ,—какъ скоро начало предполагается два,—то начала явятся у насъ въ числѣ трехъ. Если, напримѣръ, возьмемъ теплое и холодное, то къ нимъ прибавится еще сущее. А когда будетъ признано существующимъ одно изъ многихъ,—одно, конечно, и будетъ существовать, другое же не будетъ, что было бы, очевидно, нелѣпо. Положимъ, наконецъ, и то, что существующее тождественно со всѣмъ: тогда выйдетъ, что начало всѣхъ вещей только одно, и это одно, τὸ εἶναι, есть вмѣстѣ теплое и холодное.

которые все называете теплымъ и холоднымъ, или какими нибудь двумя подобными началами,—что это такое гла-
Е. сите вы объ обоихъ, говоря, что есть оба они и каждое? Какъ намъ понимать это ваше бытiе? Третье ли оно, кромѣ тѣхъ двухъ,—но тогда все, по вашему, мы будемъ полагать въ трехъ, а уже не въ двухъ? Или если, изъ двухъ, за существующее принимаете вы которое нибудь, то оба у васъ будутъ неравны; такъ что, въ томъ и другомъ случаѣ, выйдетъ одно, а не два.

Теем. Ты правду говоришь.

Ин. Но существующимъ хотите вы называть оба?

Теем. Можетъ быть.

244. *Ин.* Но, любезные, скажемъ мы: вѣдь такъ-то два ясяйшимъ образомъ становятся однимъ.

Теем. Ты сказалъ очень правильно.

Ин. Поэтому, въ виду нашего недоумѣнiя, вы достаточно объясните намъ, что хотите означить, произнося «существующее». Вѣдь явно, что вамъ давно это извѣстно, а мы хотя донынѣ и думали, будто знаемъ, но теперь стали недоумѣвать. Такъ сперва научите насъ этому самому, чтобы намъ не питать мнѣнiя, будто мы понимаемъ рассказы-
В. ваемое вами, тогда какъ выходитъ совсѣмъ противное. Говоря такъ, и требуя этого какъ отъ нихъ, такъ и отъ другихъ, которые утверждаютъ, что все заключаетъ въ себѣ больше одного,—согрѣшимъ ли мы, думаешь, молодой чело-
вѣкъ?

Теем. Всего менѣе.

Ин. Что же? у тѣхъ, которые говорятъ, что все есть одно, не стѣитъ ли, по возможности, вывѣдать, что называютъ они существующимъ?

Теем. Какъ не стѣитъ?

Ин. Пусть же отвѣчаютъ они вотъ на что. Одно признаете ли вы единственнымъ?—Признаемъ,—конечно, скажутъ они; не такъ ли?

Теем. Да.

Ин. Что же? существующее называете вы чѣмънибудь?

Тезт. Да.

Ин. Но что́ есть одно, въ отношеніи къ тому самому С. двумя ли пользуетесь вы именами, или какъ?

Тезт. Да какой же послѣ сего возможенъ отвѣтъ, иностранецъ?

Ин. Явно, Тезтетъ, что предполагающему это, на настоящей его вопросъ и на какой бы то ни было иной, отвѣчать не такъ-то легко.

Тезт. А что?

Ин. Признать два имени ¹ значило бы не иное что, какъ одно выставить на смѣхъ.

Тезт. Какъ не на смѣхъ.

Ин. Да и въ томъ-то совершенно согласиться съ говорящимъ, что есть имя, было бы чѣмъ-то неразумнымъ. D.

Тезт. Какимъ образомъ?

Ин. Кто положилъ имя, отличное отъ дѣла, тотъ говорить о двухъ.

Тезт. Да.

Ин. Но пусть бы даже положено было имя то же съ дѣломъ; и тогда необходимо было бы признать его именемъ ничего: а если скажутъ, что оно есть имя чегонибудь, то выйдетъ, что имя есть только имя имени, а не чего инаго.

Тезт. Такъ.

Ин. И что «одно»-то есть только одно одного, а не имени это одно.

¹ Говоря противъ элейцевъ, утверждающихъ, что сущее одно, иностранецъ рассуждаетъ такъ: Если одно, говорить, отъ сущаго не отлично, то, во первыхъ, смѣшно будетъ признать здѣсь два имени,—вмѣсто двухъ, очевидно, надобно принять одно. Потомъ сдѣлается удивительнымъ и то, что понадобится допустить существованіе имени, не имѣющаго никакого значенія. Вѣдь если положимъ, что имя отлично отъ вещи, то, конечно, будетъ положено два момента; а когда имя окажется тождественнымъ съ вещію, то оно или не будетъ именемъ какой бы то ни было вещи, или, какъ скоро и будетъ—какойнибудь,—будетъ только именемъ имени, а не иной вещи; и какъ одно одного есть только одно, то это одно будетъ не имени, т. е. одно будетъ относиться къ себѣ самому, а съ именемъ никакимъ образомъ не сроднится.

Тезт. Необходимо.

Ин. Что же? Цѣлое ¹ отлично ли отъ дѣйствительно од-
Е. ного, или признають его за тождественное съ этимъ?

Тезт. Какъ не признають? и признають.

Ин. Такъ если есть цѣлое, какъ говорить и Парменидъ ²:

Видъ его массѣ правильной сферы отсюду подобенъ,
Равенъ отъ центра вездѣ онъ, затѣмъ, что нисколько не больше,
Какъ и не меньше идетъ туда и сюда, по закону,—
то, будучи таковымъ-то, существующее имѣетъ средину и
оконечности; а имѣя это, оно, по всей необходимости, должно
имѣть и части. Или какъ?

Тезт. Такъ.

Ин. Впрочемъ, разчлененному-то состоянію одного ничто не
245. мѣшаетъ во всѣхъ частяхъ удерживать одно, и такимъ об-
разомъ всему и цѣлому быть однимъ.

Тезт. Почему не такъ.

Ин. Но если цѣлое таково, то не возможно ли, чтобы
то-то самое было одно само въ себѣ ³?

Тезт. Какъ?

Ин. Вѣдь истинное-то одно, по правильному мышленію,
должно называться совершенно безчастнымъ.

Тезт. Конечно, должно.

Ин. А когда оно таково-то,—одно, состоящее изъ мно-
В. гихъ частей, не будетъ согласно съ этимъ положеніемъ.

Тезт. Понимаю.

Ин. Такъ существующее, находясь въ состояніи одного,
будетъ ли теперъ одно и цѣлое? или существующаго мы
вовсе не назовемъ цѣлымъ?

¹ Приводится другое доказательство, почему элейскаго положенія объ одномъ сущемъ одобрить нельзя. То свое «одно», называемое сущимъ, элейцы вмѣстѣ представляютъ, какъ цѣлое. Поэтому Парменидъ своему одному приписалъ сферическую фигуру. Но изъ этого слѣдуетъ, что его одно дѣлится и состоитъ изъ частей. Если же такъ, то оно уже не можетъ быть однимъ,—хотя можетъ *πᾶθος ἑνείη τοῦ ἑνός*, такъ какъ части, взятыя вмѣстѣ, составляютъ одно.

² Эти стихи Парменида читаются у Карстена (Parmenid. Reliqq. p. 182 sqq.).

³ То есть: не возможно ли, чтобы «одно» было абсолютное?

Тезт. Трудный предлагаешь вопросъ!

Ин. И ты говоришь сущую правду. Вѣдь существующее, находясь въ такомъ состояніи, что оно есть какъ-то одно, представляется не тождественнымъ одному, и все будетъ уже болѣе ¹ одного.

Тезт. Да.

Ин. Но если существующее будетъ ² не цѣлое, оттого, что приведено въ это состояніе однимъ, и если цѣлое существуетъ само по себѣ, то слѣдуетъ, что существующему не достаетъ себя самого.

Тезт. Конечно.

Ин. А поэтому-то, лишившись самого себя, существующее будетъ не существующее.

Тезт. Такъ.

Ин. И «все», опять, бываетъ больше одного-то, какъ скоро существующее и цѣлое, то и другое отдѣльно, получили собственную природу.

Тезт. Да.

Ин. А когда цѣлое-то вовсе не существуетъ, то же выходитъ и съ существующимъ: оно не только не существуетъ, D. но и никогда не бываетъ.

Тезт. Почему же?

Ин. Бывающее всегда было цѣлымъ; такъ что нельзя наименовать ни сущности, ни рожденія, какъ сущаго, не полагая въ существующемъ цѣлаго.

Тезт. Это, безъ сомнѣнія, выходитъ такъ.

Ин. Даже и количественно нельзя существовать чему ни-

¹ Явно, что существующему, въ такомъ случаѣ, одно какъ бы придется; слѣдовательно, первое больше послѣдняго.

² Свою аргументацію иностранецъ заключаетъ такъ: то *оу* не есть *оу* случайно, потому что относится къ одному абсолютному. Между тѣмъ то *оу* представляется само по себѣ отдѣльно, и то, что существуетъ, лишается въ немъ себя самого; потому что, какъ скоро то *оу* *аѳо* полагается внѣ существующаго, существующее не можетъ быть цѣлое, и то, что существуетъ, будетъ тѣмъ, что не существуетъ.

будь, не будучи цѣлымъ; ибо, при какомъ либо количествѣ, *насколько* оно есть, *настолько* необходимо быть ему цѣлымъ.

Тез. Совершенно такъ.

Е. *Ин.* Да тому, кто полагаетъ существующее либо въ двухъ, либо только въ одномъ, откроется, что и иное весьма многое возбуждаетъ безконечныя недоумѣнія.

Тез. Это почти явно и изъ того, что теперь уже проглядываетъ: вѣдь одно ведетъ за собой другое, и только больше и труднѣе насъ запутываетъ въ отношеніи къ тому, о чемъ мы все говорили.

Ин. Изъ тѣхъ, которые входятъ въ тонкія изслѣдованія относительно существующаго и не существующаго, мы разсмотрѣли, конечно, не всѣхъ,—но этого достаточно; теперь надобно обратить вниманіе ¹ на говорящихъ иначе, чтобы узнать отъ тѣхъ и другихъ, что нисколько не легче не существующаго высказать существующее, что такое оно.

Тез. Да, слѣдуетъ направиться и къ этимъ.

Ин. А у нихъ-то, судя по возраженіямъ съ той и другой стороны касательно сущности, происходитъ какъ будто борьба гигантовъ.

Тез. Какъ такъ?

Ин. Одни съ неба и изъ міра невидимаго все влекутъ на землю, обнимая руками просто камни и дубы ²; потому что, хватаясь за все подобное, они утверждаютъ, что только то существуетъ, что приражается и подлежитъ какому либо

¹ Здѣсь разумѣются тѣ философы, которые изслѣдовали τὸ ὄν или τὰ ὄντα и старались опредѣлить начала вещей. Въ числѣ этихъ философовъ приходятъ иностранцу на мысль іонійцы, элейцы, Гераклитъ, Эмпедоклъ. Имѣетъ онъ въ виду и другихъ, которые тонко изслѣдовали вопросъ о не существующемъ и объ отношеніи между существующимъ и не существующимъ: къ этому ряду мыслителей относились элейцы и мегарцы. Но были еще и такіе, которые утверждали, что не существующаго и мыслить невозможно: сюда относились Горгіасъ, Протагоръ, Антисеевъ и др. Этихъ-то послѣднихъ, говорить, разсмотрѣлъ онъ не всѣхъ, и говорить весьма справедливо.

² Философъ картинно изображаетъ и тонко осмѣиваетъ здѣсь, кромѣ современныхъ атомистовъ, по видимому, особенно Аристиппа, что хорошо объясняетъ и Шлейермахеръ (Prooem. ad Sophist. p. 135 et Theaet. p. 183).

осязанію, такъ какъ тѣло и сущность принимаютъ за одно и то же; а когда кто говоритъ объ иномъ, что вотъ это не имѣеть тѣла,—такую рѣчь они презираютъ, и не хотятъ ничего другаго слушать. В.

Тезт. Ты сказалъ объ ужасныхъ людяхъ; вѣдь и я встрѣчалъ уже много такихъ.

Ин. Потому-то возражающіе противъ нихъ защищаются ¹ весьма ловко, утверждаясь на основаніяхъ высшихъ, заимствуемыхъ изъ міра невидимаго, и доказывая, что истинную сущность составляютъ нѣкоторые виды мысленные и безтѣлесные. А тѣла ихъ и такъ называемую ими истину, словесно раздробляя на малыя части, называютъ, вмѣсто сущности, какимъ-то движущимся рожденіемъ. Въ срединѣ же, между этими обѣими противоположностями, Теэтеть, всегда происходитъ нѣкоторая грозная борьба. С.

Тезт. Правда.

Ин. Такъ мы отъ обоихъ этихъ родовъ порознь потребуемъ отчета, въ чемъ поставляютъ они сущность.

Тезт. Какимъ же образомъ потребуемъ?

Ин. Отъ тѣхъ, которые поставляютъ ее въ видахъ—легче, потому что они кротче; а отъ тѣхъ, которые все насильно

¹ Шлейермахеръ очень правдоподобно догадывается, что здѣсь указывается на первыхъ учителей мегарской школы (см. Prooem. ad Sophist. p. 134 sqq). Догадку свою онъ утверждаетъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ, поставляетъ на видъ то, что хотя это ученіе о различіи οὐσίας и γένεσιος принадлежитъ Пармениду, однакожъ оно приписывается и нѣкоторымъ другимъ философамъ, которыхъ Платонъ, послѣ оцѣнки положеній Парменидовыхъ, уже легче касается своею критикою; во вторыхъ, замѣчаетъ, что мегарцы, кромѣ диалектики, занимались у элейцевъ и многое другое, напр., взяли кое-что и изъ ученія ихъ о сущемъ. Къ этому Шлейермахеръ прибавляетъ, что настоящая мысль оправдывается и самою войною иностранца противъ Аристиппа и послѣдователей Демокрита. Важнѣйшее же—то, о чемъ говорится ниже (p. 248 С—Е и 249 С). Это ученіе мы не колеблясь приписываемъ мегарцамъ, которые, выходя изъ Парменидова положенія о сущемъ, утверждали, что идеи суть нѣкоторыя отдѣльныя формы и виды, и почитали ихъ формами законѣвшими, неподвижными, не принимающими никакого общенія и измѣненія, чтобы, то есть, не потерялось въ нихъ постоянство и вѣчность сущности (см. Aristot. Metaphys. XIV, 4; сравн. D. Laërt. II, 106).

Д. влекутъ къ тѣлу,—труднѣе, пожалуй даже и невозможно. Но, мнѣ кажется, въ отношеніи къ нимъ надобно поступить такъ.

Тезт. Какъ?

Ин. Больше всего, если это какимъ нибудь образомъ возможно, сдѣлать ихъ лучшими самымъ дѣломъ; а когда это не выполнимо,—сдѣлаемъ словомъ, располагая ихъ отвѣчать законнѣе, чѣмъ какъ хотятъ они теперь; потому что признанное лучшими тверже того, что—худшими. Впрочемъ, мы не о нихъ заботимся, а ищемъ истины.

Е. *Тезт.* Весьма правильно.

Ин. Заставь же отвѣчать тебѣ тѣхъ, которые сдѣлались лучшими, и истолковывай слова ихъ.

Тезт. Такъ и будетъ.

Ин. Когда говорятъ о смертномъ животномъ,—полагаютъ ли что нибудь?

Тезт. Какъ не полагать!

Ин. Не признаютъ ли его одушевленнымъ тѣломъ?

Тезт. Конечно.

Ин. Почитая душу чѣмъ-то существующимъ?

247. *Тезт.* Да.

Ин. Что же? не говорятъ ли, что одна душа справедлива, другая не справедлива, одна разумна, другая не разумна?

Тезт. Какъ же.

Ин. А не чрезъ имѣніе ли въ себѣ и присутствіе справедливости каждая изъ нихъ становится такою, равно какъ чрезъ имѣніе и присутствіе противнаго—противною?

Тезт. Да, и это подтверждаютъ.

Ин. Но возможность-то быть и не быть съ кѣмъ—непремѣнно, скажутъ, есть что нибудь?

В. *Тезт.* Да и говорятъ.

Ин. Когда же есть справедливость, разумность и иныя добродѣтели, равно какъ противное имъ; когда есть также и душа, въ которой онѣ находятся,—видимымъ ли и осязаемымъ признаютъ что либо изъ этого, или невидимымъ?

Тезт. Изъ этого-то нѣтъ почти ничего видимаго.

Ин. Что же? изъ такихъ предметовъ который нибудь имѣеть ли, говорятъ, тѣло?

Тезт. На все это отвѣчаютъ они не то же: что касается души, то имъ кажется, что душа получила тѣло; а на счетъ разумности и каждаго иного предмета изъ тѣхъ, о которыхъ ты спрашивалъ, они стыдятся быть такъ дерзкими, чтобы согласиться, будто ничего этого нѣтъ, или утверж- С. дать, будто все это тѣла.

Ин. Ясно для насъ, Тезтетъ, что эти люди стали лучшими: но ихъ посѣянцы ¹ и туземцы хотя не находятъ въ нихъ ни одной души, которой могли бы стыдиться, однакожъ настаиваютъ, что все, чего не могутъ они сдвинуть руками, того, стало быть, вовсе нѣтъ.

Тезт. Ты говоришь почти такъ, какъ они думаютъ.

Ин. Будемъ же снова спрашивать ихъ. Вѣдь если они захотятъ хоть малое что нибудь въ существующемъ признать безтѣлеснымъ,—довольно для насъ; потому что тогда имъ надобно будетъ говорить какъ объ этомъ, такъ и о вещахъ по природѣ тѣлесныхъ, на что смотря, тѣ и другія называютъ они бытіемъ. Авось, можетъ быть, придутъ они въ затрудненіе: если же будутъ испытывать что нибудь такое, смотри,—когда мы начнемъ настаивать,—захотятъ ли они допустить и согласиться, что существующее таково. D.

Тезт. Что же это такое? Говори,—авось узнаемъ.

Ин. Вотъ и говорю: пусть что бы то ни было естественно имѣеть силу хоть однажды только или сдѣлать что нибудь другое, или пострадать хоть чуть-чуть отъ малѣйшей E. причины,—тогда все это дѣйствительно есть;—такое полагаю

¹ Посѣянцы, *спартоі*,—люди, родившіеся или выросшіе изъ земли, души земнородныя, не имѣющія ничего общаго съ душами *τοῖς ἀνοθεῖν καὶ ἀοράτοις*. Извѣстенъ древній мифъ, что спартанцы, *Σπάρτοί*, союзники Кадма, посѣяны имъ и рождены изъ земли (Pausan. IX, 5; Schol. ad Apollon. Rhod. III, v. 1178—1185; Apollod. III, 4).

я опредѣленіе существующаго,—что оно есть не иное что, какъ сила.

Тезт. И если они-то въ настоящую минуту не въ состояніи будутъ сказать лучше этого, то допусать твое положеніе.

Ин. Хорошо; можетъ быть, въ послѣдствіи-то и намъ и имъ 248. представится иное. Но противъ этихъ пусть стоять у насъ здѣсь признаннымъ это.

Тезт. Стоить.

Ин. Теперь обратимся къ другимъ,—къ любителямъ видовъ,—и ты передавай намъ также отвѣты ихъ.

Тезт. Буду.

Ин. Рожденіе и сущность почитаете вы отдѣльнымъ одно отъ другаго? Не такъ ли?

Тезт. Да.

Ин. И съ тѣломъ, какъ съ рожденіемъ, приходимъ мы въ общеніе чрезъ чувство, а съ душою, какъ съ дѣйствительною сущностію,—чрезъ мышленіе; и эта сущность, говорите, всегда тождественна и равна самой себѣ, а рожденіе не в. таково и бываетъ иначе?

Тезт. Да, говоримъ.

Ин. Но приходитъ въ общеніе,—что такое вы, почтеннѣйшіе изъ всѣхъ люди, понимаете подъ этимъ, скажемъ, въ томъ и другомъ случаѣ? Не то ли, что теперь же нами объявлено?

Тезт. Что такое?

Ин. Странаніе или дѣйствіе, происходящее отъ силы тѣхъ вещей, которыя встрѣчаются между собою. Отвѣтъ ихъ на это ты, Тезтетъ, едва ли услышишь, а я, по короткости съ ними, можетъ быть, слышу.

Тезт. Что же отвѣчаютъ они?

Ин. Не соглашаются съ нами въ томъ, что относительно с. сущности теперь же сказано земнороднымъ.

Тезт. Что сказано?

Ин. Мы положили, что опредѣленіе существующаго до-

статочно, когда въ представляющемся чемъ либо есть хоть чуть способность страдать и дѣйствовать?

Тезт. Да.

Ин. Но противъ этого говорятъ они, что рожденію, конечно, причастна сила страданія и дѣйствованія, а сущности ихъ, полагають, нельзя приписать силу ни того, ни другаго.

Тезт. Однакожь называютъ ее чѣмъ нибудь?

Ин. На это-то надобно намъ сказать, что мы имѣемъ еще нужду получить отъ нихъ яснѣйшее увѣреніе, соглашаются Д. ли они, что душа познаетъ, а сущность бываетъ познаваема.

Тезт. Это-то они полагають.

Ин. Что же? познавать или быть познаваемымъ—дѣйствіемъ ли называете вы, или страданіемъ, или тѣмъ и другимъ? или одно страданіемъ, а другое дѣйствіемъ? или, по вашему, некоторое не причастно некотораго изъ нихъ?

Тезт. Явно, что некоторое некотораго; потому что говорили бы противное прежнему.

Ин. Понимаю: говорили бы, то есть, что познавать—будетъ значить дѣлать что нибудь, а быть познаваемымъ—необходимо опять выйдетъ—страдать; такъ сущность поэтому, насколько познавалась бы отъ знанія, настолько двигалась бы къ страданію; чего съ постояннымъ, говорили мы, не бываетъ.

Тезт. Правильно.

Ин. Что же теперь, ради Зевса?—легко ли убѣдить насъ, что совершенно существующему не принадлежать по истинѣ ни движеніе, ни жизнь, ни душа, ни разумность,—что оно и не живетъ, и не мыслить, но, не имѣя благоговѣнно 249. чтимаго, святаго ума, стоитъ неподвижно ¹?

¹ Здѣсь иностранецъ считаетъ невѣроятнымъ, что идеи суть законсѣвшія, неизмѣняемыя, неподвижныя сущности. Если онѣ бываютъ, говорить, предметомъ какого нибудь познания, то должны находиться подъ впечатлѣніями; ибо что познается, то познаниемъ необходимо движется и впечатлѣвается. Да и невѣроятно, чтобы въ томъ, что совершенно существуетъ, не было вовсе ни движенія, ни жизни, ни смысла, ни разумнія. Этимъ разсужденіемъ объ идеѣ Платонъ

Тезт. Мы согласились бы, иностранецъ, на ужасное положеніе.

Ин. Развѣ скажемъ, что умъ-то оно имѣеть, а жизни—нѣтъ?

Тезт. Да какъ же это?

Ин. Или припишемъ ему то и другое, только не въ душѣ, скажемъ, имѣеть оно эти свойства?

Тезт. Да какимъ же другимъ способомъ могло бы оно имѣть ихъ?

Ин. Или пусть будетъ въ немъ и умъ, и жизнь, и душа,—только, будучи воодушевленнымъ, стояло бы оно совершенно неподвижно?

В. *Тезт.* Все это представляется мнѣ несообразнымъ.

Ин. Такъ надобно допустить, что существующее есть и движимое и движеніе.

Тезт. Какъ не допустить!

Ин. Притомъ выходитъ, Тезтетъ, что если существующее неподвижно, то никому, нигдѣ и ни о чемъ нельзя имѣть понятія.

Тезт. Совершенно справедливо.

Ин. И однакожъ если допустимъ опять, что все идетъ и движется, то и на такомъ основаніи тожественное это исключимъ изъ существующаго.

Тезт. Какъ?

С. *Ин.* Тожественное, само себѣ равное и находящееся въ томъ же отношеніи, можетъ ли когда быть, думаешь, безъ стоянія?

Тезт. Никакъ.

Ин. Что же? усматриваешь ли хоть гдѣ нибудь существующій или бывающій умъ безъ этихъ условій?

Тезт. Всего менѣе.

Ин. И въ самомъ дѣлѣ, противъ того-то надобно вступать

явно предрасполагаетъ читателя къ собственному своему взгляду на идею. Въдъ и этотъ философъ, почитая идеи вѣчными мыслями Божества, выразившимися въ истинности вещей, конечно, усваиваетъ имъ силу и нѣкоторую устойчивость.

въ борьбу со всею силою слова, кто, изгоняя знаніе, мышленіе и умъ, утверждаетъ однакожъ что нибудь какъ нибудь.

Тезт. И очень.

Ин. Такъ философу, и особенно уважающему все это, крайне, какъ видно, необходимо не принимать поэтому ученія Д. тѣхъ, которые, поставляя все или въ одномъ, или во многихъ видахъ ¹, полагають, что оно стоитъ, а тѣхъ, опять, вовсе и не слушать, которые существующему приписываютъ повсюдное движеніе,—но, подражая желанію дѣтей, простирающемся на недвижимое и движимое, почитать существующее и все причастнымъ тому и другому.

Тезт. Весьма справедливо.

Ин. Такъ что жъ? Не довольно ли уже, по видимому, очертили мы своимъ словомъ существующее?

Тезт. Конечно.

Ин. Худо же, стало быть, Теэтеть! Мнѣ кажется, узнали мы теперъ трудность изслѣдованія этого предмета. Е.

Тезт. Какъ это, опять? Что такое сказалъ ты?

Ин. Ахъ, почтеннѣйшій! развѣ не домыслишь, что мы теперь находимся относительно его въ большомъ невѣдѣніи, а между тѣмъ представляемъ сами про себя, будто что-то говоримъ.

Тезт. Такъ, по крайней мѣрѣ, я. Но какимъ образомъ опять утѣилось наше заблужденіе,—я не очень понимаю.

Ин. Разсмотри же яснѣе. Если мы соглашаемся въ этомъ, то не справедливо ли могутъ сдѣлать намъ тотъ самый во- 250.
просъ, который мы предложили тогда говорящимъ, что все есть теплое и холодное.

¹ Τὸ ἐν неподвижнымъ почиталъ Парменидъ и его послѣдователи; τὰ κολλά εἶδη неподвижными признавали мегарцы. Тѣхъ и другихъ Платонъ не одобряетъ; а тѣхъ, говорить, и слушать не слѣдуетъ, которые все приводятъ въ движеніе, какъ, наприим., гераклитяне. Истина, по Платону, стоитъ въ срединѣ, ибо тому, что существуетъ, необходимо должно принадлежать какъ постоянство и вѣчность его природы, такъ равно движеніе и разнообразіе.

Тезт. Что такое? Напомни мнѣ.

Ин. Непремѣнно; и сдѣлать-то это постараюсь, спрашивая тебя, какъ тогда ихъ, — чтобы намъ вмѣстѣ и двинуться скольконибудь впередъ.

Тезт. Правильно.

Ин. Пускай же; движеніе и стояніе не называешь ли ты явленіями самыми противными одно другому?

Тезт. Какъ не называть.

Ин. И полагаешь, что какъ оба эти явленія, такъ и каждое отдѣльно, равно существуютъ?

В. Тезт. Да, полагаю.

Ин. А когда допускаешь ихъ существованіе, — говоришь ли, что оба они и каждое отдѣльно движутся?

Тезт. Никакъ.

Ин. Но, говоря, что оба они существуютъ, означаешь этимъ ихъ стояніе?

Тезт. Какъ можно!

Ин. Стало быть, существующее ты называешь тѣмъ и другимъ, такъ что полагаешь его душѣ, какъ что-то кромѣ этого третіе, — что, то есть, оно обнимаетъ собою и стояніе, и движеніе: ты берешь ихъ вмѣстѣ, и смотришь на общеніе ихъ сущности?

С. Тезт. Должно быть, въ существующемъ угадываемъ дѣйствительно что-то третіе, когда приписываемъ ему движеніе и стояніе.

Ин. Стало быть, существующее не есть движеніе и стояніе — оба вмѣстѣ, а что-то отличное отъ нихъ.

Тезт. Походить.

Ин. Слѣдовательно, существующее, по своей природѣ, и не стоитъ, и не движется.

Тезт. Близко къ тому.

Ин. Куда же еще долженъ направить свою мысль тотъ, кто хочетъ относительно его установить въ себѣ чтонибудь ясное?

Тезт. А куда?

Ин. Думаю, легче всего—никуда. Вѣдь если что не движется, то какъ тому не стоять? А что отнюдь не стоитъ, какъ, опять, тому не двигаться? Между тѣмъ существующее положено у насъ теперь внѣ обоихъ этихъ состояній. Такъ возможно ли это?

Тезт. Всего невозможноѣе.

Ин. При этомъ справедливо вспомнить вотъ что.

Тезт. Что такое?

Ин. То, что, когда спросили насъ о не существующемъ,—къ чему надобно прилагать это имя,—мы пришли въ крайнее недоумѣніе. Помнишь?

Тезт. Какъ не помнить.

Ин. Такъ въ меньшемъ ли какомъ недоумѣніи мы находимся теперь относительно сущаго? Е.

Тезт. По мнѣ-то, иностранецъ, если можно сказать, мы, кажется, въ большемъ.

Ин. Пускай же здѣсь лежитъ наше недоумѣніе. Но такъ какъ и существующее и не существующее равно сопровождаютъ недоумѣніемъ, то теперь есть уже надежда, что, какъ скоро одно изъ нихъ прояснилось болѣе или менѣе, и другое получить столько же ясности. А если опять не будетъ у насъ силы узнать ни то, ни другое, то будемъ, по крайней мѣрѣ, сколько можно благоприличнѣе продолжать свое разсужденіе объ обоихъ вмѣстѣ. 251.

Тезт. Хорошо.

Ин. Скажемъ теперь, какимъ образомъ мы то же самое называемъ многими именами.

Тезт. Что такое? Скажи примѣръ.

Ин. Да напримѣръ, говоря о человѣкѣ, ты именуемъ нѣчто многое: приписываемъ ему и цвѣтъ, и формы, и величины, и пороки, и добродѣтели; во всемъ этомъ и въ другихъ многочисленныхъ свойствахъ онъ, говоримъ, не только человѣкъ, но и добрый, такой-сякой,—до безконечности. Такимъ же образомъ и о прочихъ вещахъ: предполагая одно

недѣлимое, мы опять находимъ въ немъ многое, и называемъ его многими именами.

Тезт. Ты правду говоришь.

Ин. Откуда-то, думаю, приготовили мы пирь и юношамъ, и запоздалымъ ¹ въ наукѣ старикамъ. Вѣдь всякому подручно ухватиться за ту мысль, что многому нельзя быть однимъ, а одному—многимъ; и вотъ они рады не позволять с. человѣка называть добрымъ, а только добро добромъ, человѣка человѣкомъ. Ты, конечно, нерѣдко встрѣчался, думаю, Тезтетъ, съ людьми, серьезно державшимися такого мнѣнія, и между ними иногда бывали старики, которые, по скудости мышленія, удивлялись такимъ представленіямъ и даже полагали, что это самое было какимъ-то мудрымъ открытіемъ.

Тезт. Конечно.

Ин. Такъ чтобы разсужденіе наше относилось ко всѣмъ, которые когда нибудь и что нибудь говорили о сущности, пусть теперь имѣющіе быть предложенными вопросы на-
D. правлены будутъ и къ этимъ, и къ другимъ, съ которыми мы разговаривали прежде.

Тезт. Какіе же вопросы?

Ин. Такъ ли будетъ, что ни сущности ² не припишемъ

¹ Во времена Платона были и такіе мыслители, которые каждой вещи приписывали свою исключительную особенность и совершенно отвергали всякую связь подлежащаго со сказуемымъ. Они соглашались, напр., человѣка называть человѣкомъ, но называть его большимъ или малымъ, добрымъ или злымъ не хотѣли. Къ такимъ мыслителямъ надобно относить, конечно, софистовъ Протагора и Горгіаса и ихъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ наиболѣе замѣтенъ былъ съ этой стороны ученикъ Горгіаса Антисеенъ. Особенно же рѣчь намекаетъ здѣсь на Эвтидема и Діонисіодора, сколько можно догадываться по слову *ῥῥαδαίς*, которымъ эти самые, запоздалые или не доучившіеся, умники характеризуются въ Платоновомъ Эвтидемѣ (р. 272 В). Можно, впрочемъ, разумѣть здѣсь и мегарцевъ, которые тоже усвоили себѣ это ученіе. Что касается слова *ῥῥαδαίς*, то оно въ выраженіи Платона заключаетъ и черту нравственную; потому что *νέοι* (юноши) употребляется, какъ извѣстно, въ значеніи людей дерзкихъ и нахальныхъ, а *ῥῥαδαίς* суть люди вздорчивые и бранчивые. Cicero, *Ad divers.* IX, 20: *ῥῥαδαίς autem homines scis quam insolentes sint.*

² Иностранецъ показываетъ, что возможны три отношенія, которыми соединяются между собою вещи и ихъ свойства. Онъ полагаетъ, что или вовсе не-

мы движенію и стоянію, ни инаго иному, — ничего ничему, — но положимъ въ своихъ рѣчахъ, что вещи существующія не смѣшиваются и не могутъ принимать ничего однѣ отъ другихъ? Или все сведемъ къ тому же, какъ предметы, могущіе имѣть взаимное общеніе? Или, наконецъ, одни таковы, а другіе нѣтъ? Изъ этого что предпочтутъ они, спросили бы мы, Теэтеть?

Теэт. За нихъ я не могу ничего сказать на это. Почему бы самому тебѣ, отвѣчая на каждый вопросъ порознь, не разсмотрѣть, что изъ каждаго слѣдуетъ?

Ин. Ты хорошо говоришь. Положимъ же въ самомъ дѣлѣ, если хочешь, что первая ихъ мысль такова: ничто не имѣетъ способности общенія ни съ чѣмъ и ни въ чемъ. Движеніе и стояніе поэтому не будутъ никакъ сообщаться съ сущностію?

Теэт. Да, никакъ.

252.

Ин. Что же? Не сообщаясь съ сущностію, будетъ ли то или другое изъ нихъ?

Теэт. Не будетъ.

Ин. Но чрезъ такое-то согласіе скоро, какъ видно, все придетъ въ возмущеніе — и у тѣхъ, которые движутъ вселенную, и у тѣхъ, которые заставляютъ ее стоять, какъ одно, и у тѣхъ, которые говорятъ, что существующее удерживаетъ природу тождественныхъ и равныхъ себѣ видовъ навсегда; потому что всѣ эти бытіе-то берутъ въ расчетъ, разумѣя — одни дѣйствительно движущееся, а другіе дѣйствительно стоящее.

Теэт. Совершенно справедливо.

возможно, чтобы тотъ же субъектъ имѣлъ много различныхъ свойствъ, — чтобы, то есть, на основаніи Платона, одна и та же вещь сложена была по подобію многихъ и различныхъ идей; или возможно, чтобы все, что есть, было свойствами, принадлежащими вмѣстѣ тому же субъекту; или, наконецъ, возможно, чтобы тому же субъекту принадлежали нѣкоторые свойства, а другія не принадлежали. Первые два положенія, по мнѣнію философа, надобно отвергнуть, и одобрить только послѣднее, что онъ далѣе и доказываетъ.

В. *Ин.* Даже и тѣ, которые все либо слагаютъ, либо раздѣляютъ, то приводя въ одно, и изъ одного вывода стихіи беспредѣльныя, то въ стихіяхъ различая предѣлы, и изъ нихъ производя сложное,—все равно, преимственно ли это бываетъ, по ихъ мнѣнію, или совершается всегда,—во всѣхъ этихъ случаяхъ они не говорили бы ничего, если нѣтъ никакого смѣшенія.

Тезт. Правильно.

Ин. Да и тѣ смѣшнѣе всего относились бы къ дѣлу, которые никакъ не хотятъ допустить, что одно получаетъ названіе отъ пріобщившагося ему своимъ свойствомъ другаго.

С. *Тезт.* Какъ?

Ин. Такъ, что въ отношеніи ко всему они принуждены употреблять слова: *быть*, *особо*, *иные*, и множество другихъ, отъ которыхъ не имѣя силъ отдѣлаться и не вносить ихъ въ свою рѣчь, не нуждаются въ иныхъ обличителяхъ, но, по пословицѣ ¹, врага и противника встрѣчаютъ дома, и ходятъ, какъ бы всегда нося въ себѣ страннаго провѣщателя Эврикла.

Д. *Тезт.* То, что говоришь, очень правдоподобно и истинно.

Ин. Что же? допустимъ ли, что все имѣетъ способность находиться во взаимномъ общеніи?

Тезт. Это-то положеніе могъ бы опровергнуть и я.

¹ Выраженіе «домашній врагъ» имѣло у грековъ значеніе proverbіальное и употреблялось тогда, когда кто самъ былъ причиною постигшаго его зла. Здѣсь пословица эта примѣняется къ философамъ, которые въ своихъ умствованіяхъ спутываются собственными своими основоположеніями. Эвриклъ, по Схоласти (Ad h. l.), былъ древній чревоѣщатель и представляетъ тѣхъ, которые сами себѣ предсказываютъ зло. Чревоѣщателемъ называется человекъ, предсказывающій чревомъ: такимъ, говоритъ Схоластъ, нѣкоторые почитаютъ нынѣ Пиеона, а по Софоклу, Пиеонъ есть грудовѣщатель (*στερνόμαντις*). По другому объясненію, Эвриклъ носилъ въ своемъ чревѣ какого-то демона, который заставлялъ его предсказывать будущее. Поэтому и назывался онъ *ἐγγαστήριδος*. Предсказавъ однажды кому-то нѣчто неприятое, онъ погибъ бѣдственною смертію (Svidas, in v. *Ἐγγαστήριδος* et in v. *Ἐυρίκλῆς*. Pollux, On. VII, 162. Plutarch. De defectu oracul. p. 313, ed. Nutten).

Ин. Чѣмъ?

Тезт. Тѣмъ, что и самое движеніе вовсе остановилось бы, и самое стояніе опять двигалось бы, если бы они присообщались одно къ другому. Между тѣмъ это-то,—движенію стоять и стоянію двигаться,—по крайней необходимости, невозможно.

Ин. Какъ не невозможно. Такъ остается только третіе.

Тезт. Да.

Ин. И точно, изъ этого необходимо-то что нибудь одно: Е. смѣшиваться хотеть или все, или ничто; или иное хотеть, а другое нѣтъ.

Тезт. Какъ же иначе.

Ин. Но два-то первыхъ случая найдены невозможными.

Тезт. Да.

Ин. Стало быть, всякій желающій отвѣчать правильно изъ трехъ положить послѣднее.

Тезт. Совершенно вѣрно.

Ин. Если же одно хотеть это дѣлать, другое не хотеть, то здѣсь будетъ то же, что бываетъ съ буквами; ибо и изъ 253. нихъ однѣ не приходятъ во взаимное сочетаніе, а другія сочетаются.

Тезт. Какъ же иначе.

Ин. Но гласныя-то, преимущественно предъ другими, чрезъ всѣ идутъ какъ бы связью; такъ что, безъ одной изъ нихъ, прочія не могутъ быть сочетаваемы между собою.

Тезт. И очень-таки.

Ин. Такъ вотъ всякій ли знаетъ, которыя съ которыми могутъ приходить въ общеніе, или намѣревающемуся дѣлать это удовлетворительно нужно искусство?

Тезт. Нужно искусство.

Ин. Какое?

Тезт. Грамматика.

Ин. Что же? не то ли самое относительно звуковъ острыхъ В. и тяжелыхъ? И съ помощію искусства знающій, которые изъ нихъ смѣшиваются, которые нѣтъ, есть музыкантъ, а не знающій этого—не музыкантъ.

Тезт. Такъ.

Ин. Подобное этому найдемъ мы и по другимъ искусствамъ и безыскусственностямъ.

Тезт. Какъ не найти.

Ин. Что же? Такъ какъ мы согласились, что въ такомъ же смѣшеніи между собою находятся и роды, то не съ знаніемъ ли какимъ нибудь необходимо идти въ своихъ разсужденіяхъ тому, кто намѣренъ правильно показать, которые изъ родовъ съ которыми согласуются, и которые одинъ другаго не принимаютъ? Притомъ всею ли своею природою с. они взаимно держатся, чтобы имѣть возможность смѣшиваться между собою? И опять, въ дѣленіяхъ,—чрезъ все ли цѣлое дѣйствуютъ другія причины дѣленія?

Тезт. Какъ не требоваться знанію; можетъ быть, нужно даже и важнѣйшее.

Ин. Какое же такое назовемъ опять, Тезететь? Или,—ради Зевса,—не натолкнулись ли мы невзначай на знаніе людей свободныхъ, и ища софиста, не нашли ли, должно быть, сперва философа?

Тезт. Какъ ты говоришь?

Д. *Ин.* Дѣлить предметъ на роды, и какъ того же вида не почитать другимъ, такъ и другаго—тѣмъ же,—не есть ли, скажемъ, дѣло знанія діалектическаго?

Тезт. Да, скажемъ.

Ин. Посему человекъ-то, способный дѣлать ¹ это, до-

¹ Философъ опредѣляетъ четыре обязанности діалектика: во первыхъ, онъ долженъ видѣть, что однимъ родомъ объемлются многія части, изъ которыхъ каждая отдѣлена и какъ бы обособлена отъ прочихъ; во вторыхъ, ему надобно замѣчать, что тѣ взаимно обособленные части извнѣ связаны однимъ родомъ, какъ бы общимъ союзомъ; въ третьихъ, онъ долженъ понять, что каждая часть чрезъ видовыя многія соединена съ однимъ; въ четвертыхъ, наконецъ, ему слѣдуетъ постигать своимъ чувствомъ, что многія части до нѣкоторой степени раздѣлены и обособлены. Это мѣсто не очень трудно для уразумѣнія. Здѣсь дѣло идетъ о сходствѣ и различіи понятій, которыхъ познаваніемъ съ этой стороны опредѣляется превосходство діалектика. Сходство понятій условливается первыми двумя положеніями: отъ діалектика требуется, то есть, чтобы онъ видѣлъ не только то, какое общее понятіе господствуетъ въ отдѣльныхъ, взаимно различ-

статочно различаетъ, во первыхъ, одну идею, распростертую всюду чрезъ многое, оставляя въ сторонѣ отдѣльныя единицы; во вторыхъ, многія, взаимно различныя, содержащая одною извнѣ; въ третьихъ, опять одну, связанную въ одномъ цѣлостію многихъ, и въ четвертыхъ, многія, особо Е. всюду опредѣленные: это-то значитъ умѣть различать по родамъ, какъ вещи отдѣльныя могутъ сообщаться, и какъ нѣтъ.

Тез. Безъ сомнѣнія.

Ин. Вѣдь діалектичности-то ты, думаю, не припишешь никому иному, кромѣ человѣка, философствующаго ¹ чисто и справедливо.

ныхъ и обособленныхъ видахъ, но и то, какіе виды или части заключаются въ общемъ родѣ. Вѣдь *ιδέα μία* есть понятіе рода, которое, заключаая въ себѣ подчиненныя части, называется *πάντη διατεταμένη διὰ πολλῶν*, поколику *τὰ πολλὰ* суть виды или части рода, какъ *Phileb.* p. 25 C—32 E. Такъ, p. 253 A и 255 E говорится: *χωρεῖν διὰ πάντων* и *διέρχασθαι διὰ πάντων*. *Μερον.* p. 74 A: *τὴν μίαν ἀρετὴν, ἣ διὰ πάντων τούτων ἐστίν, οὐ δυνάμεθα ἀνευρεῖν*. Подобнымъ образомъ и наоборотъ, *αἱ πολλὰ ἰδέαι*, т. е. отдѣльныя части общаго понятія, должны извнѣ *ὕπὸ μίας περιέχεσθαι*, что, конечно, не требуетъ объясненія. Но на діалектикѣ лежитъ еще обязанность разсматривать различіе понятій, что опять бываетъ двоякимъ образомъ: во первыхъ, *μία ἰδέα δι' ὄλων πολλῶν ἐν ἐνὶ ζυγημένῃ ἐστὶ*; во вторыхъ, *πολλὰ χωρὶς πάντη διωρισμένα ἐσὶν*. Здѣсь прежде всего надобно разсмотрѣть, что такое *τὰ ὅλα πολλὰ*. По нашему мнѣнію, этимъ словомъ означаются какъ отдѣльныя вещи, или недѣлимыя, такъ и подчиненныя всякой идеѣ или всякому понятію виды, которые въ указанномъ мѣстѣ Филеба называются *τὰ ἀπερα*, а въ Федонѣ и другихъ діалогахъ Платона *τὰ πολλὰ ἴσα*, *τὰ πολλὰ δίκαια*, *τὰ πολλὰ καλά* и т. п. И такъ, элеецъ требуетъ отъ діалектика, чтобы онъ смотрѣлъ на идею саму по себѣ, независимо отъ ея рода, и притомъ *δι' ὄλων πολλῶν ἐν ἐνὶ ζυγημένῃ*, т. е. въ связи со всѣми подчиненными ей частями, составляющими въ ней одно. Но поколику идея такимъ образомъ разсматривается,—разсматривается, конечно, по себѣ, а не какъ *διὰ πολλῶν διατεταμένη ἐστίν*; стало быть, полагается отдѣльно отъ другихъ. Между тѣмъ можно еще разсматривать ее не только *μίαν ἰδέαν ὡς ἐν ἐνὶ ζυγημένῃ*, но и *πολλὰς χωρὶς πάντη διωρισμένας*,—можно, то есть, обособленные виды сравнивать и различать, что также лежитъ на обязанности діалектика, чтобы онъ не смѣшивалъ несходнаго.

¹ Здѣсь и на сгр. 254 В Платонъ прикровенно показываетъ, что онъ будетъ еще говорить о философѣ,—какое его намѣреніе открытѣе уже высказано въ Политикѣ, p. 257 А. И такъ какъ это самое искусство рассуждать, описанное теперь элейцемъ, дѣйствительно въ Парменидѣ, то мы не сомнѣваемся, что діалогъ, извѣстный подъ именемъ Парменида, можетъ быть озаглавленъ названіемъ «Философа», или «Истиннаго діалектика».

Тезт. Да какъ приписалъ бы кто иному?

Ин. А философа въ такомъ какомъ нибудь мѣстѣ найдемъ
254. мы и теперь, и послѣ, если будемъ искать. Трудно, правда, ясно видѣть и его; но трудность относительно софиста представляется подъ инымъ образомъ, чѣмъ трудность относительно этого.

Тезт. Какъ?

Ин. Убѣжавши во тьму не существующаго, съ которою свыкся, софистъ, по темнотѣ этого мѣста, съ трудомъ усматривается умомъ. Не такъ ли?

Тезт. Походить.

Ин. Напротивъ, философъ, приближаясь всегда мыслию къ идеѣ существующаго, никакъ не поддается опять зрѣнію отъ ослѣпительнаго свѣта своей области; потому что очи В. души у толпы не могутъ выдерживать взгляда на божественное.

Тезт. И это, вѣроятно, такъ,—не меньше, чѣмъ то.

Ин. Посему этого авось разсмотримъ мы яснѣе, если еще захочется намъ; а что касается софиста, то явно, что не надобно оставлять его, пока не высмотримъ достаточно.

Тезт. Ты хорошо сказалъ.

Ин. Такъ какъ мы согласились, что одни роды готовы вступать во взаимное общеніе, а другіе нѣтъ, и притомъ С. одни немного, другіе много, а инымъ ничто не мѣшаетъ сообщаться со всѣми всѣмъ своимъ составомъ, то, послѣ этого, обратимся своимъ словомъ къ разсматриванію—не всѣхъ видовъ, чтобы не испугаться ихъ множества, но изберемъ нѣкоторые изъ такъ называемыхъ величайшихъ,—и покажемъ: во первыхъ, какіе именно эти виды; потомъ, какая свойственна имъ способность взаимнаго общенія. И затѣмъ если мы и не будемъ въ состояніи понять со всею ясностію, чтò такое существующее и не существующее, то, по крайней мѣрѣ, относительно ихъ не ощутимъ недостатка въ доводахъ, сколько это возможно при способѣ нынѣшняго изслѣдованія,—лишь бы только позволили намъ, когда мы будемъ говорить

о не существующемъ, что оно дѣйствительно не существуетъ, удалиться невредимыми.

Тезт. Да, надобно.

Ин. И такъ, величайшіе изъ родовъ у насъ—тѣ, о которыхъ мы теперь только разсуждали: это—само существующее, стояніе и движеніе.

Тезт. И очень.

Ин. Но два-то изъ нихъ, говоримъ, не смѣшиваются между собою.

Тезт. Совершенно справедливо.

Ин. Существующее же смѣшивается съ обоими; потому что оба они существуютъ.

Тезт. Какъ не существовать!

Ин. Такъ ихъ три.

Тезт. Какъ же.

Ин. И каждое изъ нихъ отъ двухъ-то отлично, а само съ собою тождественно.

Тезт. Такъ.

Е.

Ин. Что же такое теперь называемъ мы тождественнымъ и отличнымъ? Есть ли это какіе либо два рода, отличные отъ тѣхъ трехъ, но всегда необходимо съ ними смѣшивающіеся, такъ что надобно разсматривать не три, а пять дѣйствительныхъ родовъ,—или мы сами не замѣчаемъ, что это тождественное и отличное называемъ какъ нѣчто изъ тѣхъ? 255.

Тезт. Можетъ быть.

Ин. Но движеніе-то и стояніе отнюдь не есть ни отличное, ни тождественное.

Тезт. Какъ?

Ин. То, что къ движенію и стоянію придаемъ мы общаго ¹, не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ изъ нихъ.

¹ Къ тѣмъ тремъ родамъ, положеннымъ выше, то есть къ сущему, движенію и стоянію, изъ которыхъ каждый тождественъ самъ съ собою и отличенъ отъ другихъ, философъ придаетъ еще два высшихъ рода или свойства: отличное и тождественное. Эти два рода, говорить, отличны отъ прежнихъ, и свое положеніе доказываетъ такъ. Во первыхъ, если бы тождество или отличіе не отличались

Тезт. Почему же?

Ин. И движеніе станеть, и стояніе опять будетъ двигаться; потому что которое нибудь изъ обоихъ, сдѣлавшись дру-
В. гимъ изъ нихъ, заставитъ это другое, принявшее противное, переимѣниться въ противную ему природу.

Тезт. Совершенно такъ.

Ин. И вотъ оба они причастны тождественному и отличному.

Тезт. Да.

Ин. Поэтому ни движенія-то, ни стоянія опять мы не назовемъ тождественнымъ или отличнымъ.

Тезт. Конечно, не назовемъ.

Ин. Но не должно ли существующее и тождественное разумѣть какъ нѣчто одно?

Тезт. Можетъ быть.

Ин. Если же существующее и тождественное не будутъ означать ничего различнаго, то движеніе опять и стояніе

отъ стоянія или движенія, то не было бы ни стоянія, ни движенія: ибо быть не можетъ, чтобы какая нибудь вещь была та же и другая; а если бы не различались между собою бытіе и тождество, то стояніе и движеніе были бы одно и то же, потому что тогда бытіе могло бы находиться въ той же вещи вмѣстѣ съ родомъ или стоянія или движенія. Но и различіе не можетъ быть тѣмъ же, что бытіе; ибо различіе всегда приписывается какой нибудь вещи, какъ скоро вещь сравнивается съ другими, отличными отъ ней вещами; между тѣмъ сущее есть сущее само по себѣ, а не чрезъ другія сущія. Отсюда слѣдуетъ, что родъ различія очень много отличается отъ природы бытія, движенія, стоянія и тождества, и какъ бы распределенъ по всѣмъ вещамъ, если только многія вещи не могутъ быть тѣми же. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія еще не довольно ясны; поэтому постараемся объяснить дѣло примѣромъ. Положимъ, живетъ нѣкто, по имени Семпроній. Поколику дѣйствительно существуетъ, онъ причастенъ той *δύναμις*, и ему надобно приписать или стояніе или движеніе, потому что онъ или стоитъ или движется,—слѣдовательно, причастенъ идеѣ движенія или стоянія. Кроме того, онъ и тотъ же, и согласенъ самъ съ собою; и потому приходитъ въ общеніе тождества. Наконецъ, онъ же различенъ отъ прочихъ людей и вещей,—слѣдовательно, причастенъ различія. Изъ всего этого вытекаетъ, что природа не существующаго никакъ не противна существующему: потому что существованіе его не отрицается, а полагается только, что оно не таково, какъ сущее, есть нѣчто отъ сущаго отличное, значитъ, только относительно отрицается. Такъ, напримѣръ, говоря, что человѣкъ не есть звѣрь, мы этимъ выражаемъ только то, что человѣкъ отличенъ отъ звѣря, а самая сила природы его не уничтожается.

называя обоими, мы эти оба, какъ существующія, назовемъ С. такъ-то тѣмъ же самымъ.

Тезт. Но это-то невозможно.

Ин. Стало быть, невозможно, чтобы тождественное и существующее были одно.

Тезт. Близко къ этому.

Ин. Такъ тождественное не считать ли четвертымъ видомъ, сверхъ трехъ?

Тезт. Конечно.

Ин. Что же? Отличное-то не назвать ли ужъ пятымъ? Или это и существующее надобно понимать какъ нѣкоторыхъ два имени въ одномъ родѣ?

Тезт. Едва ли не такъ.

Ин. Но ты, думаю, согласишься, что, изъ существующаго, одно существуетъ само по себѣ, а другое называется существующимъ всегда относительно.

Тезт. Почему не согласиться.

Ин. Другое всегда въ отношеніи къ другому. Не такъ ли? D.

Тезт. Такъ.

Ин. Не совсѣмъ,—какъ скоро существующее и отличное различались не вполне: напротивъ, если бы отличное приобщилось обоимъ видамъ, какъ существующее,—то было бы иногда что либо изъ различнаго различно и не въ отношеніи къ другому различному; теперь же у насъ, просто, что бы ни было различно, этому различному по необходимости пришлось различаться отъ существующаго.

Тезт. Ты говоришь, какъ есть на дѣлѣ.

Ин. Такъ природу отличнаго надобно называть пятымъ видомъ, и она находится въ тѣхъ видахъ, которые мы предъ- E. избрали.

Тезт. Да.

Ин. И она, скажемъ, разошлась по всѣмъ имъ; потому что каждое одно различается отъ другихъ не своею природою, а тѣмъ, что оно причастно идеи отличнаго.

Тезт. Совершенно справедливо.

Ин. Такъ вотъ какъ заключимъ мы о пяти видахъ, перебирая ихъ по одиночкѣ.

Тезт. Какъ?

Ин. Во первыхъ, движеніе совершенно отлично отъ стоянія. Или какъ скажемъ?

Тезт. Такъ.

Ин. Стало быть, оно не стояніе.

Тезт. Никакъ не стояніе.

256. *Ин.* И, чрезъ общеніе существующаго, конечно, есть.

Тезт. Есть.

Ин. И опять, съ другой стороны, движеніе отлично отъ тождественнаго.

Тезт. Вблизи къ этому.

Ин. Стало быть, не тождественно.

Тезт. Конечно, нѣтъ.

Ин. Однакожь оно-то, чрезъ общеніе опять съ тождественнымъ, было тождественно.

Тезт. И очень.

Ин. Такъ надобно согласиться, не огорчаясь, что движеніе тождественно и не тождественно; ибо, сказавъ, что оно тождественно и не тождественно, мы выразили это не подобнымъ образомъ: но, поколику оно тождественно,—говорили в. такъ, имѣя въ виду причастіе тождественнаго самому себѣ; а когда не тождественно,—разумѣли общеніе съ нимъ отличнаго, для каковаго общенія, отступивъ отъ тождественности, оно стало не тѣмъ, а другимъ,—такъ что правильно опять говорится, что оно не то же.

Тезт. Конечно.

Ин. Поэтому, если бы самое движеніе какъ нибудь и приобщилось стоянію, не было бы ничего страннаго называть его устойчивымъ.

Тезт. Да и весьма правильно, какъ скоро мы допустили, что изъ родовъ одни готовы смѣшиваться между собою, а другіе—нѣтъ.

Ин. Притомъ къ доказательству этого-то положенія мы

пришли прежде, чѣмъ къ теперешнимъ, съ своимъ обличеніемъ, что такъ бываетъ по природѣ.

Тезт. Какъ же иначе.

Ин. Скажемъ же, опять: движеніе различно отъ различія, поколику отличалось отъ тождественности и стоянія.

Тезт. Необходимо.

Ин. Стало быть, по теперешнему-то изслѣдованію, оно и не отлично какимъ-то образомъ, и отлично.

Тезт. Правда.

Ин. Такъ что же послѣ сего? Согласившись въ пятеричномъ числѣ видовъ, при которыхъ и относительно которыхъ предъ D. положили вести изслѣдованіе, отъ трехъ-то движеніе, скажемъ, различно, а отъ четвертаго—не скажемъ?

Тезт. Какъ же это? Вѣдь нельзя допустить числа, меньшаго въ сравненіи съ тѣмъ, которое сейчасъ вышло на видъ.

Ин. Стало быть, мы будемъ смѣло настаивать своимъ словомъ, что движеніе различно отъ существующаго?

Тезт. Даже весьма смѣло.

Ин. Такъ не ясно ли, что движеніе, если оно причастно существующему, дѣйствительно есть не существующее и существующее?

Тезт. И весьма ясно.

Ин. Стало быть, не существующее, необходимо, есть и въ движеніи, и по всѣмъ родамъ; ибо природа отличнаго, повсюду выработавшись, какъ отличная отъ существующаго, каждую особность дѣлаетъ не существующимъ. Поэтому-то E. и все вообще, правильно скажемъ, есть не существующее,—хотя опять-таки, приобщаясь существующему, оно также и существуетъ.

Тезт. Должно быть.

Ин. Поэтому, въ каждомъ изъ видовъ, существующее, по своему бытію, широко, а не существующее, по множеству, безпредѣльно.

Тезт. Походитъ.

257. *Ин.* Не слѣдуетъ ли и само существующее называть различнымъ отъ прочихъ видовъ?

Тезт. Необходимо.

Ин. Стало быть, и существующаго у насъ столько разъ нѣтъ, сколько есть прочихъ видовъ; ибо, не будучи этими, оно одно, прочіе же, въ которыхъ его нѣтъ, по числу, безпредѣльны.

Тезт. Почти такъ.

Ин. Такъ не должно огорчаться и этимъ, если природа родовъ находится во взаимномъ общеніи. А кто не допускаетъ этого, тотъ пусть разувѣритъ насъ въ прежнихъ нашихъ положеніяхъ: тогда разувѣритъ и въ тѣхъ, которыя слѣдуютъ послѣ сего.

Тезт. Ты сказалъ весьма справедливо.

В. *Ин.* Взглянемъ же и вотъ на что.

Тезт. На что?

Ин. Говоря о не существующемъ, мы говоримъ, какъ видно, не о чемъ нибудь противномъ существующему, а только о различномъ.

Тезт. Какъ?

Ин. Напримѣръ, когда мы говоримъ, что нѣчто не велико; тогда, своимъ словомъ, больше ли, кажется тебѣ, выражаемъ мы маленькое, чѣмъ равное?

Тезт. Какъ это можно!

Ин. Стало быть, когда высказываютъ отрицаніе, мы допустимъ, что этимъ означается не противное, а только нѣчто иное,—что выражаютъ частицы *не* и *чтобъ не*, постав-
С. ляемыя предъ слѣдующими далѣе именами, или, лучше, предъ вещами, примѣнительно къ которымъ полагаются произносимыя впослѣдствіи имена отрицанія.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Размыслимъ и вотъ о чемъ,—покажется ли и тебѣ.

Тезт. О чемъ?

Ин. Природа отличнаго мнѣ представляется разчлененною, подобно знанію.

Тезт. Какъ?

Ин. Одна, вѣроятно, и она; но часть ея, бывающая въ томъ, что отдѣльно и обособлено, получаетъ какое нибудь собственное свое имя. Отсюда произошли названія многихъ Д. искусствъ и знаній.

Тезт. Конечно.

Ин. Поэтому и части природы отличнаго, какъ единой, терпятъ то же самое.

Тезт. Едва ли не то же. Но какъ именно скажемъ мы?

Ин. Какая нибудь часть отличнаго не противоположна ли прекрасному?

Тезт. Противоположна.

Ин. Такъ назовемъ ли ее безыменною, или она имѣетъ какое имя?

Тезт. Имѣетъ; ибо что всякій разъ называемъ мы не прекраснымъ, то различно не отъ чего иного, какъ отъ природы прекраснаго.

Ин. А ну-ка, скажи мнѣ теперь вотъ что.

Тезт. Что такое?

Е.

Ин. Не прекрасному не такъ ли приходится быть, что нѣчто отдѣляется отъ какого нибудь рода вещей существующихъ и опять снова противопоставляется чему нибудь существующему?

Тезт. Такъ.

Ин. Значитъ, не прекрасному приходится быть, какъ видно, противоположностію существующаго существующему.

Тезт. Весьма правильно.

Ин. Такъ что жъ? на этомъ основаніи, къ существующему больше ли относится у насъ прекрасное и меньше—не прекрасное?

Тезт. Нѣтъ.

Ин. Стало быть, не великое и великое само по себѣ надобно называть бытіемъ равномѣрно? 258.

Тезт. Равномѣрно.

Ин. Поэтому и не справедливое должно быть приведено къ

тожеству съ справедливымъ, такъ какъ одному изъ нихъ нисколько не больше свойственно бытіе, чѣмъ другому?

Тезт. Какъ же.

Ин. Такимъ же образомъ будемъ говорить и о прочемъ, если только природа отличнаго оказалась принадлежащею къ вещамъ существующимъ; ибо, когда она существуетъ,—необходимо полагать, что не меньше чего бы то ни было существуютъ и ея части.

Тезт. Какъ не полагать.

Ин. Поэтому, какъ видно, противоположность природы, свойственной части отличнаго, и природы существующаго, В. поколику онѣ поставляются одна противъ другой, ничѣмъ не меньше, можно сказать, есть сущность самого существующаго, означающая не противоположное ему, а только въ нѣкоторой степени различное отъ него.

Тезт. Весьма ясно.

Ин. Такъ чѣмъ же назовемъ ее?

Тезт. Явно, что не существующимъ: она—то самое, чего искали мы, ради софиста.

Ин. Такъ дѣйствительно ли не уступаетъ она въ сущности, какъ ты полагалъ, ничему существующему, и надобно уже смѣло говорить, что не существующее несомнѣнно имѣетъ свою природу? Какъ великое было велико и прекрасное С. было прекрасно, а не великое не велико и не прекрасное не прекрасно: такъ ли и не существующее, потому же, было и есть не существующее, въ значеніи одного численнаго вида изъ многихъ существующихъ? Или въ отношеніи къ нему, Тезтеть, питаемъ мы еще нѣкоторое недоувѣріе?

Тезт. Никакого.

Ин. Знай же, что недоувѣріе къ Пармениду мы простерли далѣе, чѣмъ допускалъ его отказъ.

Тезт. Что это?

Ин. Въ своихъ изслѣдованіяхъ простираясь впередъ, мы доказали ему болѣе, и зашли далѣе той точки, на которой онъ отказался продолжать свои изслѣдованія.

Тезт. Какъ?

Ин. Онъ гдѣ-то сказалъ:

Этого нѣтъ никогда и нигдѣ, чтобъ не сущее было:

Отъ такого пути испытаній сдержи свою мысль.

Тезт. Да, онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ говорить.

D.

Ин. А мы-то не только доказали, что есть не существующее, но и выставили существующій видъ не существующаго: ибо, доказавши природу отличнаго, что она и есть, и раздроблена по всему взаимно существующему, и что каждая часть ея противопоставлена тому, что существуетъ, мы осмѣлились сказать, что это самое и есть дѣйствительно **Е.** не существующее.

Тезт. Да, и мы высказали, иностранецъ, мнѣ кажется, сущую истину.

Ин. Не говори же никто, будто, осмѣливаясь полагать, что не существующее есть, мы выставляемъ его, какъ противное существующему. Вѣдь уже давно говоримъ, что съ чѣмъ либо противнымъ ему,—есть ли оно или нѣтъ, разумно или вовсе не разумно,—мы распрощались. **И** что сказали **259.** теперь о бытіи не существующаго, относительно того пусть или обличить насъ, кто захочетъ, и убѣдить, что мы говоримъ нехорошо, или, пока не будетъ у него силъ, надобно такъ говорить и ему, какъ говоримъ мы,—что роды смѣшиваются между собою, и что, какъ скоро существующее и отличное разошлись по всѣмъ родамъ и одно по другому, различное, приобщившись существующему, чрезъ это общеніе уже есть, хотя есть не то, чему приобщилось, а различное; будучи же инымъ, чѣмъ существующее, оно, по очевидной необходимости, есть не существующее. **И** существующее опять, **В.** приобщившись отличному, должно было сдѣлаться отличнымъ отъ прочихъ родовъ; а будучи не такимъ, каковы всѣ роды, оно не есть ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности, ни всѣ, взятые вмѣстѣ, за исключеніемъ его самого; такъ что существующее, безъ всякаго противорѣчія, становится тысячи тысячъ разъ не существующимъ. Такимъ же образомъ и прочіе роды, взя-

тые порознь и всё вмѣстѣ, въ однихъ отношеніяхъ существуютъ, въ другихъ не существуютъ.

Тезт. Правда.

Ин. Кто не вѣрить этимъ противоположностямъ, тому надобно либо разсмотрѣть дѣло и сказать чтонибудь лучшее С. сказаннаго теперь, либо, придумавъ какъ бы что-то трудное, находить удовольствіе въ томъ, чтобы тянуть свои рѣчи то туда, то сюда,—заниматься дѣломъ, не стоящимъ серьезнаго занятія, какъ свидѣтельствуя объ этомъ нынѣшнія разсужденія. Вѣдь оно и не хитро, да и не трудно это найти; а то и трудно-таки, и вмѣстѣ прекрасно.

Тезт. Что такое?

Ин. То, о чемъ сказано было прежде: допустивъ все это, какъ возможное, быть въ состояніи слѣдовать за тѣмъ, что говорится, и обличать каждую мысль, когда кто отличное D. какимънибудь образомъ называетъ тожественнымъ, а тожественное отличнымъ,—обличать, принимая то и другое такъ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ называющій. Но тожественное какимънибудь образомъ провозглашать отличнымъ, отличное—тожественнымъ, великое—малымъ, подобное—не подобнымъ, и радоваться, что всегда противорѣчишь на словахъ,—это не есть какоенибудь истинное обличеніе; тутъ виденъ новичокъ¹, только еще начинающій знакомиться съ чѣмъ либо существующимъ.

Тезт. Совершенная правда.

¹ Если Платонъ говорить это не вообще, а разумѣть когонибудь изъ тогдашнихъ мыслителей, то не на Эвклида ли мегарскаго падаетъ его обличеніе, или не на сократика ли которагонибудь, вдавшагося въ эристику? Если послѣднее вѣроятно, то всего скорѣе у Платона могъ быть въ виду Антисѣенъ, который, какъ извѣстно, училъ, что о каждой вещи позволительно утверждать только то, за что ручается собственная ея природа: такъ, напр., столъ есть столъ, овощъ есть овощъ, человѣкъ есть человѣкъ. *Aristot. Metaphys. V, 29: διὸ Ἀντισθένης ὧτε εὐθὺς μηδὲν ἀξιῶν λέγεσθαι πλὴν τῷ οἰκείῳ λόγῳ, ἐν ἐφ' ἐνός· ἐξ ὧν συνέβαινε μὴ εἶναι ἀντιλέγειν. Ibid. VIII, 3: ὥστε ἡ ἀπορία, ἣν οἱ Ἀντισθένοι καὶ οἱ οὕτως ἀπέδεικτο ἡ πόρου, ἔχει τινα καιρὸν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ τί ἐστὶν ὀρίσασθαι· τὸν γὰρ ὄρον λόγον εἶναι μακρόν· ἀλλὰ ποῖον μὲν τί ἐστὶν ἐνδέχεσθαι καὶ διδάξαι, ὡς περ ἀργύριον, τί μὲν ἐστὶν, οὐδ', ὅτι δὲ οἶον καττίτερος.*

Ин. Въ самомъ дѣлѣ, добрякъ, все-то братья отдѣлять Е. отъ всего—и вообще странно, да притомъ показываетъ человѣка вовсе чуждаго музыкальности и философіи.

Тезт. Почему же?

Ин. Отрѣшеніе каждаго слова отъ всѣхъ есть совершеннѣйшій способъ уничтоженія рѣчей; потому что рѣчь происходитъ у насъ отъ взаимнаго сплетенія видовъ.

Тезт. Правда.

260.

Ин. Смотри же, какъ, при случаѣ, и теперь боролись мы съ ними и принуждали ихъ смѣшиваться одинъ съ другимъ.

Тезт. Къ чему это?

Ин. Къ тому, что рѣчь у насъ есть одинъ изъ существующихъ родовъ, лишившись котораго,—и это весьма важно,—мы лишились бы философіи. Даже и въ настоящее время нужна намъ рѣчь, чтобы условиться, чтò такое она; и если бы она была отнята у насъ, такъ чтобъ ея вовсе и не было, мы не имѣли бы уже возможности что нибудь говорить: а она была бы отнята, если бы мы допустили, что ничто не В. смѣшивается ни съ чѣмъ.

Тезт. Это-то правильно. Но для чего намъ условливаться теперь касательно рѣчи,—не понимаю.

Ин. А можетъ быть, легче поймешь, слѣдуя этимъ путемъ.

Тезт. Какимъ?

Ин. Ужъ не существующее открылось намъ, какъ нѣкоторый одинъ изъ числа родовъ, разсѣянный по всему существующему.

Тезт. Такъ.

Ин. Послѣ сего надобно рассмотреть, смѣшивается ли оно съ мнѣніемъ и рѣчью.

Тезт. Для чего?

Ин. Если не существующее не смѣшивается съ ними, то всѣ они необходимо истинны, а когда смѣшивается, происходитъ мнѣніе и рѣчь ложная; потому что мнить или говорить не существующее,—это есть ложь, проявляющаяся въ мышленіи и словѣ.

Тезт. Такъ.

Ин. Но гдѣ ложь-то, тамъ заблужденіе.

Тезт. Да.

Ин. А гдѣ заблужденіе, тамъ по необходимости все полно призраковъ, уподобленій и мечтательныхъ представленій.

Тезт. Какъ не полно!

Ин. Но софистъ-то, сказали мы, ушелъ и прячется, въ-роятно, въ этомъ мѣстѣ, запираясь, что лжи вовсе и нѣтъ; D. потому что не существующаго нельзя ни мыслить кому либо, ни говорить,—такъ какъ не существующее не причастно ни-гдѣ никакой сущности.

Тезт. Это было.

Ин. А теперь-то оказалось, что оно причастно существующему; и противъ этого онъ, можетъ быть, уже не захочетъ бороться, но пожалуй скажетъ, что изъ видовъ одни причастны не существующему, другіе нѣтъ, и что рѣчь и мнѣніе относятся къ непричастнымъ ему. Стало быть, онъ можетъ опять вступить въ борьбу на счетъ искусства производить призраки и мечты, которымъ, говоримъ, занимается, и доказывать, что его вовсе нѣтъ, такъ какъ мнѣніе и рѣчь не имѣютъ общенія съ не существующимъ; ибо если этого общенія на дѣлѣ не устанавливается, то ложь совершенно невозможна. Посему надобно, во первыхъ, изслѣдовать мнѣніе и мечту, что такое они, чтобы, по открытіи 261. этого, мы могли замѣтить общеніе ихъ съ не существующимъ; замѣтивши это, доказать бытіе лжи, а доказавъ ея бытіе, связать въ ней софиста, если онъ окажется виновнымъ, либо, освободивши, искать его въ иномъ родѣ.

Тезт. Видно, очень и очень справедливо, иностранецъ, что о софистѣ сказано было сначала,—что, то есть, этотъ родъ неуловимъ. Вотъ теперь открывается, что у него тьма оборонъ, и когда онъ противопоставляетъ которуюнибудь, необходимо напередъ преодолѣть ее, пока дойдешь до него самого. Вѣдь едва кончили мы сейчасъ съ оборонительнымъ B. положеніемъ, что не существующаго нѣтъ,—какъ является

другая оборона, и настоятъ надобность доказывать, что ложь есть, говорить о рѣчи, о мнѣніи; а за этимъ, можетъ быть, явится другое, за другимъ третіе,—и конца, какъ видно, никогда не представится.

Ин. Мужество, Теэтеть, нужно всякому, кто всегда можетъ хоть немного подвигаться впередъ; ибо малодушествующій-то въ этомъ чтò сдѣлаеть въ другихъ случаяхъ, когда дѣло или не общаетъ успѣха, или даже отталкиваетъ опять назадъ? Такой-то, по пословицѣ, едва ли когда овладѣеть городомъ. Теперь, добрякъ, когда то, о чемъ говоришь, С. покончено, намъ предстоитъ взять самую большую стѣну; другія будутъ легче и меньше.

Теэт. Ты хорошо говоришь.

Ин. И такъ, возьмемся сперва, какъ сейчасъ сказано, за рѣчь и мнѣніе, чтобы яснѣйшимъ образомъ дать себѣ отчетъ, касается ли ихъ не существующее, или то и другое изъ нихъ совершенно истинно, и лжи нѣтъ никакой ни въ которомъ.

Теэт. Правильно.

Ин. Давай же, какъ говорили мы о видахъ и буквахъ, D. тѣмъ же способомъ разсмотримъ опять имена; потому что искомое откроется намъ какъ-то такъ.

Теэт. На что же именно, въ разсужденіи именъ, надобно обратить вниманіе?

Ин. Всѣ ли они взаимно согласуются, или ни одно, или одни хотятъ этого, а другія не хотятъ?

Теэт. Это-то явно, что одни хотятъ, другія—нѣтъ.

Ин. Можетъ быть, ты говоришь то, что одна, будучи произносимы рядомъ и выражая нѣчто, согласуются, а е. тѣ, которыя своимъ соединеніемъ не означаютъ ничего, не согласуются.

Теэт. Какъ, что это сказалъ ты?

Ин. То, чтò, по моему предположенію, ты понималъ, когда согласился со мною. Вѣдь у насъ есть два рода словесныхъ выраженій относительно сущности.

Тезт. Какъ?

262. *Ин.* Одинъ называется именами, другой—глаголами ¹.

Тезт. Скажи о томъ и другомъ.

Ин. Одно выраженіе, прилагаемое къ дѣйствіямъ, мы называемъ глаголомъ.

Тезт. Да.

Ин. А знакъ-то голоса, прилагаемый къ тому самому, что производитъ дѣйствія, есть имя.

Тезт. Совершенно такъ.

Ин. Но изъ однихъ непрерывно произносимыхъ именъ, равно какъ и изъ глаголовъ, произнесенныхъ отдѣльно отъ именъ, никогда не бываетъ рѣчи.

Тезт. Этого я не понялъ.

В. *Ин.* Явно, стало быть, что ты, смотря на что нибудь другое, недавно согласился со мною;—вѣдь я хотѣлъ сказать это самое, что одни имена или глаголы, непрерывно произносимые, не суть рѣчь.

Тезт. Какъ?

Ин. Напримѣръ, *идеть, бѣжитъ, спить*, и прочіе глаголы, означающіе дѣйствіе, хотя бы кто пересказалъ ихъ всѣ по порядку, не составятъ никакой рѣчи.

Тезт. Какъ составить!

С. *Ин.* Подобнымъ образомъ, когда говорятъ: *левъ, олень, лошады*,—сколько бы ни было произнесено именъ, производящихъ дѣйствія, при такомъ ихъ соединеніи, изъ нихъ не составитя рѣчи; потому что произносимое, ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ случаѣ, не можетъ выражать никакого дѣйствія или недѣйствія, никакой сущности суще-

¹ Разсуждая объ этомъ предметѣ, Плутархъ (Quaest. Plat. X, p. 1019) спрашиваетъ: всѣ ли стихіи языка Платонъ разумѣлъ подъ глаголами и именами?—и этотъ вопросъ рѣшаетъ такъ: по мнѣнію Платона, глаголы и имена не составляютъ собою всѣхъ частей рѣчи, но суть только части главные. О прочихъ стихіяхъ онъ не упоминаетъ потому, что ими означаются не вещи и дѣйствія, а только отношенія вещей и дѣйствій. Впрочемъ, у древнихъ грамматиковъ было почти общее мнѣніе, что есть только двѣ части рѣчи: имя и глаголь (P r i s c i a n. Art. grammat. II, 4, 15, p. 66).

ствующаго или не существующаго, пока кто нибудь не смѣшаетъ именъ съ глаголами. Тогда приходятъ они въ согласіе, и первое сплетеніе ихъ тотчасъ становится рѣчью;— по крайней мѣрѣ, изъ рѣчей, это первая и малѣйшая.

Тезт. Какъ бы, напримѣръ, такимъ-то образомъ?

Ин. Пусть бы кто сказалъ: *человѣкъ учится*; не назвалъ ли бы ты этого самую малою и первою рѣчью?

Тезт. Назвалъ бы.

D.

Ин. Въдь тогда онъ выразилъ бы уже свою мысль относительно существующаго, бывающаго, бывшаго или будущаго, и не только наименовалъ бы что нибудь, но, сплестши глаголы съ словами, и ограничилъ бы наименованное. Посему мы и сказали, что онъ тогда говоритъ, а не просто называетъ, и этому сплетенію дали имя рѣчи.

Тезт. Правильно.

Ин. Такимъ-то образомъ, какъ изъ вещей однѣ между собою соглашаются, другія нѣтъ, такъ бываетъ и съ знаками голоса: одни не приходятъ въ согласіе, другія приходятъ, и составляютъ изъ себя рѣчь.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но вотъ еще маленькое замѣчаніе.

Тезт. Какое?

Ин. Рѣчи, когда она есть, необходимо касаться чего нибудь; не касаться ничего ей невозможно.

Тезт. Такъ.

Ин. Не должно ли быть ей и какою нибудь?

Тезт. Какъ не должно!

Ин. Обратимъ же вниманіе на самихъ себя.

Тезт. Конечно, надобно.

Ин. Я скажу тебѣ рѣчь, посредствомъ имени и глагола сложивши вещь съ дѣйствиемъ; а ты скажи мнѣ, чего она касается.

Тезт. По возможности, такъ и будетъ.

263.

Ин. «Тезетъ сидитъ». Эта рѣчь, полагаю, не длинна?

Тезт. Нѣтъ, напротивъ, умѣренна.

Ин. Такъ твое дѣло сказать, о чемъ она, и чего касается.

Тезт. Явно, что о мнѣ, и меня.

Ин. А что опять эта?

Тезт. Какая?

Ин. «Тезтетъ, съ которымъ я теперь разговариваю, летитъ».

Тезт. И эту не иначе можно называть, какъ касающуюся меня и говорящую обо мнѣ.

Ин. Но мы полагаемъ, что каждая изъ рѣчей бываетъ в. какова нибудь.

Тезт. Да.

Ин. Такъ изъ этихъ какую надобно признавать ту и другую?

Тезт. Одну, вѣроятно, ложною, другую—истинною.

Ин. Истинная изъ нихъ говоритъ о тебѣ существующее, какъ оно есть.

Тезт. Какъ же.

Ин. А ложная—отличное отъ существующаго.

Тезт. Да.

Ин. Стало быть, говорить не существующее, какъ существующее.

Тезт. Почти.

Ин. То есть, изъ существующаго-то относить къ тебѣ не то существующее. Вѣдь мы положили, что относительно каждой вещи есть много существующаго, много и не существующаго.

Тезт. Совершенно такъ.

с. *Ин.* А послѣдняя рѣчь, которую я сказалъ о тебѣ,—судя по нашему опредѣленію, что такое рѣчь,—во первыхъ, по необходимости, должна быть одна изъ кратчайшихъ.

Тезт. Въ этомъ-то мы теперь уже согласились.

Ин. Далѣе же,—касается чего нибудь.

Тезт. Такъ.

Ин. Если не тебя, то никого болѣе.

Тезт. Какъ же.

Ин. А когда не касается ничего,—она вовсе и не рѣчь;

ибо мы заявили, что рѣчь, не касающаяся ничего, относится къ вещамъ невозможнымъ.

Тезт. Весьма правильно.

Ин. И такъ, говоримое о тебѣ другое, какъ то же, и не существующее, какъ существующее,—совершенно такое, какъ видно, соединеніе глаголовъ и именъ есть дѣйствительно и истинно ложная рѣчь.

Тезт. Весьма справедливо.

Ин. Что же сказать теперь о мысли, мнѣніи и мечтѣ? Не явно ли уже, что эти роды, ложные и истинные, всё находятся въ нашихъ душахъ?

Тезт. Какъ?

Ин. Легче узнаешь такъ, если сперва примешь, что такое эти явленія и чѣмъ различаются они между собою, взятыя е. порознь.

Тезт. Только давай.

Ин. Разсудокъ и рѣчь—не то же ли, кромѣ того только, что разсудкомъ названъ у насъ внутренній разговоръ души съ собою, происходящій безгласно?

Тезт. Конечно.

Ин. Идущій же отъ него чрезъ уста потокъ звуковъ наименованъ рѣчью.

Тезт. Правда.

Ин. Впрочемъ въ рѣчахъ-то, знаемъ, находится вотъ что.

Тезт. Что такое?

Ин. Положеніе и отрицаніе.

Тезт. Знаемъ.

Ин. Но такъ какъ положеніе и отрицаніе производятся въ душѣ молча, разсудкомъ, то можешь ли назвать это чѣмъ либо, кромѣ мнѣнія? 264.

Тезт. Да какъ же иначе?

Ин. Но что, если такое опять впечатлѣніе воздѣйствовало въ комъ не само по себѣ, а чрезъ чувства: можно ли правильно назвать его чѣмъ инымъ, кромѣ представленія?

Тезт. Ничѣмъ.

Ин. Такъ если рѣчь была истинная и ложная; если, въ связи съ тою и другою, разсудокъ показался намъ какъ разговоръ души съ собою; если мнѣніе есть заключеніе раз-
в. судка, а то, что мы выражаемъ словомъ *представляется*, есть смѣсь чувства и мнѣнія: то необходимо, что и изъ этихъ сродныхъ съ рѣчью сущностей нѣкоторыя иногда бываютъ ложны.

Тезт. Какъ не бывать.

Ин. Замѣчаешь ли теперь, что ложное мнѣніе и ложная рѣчь нашлись у насъ гораздо скорѣе, чѣмъ мы ожидали; а между тѣмъ недавно боялись, какъ бы, ища этого, не вдать-ся въ дѣло совершенно безнадежное?

Тезт. Замѣчаю.

Ин. Не будемъ же малодушны и въ отношеніи къ осталь-
с. ному. Такъ какъ это теперь открылось, то припомнимъ прежнія дѣленія на виды.

Тезт. Какія?

Ин. Искусство образотворное мы раздѣлили на два вида: на искусство уподобительное и искусство фантастическое.

Тезт. Да.

Ин. И говорили, что недоумѣваемъ, къ которому отнести софиста.

Тезт. Было такъ.

Ин. Когда же находились мы въ недоумѣніи, насъ окружилъ еще большій мракъ, какъ скоро рѣчь стала возражать на все,—что вовсе нѣтъ ни подобій, ни образовъ, ни фан-
д. томовъ, потому что никакъ, никогда и нигдѣ нѣтъ лжи.

Тезт. Ты правду говоришь.

Ин. Но теперь-то,—какъ скоро открылось, что и рѣчь, что и мнѣніе бываютъ ложными,—находятъ у насъ мѣсто подражанія существующему, равно какъ и происходящее при такихъ условіяхъ искусство вводить въ обманъ.

Тезт. Находятъ.

Ин. А что софистъ занимается которымъ нибудь изъ тѣхъ двухъ искусствъ,—въ этомъ согласились мы прежде.

Тезт. Да.

Ин. Возьмемся же опять, по разсѣченіи предложеннаго рода надвое, постоянно идти къ части отсѣка, лежащей направо, преслѣдуя общность софиста, пока не отдѣлимъ всего, что въ немъ общаго, и потомъ, получивъ въ остаткѣ собственную его природу, не укажемъ ея особенно самимъ себѣ, а послѣ— и тѣмъ, которые совершенно сроднились съ такимъ способомъ изслѣдованія. 265.

Тезт. Правильно.

Ин. Не съ того ли тогда начали мы, что различили искусство творческое и приобрѣтательное?

Тезт. Да.

Ин. И софистъ не представлялся ли намъ въ охотническомъ, состязательномъ, купеческомъ, и нѣкоторыхъ подобныхъ видахъ искусства приобрѣтательнаго?

Тезт. Конечно.

Ин. А теперъ-то, такъ какъ заключило его въ себѣ искусство подражательное,—явно, что это первое искусство—творческое—надобно раздѣлить надвое; потому что подражаніе, вѣроятно, есть нѣкоторое творчество,—то есть, образовать, в. говоримъ, а не недѣлимыхъ. Не такъ ли?

Тезт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Такъ во первыхъ, пусть будутъ двѣ части искусства творческаго.

Тезт. Какія?

Ин. Одна божественная, другая человѣческая.

Тезт. Еще не понялъ.

Ин. Искусство творческое,—если помнимъ, что говорено было вначалѣ,—все оно, сказали мы, есть сила, служащая причиною вещей, сперва не существовавшихъ, а потомъ происшедшихъ.

Тезт. Помнимъ.

Ин. Такъ, всѣ смертныя животныя и растенія, вырастающія на землѣ изъ сѣмянъ и отъ корней, всѣ неодушевленные тѣла, образующіяся въ землѣ, рожденные и не рожденные,

не кѣмъ инымъ созданныя, какъ Богомъ,—не скажемъ ли, произошли впоследствии, а прежде не существовали? Или воспользуемся учениемъ и словомъ народа?

Тезт. Какимъ?

Ин. Тѣмъ, что создаетъ ихъ природа, отъ какой-то само-бытнoй причины, раждающей безъ разсудка?—А не то, скажемъ, происходящей отъ Бога, и съ умомъ и знаніемъ?

Д. *Тезт.* Я-то, можетъ быть, по моему возрасту, часто хва-лю, попеременно, то и другое. Теперь однакожь, смотря на тебя и предполагая, что, по твоему мнѣнію, все это проис-ходить отъ Бога, такъ и самъ думаю.

Ин. Да и хорошо, Тезтетъ. И если бы даже мы думали, что ты относишься къ числу тѣхъ людей, которые послѣ того мыслятъ какъ нибудь иначе, то теперь взялись бы довести тебя до согласія—словомъ, заставляющимъ необ-ходимо убѣдиться. Но такъ какъ я знаю, что твоя при-рода и безъ моихъ разсужденій, сама по себѣ, пойдетъ туда, куда теперь, говоришь, влечется, то оставлю это; иначе даромъ потеряно было бы время. Полагаю прямо, что приписываемое природѣ творится божіимъ искусствомъ, а устрояемое людьми—человѣческимъ, и на этомъ основаніи допускаю два рода творческаго искусства: одинъ человѣче-скій, другой божескій.

Тезт. Правильно.

Ин. Если же ихъ два, то разсѣки каждый опять надвое.

Тезт. Какъ?

266. *Ин.* Какъ бы все искусство творческое разсѣкалъ ты тогда по широтѣ, а теперь по длинѣ.

Тезт. Разсѣчено.

Ин. Такимъ образомъ, отсюда происходитъ всего четыре части: двѣ, относящіяся къ нашему искусству,—человѣческія, и двѣ, къ искусству боговъ,—божескія.

Тезт. Да.

Ин. При такомъ разнаго рода дѣленіи, одна часть въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ самотворческая, а остальные

почти преимущественно могли бы быть названы образотворческими; и потому искусство творческое дѣлится все-таки надвое.

Тезт. Скажи теперь, что такое обѣ части.

Ин. Мы, конечно, знаемъ, что и сами мы, и прочія животныя, и то, изъ чего они сложились,—огонь, вода и сродное тому,—всѣ эти отдѣльныя произведенія суть порожденія божіи. Или какъ?

Тезт. Такъ.

Ин. Но за этими-то особями слѣдуютъ образы, а не самыя вещи, что дѣлается тоже геніальными силами.

Тезт. Какіе образы?

Ин. Тѣ, которые бывають во снѣ и днемъ, и называются самородными представленіями; напримѣръ, тѣнь, когда при огнѣ является тьма, и образъ двойной, когда свѣтъ свой и с. чужой, сходясь на поверхности свѣтлой и гладкой въ одно, производитъ видъ, возбуждающій чувство соотвѣтственное прежнему, обычному зрѣнію.

Тезт. Такъ выходитъ, что тутъ два дѣла божьяго творчества: самая вещь и образъ, слѣдующій за каждою вещию.

Ин. Но что наше-то искусство? Не скажемъ ли, что оно домостроительствомъ созидаетъ домъ, а живописью—какой-то другой, изготовляемый будто сонъ для бодрствующихъ?

Тезт. Конечно.

D.

Ин. Ну такъ и прочее; соотвѣтственно двумъ частямъ, двояко и дѣло творческой нашей работы: одно—самая вещь,—это, говоримъ, искусство самодѣланія; другое—образъ,—это искусство образотворенія.

Тезт. Теперь больше понялъ, и полагаю два двойныхъ вида искусства творческаго: по первому дѣленію, виды божественный и человѣческій; по второму, одинъ—рожденіе самыхъ вещей, другой—нѣкоторыхъ подобій.

Ин. Припомнимъ же теперь, что въ искусствѣ образодѣлательномъ долженъ былъ заключаться родъ, во первыхъ, уподобительный, во вторыхъ,—фантастическій, коль скоро ложь является, дѣйствительно, какъ сущая ложь, и какъ нѣчто, относя-

щесея, по природѣ, къ вещамъ существующимъ

Тезт. Да, такъ было.

Ин. Значить, являлась?—и поэтому теперь не причислимъ ли къ ней, безъ всякаго противорѣчія, двухъ видовъ?

Тезт. Да.

267. *Ин.* Фантастическое же раздѣлимъ опять надвое.

Тезт. Какимъ образомъ?

Ин. Одно бываетъ посредствомъ орудій, въ другомъ самого себя дѣлаетъ какъ бы орудіемъ тотъ, кто создаетъ призракъ.

Тезт. Какъ ты говоришь?

Ин. Когда кто, пользуясь своимъ тѣломъ, или голосомъ, дѣлаетъ то, что первое кажется подобнымъ твоей фигурѣ, а послѣдній твоему голосу; тогда эту особенно часть фантастики называютъ, думаю, подражаніемъ.

Тезт. Да.

Ин. Такъ эту часть ея называя подражательностію, возь-
В. мемъ особю, а все прочее, отъ усталости, оставимъ, представляя другому свести это въ одно понятіе и обозначить приличнымъ названіемъ.

Тезт. Обособлена, а прочее передано.

Ин. Но вѣдь и тутъ еще, Тезтетъ, стоить замѣтить двой-
кость, и смотри, почему.

Тезт. Говори.

Ин. Изъ подражающихъ, одни дѣлаютъ это, зная то, чему подражаютъ, а другіе—не зная. И какое дѣленіе представимъ мы обширѣе незнанія и знанія?

Тезт. Никакого.

Ин. Но сказанное-то сейчасъ было подражаніе знающихъ; потому что здѣсь могъ подражать только тотъ, кто знаетъ тебя и твою фигуру.

С. *Тезт.* Какъ же иначе.

Ин. А что скажемъ о фигурѣ справедливости и вообще всякой добродѣтели? Не то ли, что, не зная ея, а водясь какимъ нибудь мнѣніемъ, многіе сильно берутся показать свое усердіе въ томъ, чтобы, чрезъ словесное и дѣятельное под-

ражаніе своему мнѣнію, кажущееся имъ самимъ представлялось принадлежностію тѣхъ?

Тезт. Да и очень многіе.

Ин. Но терпятъ ли неудачу всѣ, желающіе казаться справедливыми, не будучи такими? Или совершенно напротивъ?

Тезт. Совершенно.

Ин. Такъ этого-то подражателя, не знающаго, надобно, думаю, почитать отличнымъ отъ того знающаго.

Тезт. Да.

Ин. Откуда же взялъ бы ктонибудь имя, приличное каждому изъ нихъ? Или явно, что это сопряжено съ трудомъ, потому что раздѣленіе родовъ на виды представлялось прежнимъ, какъ видно, старинною и неразумною привычкою; такъ что дѣлать никто и не брался. Поэтому и нужда въ именахъ была не очень настоятельна. Впрочемъ, хоть и смѣло будетъ сказать,—мы, для отличія, подражаніе съ мнѣніемъ назовемъ подражаніемъ мнительнымъ, а подражаніе съ знаеніемъ—подражаніемъ какимънибудь историческимъ.

Тезт. Пусть.

Ин. Такъ надобно принять первое изъ нихъ; потому что софистъ былъ у насъ не между знающими, а между подражающими.

Тезт. И очень.

Ин. Мнительное же подражаніе будемъ мы разсматривать какъ желѣзо; крѣпко ли оно, или имѣетъ въ себѣ какойнибудь разщепъ.

Тезт. Будемъ.

Ин. А оно имѣетъ, и очень большой.—Вѣдь одинъ изъ нихъ простоватъ, когда думаетъ, будто знаетъ то, о чемъ только мнить; а фигура другаго, по неопредѣленности выраженій, возбуждаетъ большое подозрѣніе и опасеніе, что какъ не знаетъ онъ того, въ отношеніи къ чему принимаетъ предъ другими видъ знатока?

Тезт. Конечно, бываетъ онъ обоихъ родовъ, о которыхъ ты сказалъ.

Ин. Поэтому не положить ли, что одинъ изъ нихъ—простой какой-то подражатель, а другой—подражатель притворный?

Тезт. Въ самомъ дѣлѣ, походить.

Ин. А притворнаго, опять, одинъ ли назовемъ родъ, или два?

Тезт. Смотри самъ.

В. *Ин.* Смотрю, и мнѣ представляются какіе-то два притворщика: одного замѣчаю въ томъ, кто имѣетъ способность притворствоваться публично, въ длинныхъ рѣчахъ, предъ народнымъ собраніемъ; а другаго—въ томъ, кто частно и въ короткихъ словахъ заставляеть себесѣдника противорѣчить самому себѣ.

Тезт. Ты говоришь весьма правильно.

Ин. Кого же мы признаемъ въ болѣе длиннословномъ: политика ли, или народнаго оратора?

Тезт. Народнаго оратора.

Ин. А какъ назовемъ другаго? мудрецомъ, или софистомъ?

С. *Тезт.* Мудрецомъ невозможно, такъ какъ мы сочли его не знающимъ; а если онъ подражатель мудреца, то явно, что отъ него долженъ заимствовать какое нибудь имя, и я почти уже понялъ, что этого-то надобно называть по истинѣ тѣмъ истымъ софистомъ.

Ин. Что же? не связать ли софиста, какъ прежде, сплети его имя отъ конца къ началу?

Тезт. Конечно.

Д. *Ин.* Такъ этимъ именемъ означается подражаніе искусству, заставляющему другаго противорѣчить самому себѣ, содержанию въ притворствующей части искусства мнительнаго, а чрезъ это—въ родѣ фантастическомъ, происходящемъ отъ образотворенія, которое есть чудодѣйственная часть, отдѣляющая въ словахъ творчество не божественное, а человѣческое. Кто полагалъ бы, что софистъ дѣйствительно этого рода и крови, тотъ говорилъ бы, какъ видно, сущую правду.

Тезт. Безъ сомнѣнія.

